

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

На правах рукописи

Чжан Хунин

Чжан Хунин

**Культурная маркированность русских и китайских антропонимов:
сопоставительный анализ (на материале словарных источников)**

5.9.8 – Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор
Мамонтов Александр Степанович

Москва – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3-10
ГЛАВА 1. Теоретические основы изучения антропонимов.....	11-57
1.1 Антропонимика как раздел ономастики.....	11-37
1.1.1 Ономастика как самостоятельная научная дисциплина	11-18
1.1.2 Антропонимика как область ономастики.....	18-30
1.1.3 Общие признаки антропонимов	300-37
1.2 Антропонимы как средство выражения национальной специфики языка и культуры.....	37-55
1.2.1 Взаимоотношения языка и культуры.....	37-41
1.2.2 Антропонимы как феномен национальной культуры.....	411-55
Выводы по главе 1	566-57
ГЛАВА 2. Национально-культурная специфика русских культурно маркированных антропонимов на фоне китайской лингвокультуры	58-103
2.1 Культурная коннотация как средство выражения национально-культурной картины мира.....	58-73
2.2 Общие сведения о культурно мркированных антропонимах.....	73-91
2.2.1 Коннотативные антропонимы как лингвокультурная единица	733-79
2.2.2 Типы оценки коннотативного значения антропонимов.....	79-87
2.2.3 Классификация культурно маркированных антропонимов по видам антропонимов в русском языке.....	87-91
2.3 Классификация культурно маркированных антропонимов по ассоциативно-фоновым знаниям.....	91-102
Выводы по главе 2	102-103
ГЛАВА 3. Идеографическая классификация русских антропонимов на фоне китайской лингвокультуры	104-167
3.1 Идеографический подход к изучению и описанию языковых единиц	104-110
3.2 Идеографическая классификация русских коннотативных антропонимов как способ описания фрагмента картины мира «Человек».....	111-165
3.2.1 Человек как живое существо	111-120
3.2.2 Человек как разумное существо.....	120-138
3.2.3 Человек как общественное существо	138-165
Выводы по главе 3	165-167
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	1688-170
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	171-195

ВВЕДЕНИЕ

Имена собственные, как древнейшие единицы каждой языковой системы, представляют собой одну из самых интересных и сложных лингвистических универсалий, поскольку любой язык и любая культура без них не обходится. Наука, изучающая имена собственные, называется ономастикой. Современные исследования ономастики осуществляются в различных аспектах: географическом, историческом, когнитивном, лексикографическом, лексикологическом, лингвоисточниковедческом, лингвокультурологическом, ономаσιологическом, психолингвистическом, семиотическом, социолингвистическом, терминологическом, этнолингвистическом и др. Комплексный подход к ономастике связан с необходимостью учета экстралингвистического фактора в языке, то есть рассмотрения разных аспектов взаимодействия языка, культуры и человека как носителя языка. В соответствии с категориями объектов имена собственные разделяют на различные разряды, в том числе антропонимику, которая изучает совокупность имен людей.

Настоящее диссертационное исследование **на тему: «Культурная маркированность русских и китайских антропонимов: сопоставительный анализ (на материале словарных источников)»** проводится в рамках лингвистической антропоцентрической парадигмы и посвящено рассмотрению национально-культурной специфики русской антропонимической лексики с позиции представителя китайской лингвокультуры.

Объектом исследования является русская антропонимическая лексика как феномен инолингвокультуры.

Предмет исследования – это национально-культурная специфика русской антропонимической лексики в аспекте сопоставления русской и китайской лингвокультур.

Актуальность данного исследования обусловлена: общим антропоцентрическим направлением развития лингвистики на современном этапе;

общим интересом к проблемам взаимосвязи антропонимической лексики и культуры носителя языка; необходимостью описать национально-культурную специфику русской антропонимической лексики на фоне китайской лингвокультуры; отсутствием достаточного количества работ по данной проблематике в коннотативно-сопоставительном аспекте.

Специфика объекта исследования заключается, прежде всего в экспликации в антропонимическом аспекте наиболее существенных признаков в функции различения сопоставляемых лингвокультур.

Будучи одним из ядер ономастической лексики, сами антропонимы являются важной частью культуры и, как минимум, хорошим средством отражения культуры, они обладают яркими отличительными чертами с антропонимами носителя языка. Поэтому мы опираемся на культурологический аспект ономастических исследований, рассматривая оном – антропоним как продукт определенной культуры и определенного исторического периода.

Кроме того, существенной является коннотация как эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска языковой единицы, закреплённая в системе языка или имеющая окказиональный характер [Телия 2004]. В структуре коннотации ассоциативно-образный компонент выступает как основание эмоциональной оценки (эмотивности) и стилистической маркированности, связывая денотативное и коннотативное содержание языковой единицы [Там же]. Типичными примерами – носителями ассоциативной образности являются антропонимы. Для рассмотрения национально-культурной специфики хорошим материалом для анализа служит русская антропонимическая лексика с культурной коннотацией, обладающая эмоциональной и оценочной окраской.

Рабочая гипотеза диссертационного исследования заключается в том, что национальное языковое сознание, опосредованное этническим образом мира, впоследствии определяет семантику имени собственного – антропонима. С углублением процессов глобализации контакты между носителями различных языков стали более регулярными и востребованными. Происходит обмен жизненным, культурным, цивилизационным опытом в разных областях жизни.

Субъектам межкультурной и межнациональной коммуникации необходимо не только осознавать сходства и различия между субъектами-антропонимами, но и внимательно анализировать своеобразные приемы имен собственных, включая антропонимы с символическим, коннотативным значением, чтобы устранить возможные помехи в межкультурной коммуникации и диалоге культур.

Степень научной разработанности темы.

На современном этапе исследования антропонимическая лексика рассматривается не только как языковое, но и как культурное явление, представляет собой продукт культурного развития при том, что отношения между антропонимами разных языков символические.

Цель исследования заключается в комплексном описании и анализе национально-культурных особенностей русской антропонимической лексики в коннотативно-сопоставительном аспекте с позиции представителя китайской лингвокультуры.

На основании цели определяются **задачи** исследования:

1. охарактеризовать теоретическую базу исследования, рассмотрев вопросы, связанные с конкретизацией ряда используемых в работе понятий и терминов;
2. определить национально-культурную специфику русской антропонимической системы по отношению к китайской лингвокультуре;
3. проследить коннотативные аспекты скрытых смыслов, заложенных в антропонимах, и произвести их дешифровку;
4. охарактеризовать общие свойства коннотативных антропонимов;
5. построить классификацию русских коннотативных антропонимов по ассоциативно-фоновым знаниям и семантико-тематической сетке.

Фактическим материалом анализа послужили культурно маркированные антропонимы русского и китайского языков, отобранные из «Словаря коннотативных собственных имен» Е.С. Отина, «Россия. Большой лингвострановедческий словарь» под общ. ред. Ю.Е. Прохорова, китайских публикаций и словарей китайского языка, поскольку в Китае нет специальных словарей коннотативных имен собственных. В настоящем исследовании

проводится анализ 127 воплощенных коннотативных антропонимов, отобранных из соответствующих словарных источников, таких, как Национальный корпус русского языка, тексты СМИ и др.

Для решения поставленных задач в данной работе с учетом её цели и рабочей гипотезы применяются следующие **методы**: метод сопоставительного анализа, включающий в себя этимологический анализ, семантический анализ, компонентный анализ, текстологический анализ, классификационный анализ, анализ словарных дефиниций, интерпретационный метод, метод построения образно-семантического поля, лингвокультурологический анализ, метод лингвистического моделирования и количественный метод исследования.

Теоретической и методологической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных исследователей.

Изучение национально-культурной специфики антропонимической лексики потребовало рассмотрения основных направлений в области ономастики, в том числе работ по антропонимике таких ученых, как В.Д. Бондалетов (1983), Л.А. Введенская (1989), Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров (1983, 1990, 2005), Н.Н. Воропаев (2018), М.В. Голомидова (1998), Е.П. Карнович, (2019), Л.Р. Концевич (2002), А.Ф. Литвина и Ф.Б. Успенский (2006, 2013), Г.Б. Мадиева и В.И. Супрун (2016, 2017), А.С. Мамонтов (2000), В.А. Маслова (2001), А.М. Мезенко (2013), В.А. Никонов (1976, 1988, 1993, 2011), Ю.Н. Новикова (2017), С.М. Пак (2005), Е.Н. Полякова (1975), М.Э. Рут (2008), Ю.А. Рылов (2006), З.К. Сабитова (2015), Т.В. Скребнева (2013), О.Д. Смилевец (2003), А.В. Суперанская (2008, 2017, 2019), В.И. Супрун (2000, 2019), Ю.Г. Сызранова (2013), Н.И. Толстой (1997), Е.А. Хамаева (2015), В.К. Чичагов (2018), Т.В. Шмелева (2013).

Взаимосвязь между ономастической, в частности, антропонимической, лексикой и культурой представляет интерес как для российских лингвистов-ономатологов: Ж. Багана (2008), А.Н. Беляев (2016), Г.Р. Галиуллин (2008, 2009, 2012), С.И. Гарагуля (2010), М.А. Гранкина (2017), А.А. Гульмира (2012), В.В. Дашеева (2013), Э.В. Екеева (2008), Е.И. Колосова (2016), О.В. Копыльских

(2009), Е.Ф. Косиченко (2011, 2012, 2013), И.Л. Кучешева (2017), В.А. Ленинцева (2015), Г.Б. Мадиева и В.И. Супрун (2010), М.Х. Манликова (2016), В.И. Маркевич (2014), В.А. Маслова (2018), А.М. Мезенко (2017), Е.Н. Полякова (2009, 2010), Б.Х. Псеунова (2011), В.А. Ражина (2007), М.Г. Рыгалина (2014), С.А. Скуридина (2016), В.И. Супрун (2015, 2017), Л.О. Терновая (2013), Н.И. Толстой и С.М. Толстая (1998), А.В. Цепкова (2012), М.А. Чигашева (2015); так и для китайских лингвистов-ономатологов: Ван Баомин (王宝明, 1994), Ван Цюаньгэнь (王泉根, 2000, 2010), Ван Шухэ (王树和, 1993), Ван Яньцзюнь (王艳军, 2013), Го Жан Шунь (郭让舜, 2000), Ли Имин (李易明, 2015), Ли Хао (李浩, 2017), Ма Минчунь (马鸣春, 1990), Сунь Сюйу (孙绪武, 2015), Сяо Яотянь (萧遥天, 1987). Тань Жувэй (谭汝为, 2010), Цяо Чжися (乔志霞, 2015), Чжан Хунин (张洪英, 2020, 2021), Чжао Жуйминь (赵瑞民, 2008, 2016), Ши Лэй (石磊, 2013), Ян Хуэй (2004, 2017), Ян Ян (杨扬, 2004).

Исследование вопроса о коннотации проводилось на основе теоретических работ российских ученых Ю.Д. Апресяна (1995), О.И. Быковой (2005), А.В. Вестфальской (2015), И.Е. Герасименко (2008), В.И. Говердовского (1979, 1985, 1986, 1992), Е.А. Гончаровой (2012), Е.В. Ерофеевой (2009), Н.М. Кашириной (2015), Н.Н. Кислицыной (2011, 2016, 2018, 2020), Л.В. Кропотовой (2010), В.А. Масловой (2001), Л.А. Мехеловой (2012), О.А. Никитиной (2017), В.М. Никонова (2007, 2008, 2009, 2011, 2012, 2013, 2015, 2016, 2017, 2018), И.Н. Пахомовой (2009), О.Г. Ревзиной (2004), М.С. Степанова (2012), И.А. Стернина (1997, 2010), Е.М. Сторожевой (2007, 2009, 2011), В.Н. Телии (1981, 1986, 1996, 2011), Е.Е. Тихомировой (2013), Г.В. Токарева (2009), Д.Н. Шмелева (2006). Анализ ономастической коннотации представлен в исследованиях таких ученых, как О.В. Врублевская (2019, 2020), Е.А. Гончарова (2012), Л.И. Зубкова (2008, 2009, 2012), О.В. Кисель (2008, 2009, 2015, 2019), И.В. Крюкова (2019, 2020), Г.П. Лукаш (2006), Ю.Л. Михайлова (2017), Т.А. Ненашева (1993, 2012), Е.С. Отин (2006), Л.Ф. Пуцилева (2009), О.Н. Ракитина (2005), В.И. Супрун (2009).

Научная новизна исследования состоит в том, что

1. определена национально-культурная специфика русских фамилий и имен на фоне китайской лингвокультуры;

2. выявлено, что национально-культурная специфика русской антропонимической лексики обусловлена её культурной маркированностью в коннотативно-сопоставительном аспекте;

3. произведена классификация культурно маркированных антропонимов по ассоциативно-фоновым знаниям;

4. произведена идеографическая классификация русских антропонимов с учетом коннотативного аспекта их семантики.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что работа вносит определённый вклад в изучение специфики современной русской антропонимической лексики на фоне китайской лингвокультуры. В лингвокультурном пространстве иносоциума, часто с иной семантической значимостью и коннотацией, раскрываются закономерности возникновения и развития антропонимов, условия появления, мотивы и обстоятельства именования индивидуума, обычаи, влияние социальной среды при выборе имени собственного при вторичной номинации. Полученные результаты и выводы могут быть использованы для дальнейшего изучения вопросов, касающихся анализа национально-культурной специфики антропонимической лексики, развивают и дополняют исследование современной российской ономастики, в том числе антропонимики.

Практическая значимость исследования заключается в том, что изученный материал может быть использован в практических курсах по РКИ, в курсах по лингвострановедению, лингвокультурологии, теории межкультурной коммуникации, в процессе профессиональной подготовки будущих лингвистов, социологов, переводчиков, для подготовки лекций, семинаров, учебных пособий и научных материалов по лингвистике, в лексикографической практике.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Для представителя китайской лингвокультуры специфическими чертами русских личных имён являются их устойчивость, обусловленная христианскими

традициями выбора имени, обилие форм у одного имени и разнообразие основ для образования этих форм.

2. Отличительным признаком русской антропонимической системы по сравнению с китайской антропонимией является тесная взаимосвязь между личным именем, отчеством, фамилией и прозвищем. Личное имя, отчество и прозвище являются основой образования русских фамилий, поэтому русские фамилии отличаются разнообразием как с точки зрения словообразовательной модели, так и с точки зрения производящей основы.

3. В отличие от китайских фамилий русские выполняют индивидуализирующе-идентифицирующую функцию, позволяют определить пол носителя фамилии по суффиксу.

4. Антропонимы обладают культурной коннотацией. В одном коннотативном антропониме может объединяться несколько взаимосвязанных и неразделимых элементов культурной коннотации, поэтому такие культурно маркированные антропонимы являются эффективным и экономным способом выражения мысли говорящего.

5. При определении национально-культурной специфики русской антропонимической лексики с позиции представителя иной (китайской) лингвокультуры целесообразно разработать идеографическую классификацию изучаемых языковых единиц как способ описания фрагмента русской картины мира.

Апробация результатов исследования. Основные результаты диссертационного исследования были представлены на Юбилейной Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Осенние коммуникативные чтения: К 20-летию открытия лингвистического образования в РосНОУ» (г. Москва, 2018); IX Всероссийской научно-практической конференции «Научная инициатива иностранных студентов и аспирантов российских вузов» (г. Томск, 2019); Международной научной конференции «В.В. Виноградов. Язык и поэтика текста», посвященной 125-летию со дня рождения В.В. Виноградова (г. Москва, 2020); IV Международной научно-практической конференции «Китайская цивилизация в диалоге культур» (г. Москва, 2021); Международной научно-

практической конференции «Язык как искусство: функциональная семантика и поэтика» (г. Москва, 2022); Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XXI Кирилло-Мефодиевские чтения» (г. Москва, 2022).

Положения диссертационной работы отражены в 9 публикациях, в том числе в 3-х статьях, опубликованных в изданиях из перечня изданий, рекомендованных ВАК РФ:

«Русскоязычный псевдоним на фоне китайской лингвокультуры» в журнале «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» (г. Хабаровск, 2021, Т. 18. № 1. С. 97–102); «Национально-культурная специфика русской фамилии на фоне китайской лингвокультуры» в журнале «Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом» (г. Москва, 2022, № 2. С. 53–56); «Национально-культурная специфика русских фразеологизмов с антропонимическим компонентом на фоне китайской лингвокультуры» в журнале «Известия Волгоградского государственного педагогического университета» (г. Волгоград, 2022, № 4 (167), С. 182–188).

Структура и объем работы. Диссертация состоит из Введения, 3 глав, Заключения и библиографического списка.

Во Введении представлена теоретико-методологическая база исследования; обозначены его объект и предмет, сформулированы рабочая гипотеза, цель и задачи, положения, выносимые на защиту; обоснована его актуальность, новизна, теоретическая и практическая значимость. В первой главе описываются теоретические вопросы изучения антропонимосферы. Вторая глава посвящена национально-культурной специфике русских антропонимов на фоне китайской лингвокультуры в коннотативно-сопоставительном аспекте. В третьей главе приводится тематико-идеографическая классификация русских антропонимов. В Заключении формулируются общие выводы и подводятся итоги проведенного исследования.

ГЛАВА 1. Теоретические основы изучения антропонимов.

1.1 Антропонимика как раздел ономастики

1.1.1 Ономастика как самостоятельная научная дисциплина

Положению имен собственных в языке и их значению было уделено особое внимание еще в древние времена (Дионисий Фракийский, Апполоний Дискол, Диомед, Донат, Консентий, Демокрит, Платон, Аристотель, Аммоний, Диодор Крон, Секст Эмпирик и др.) В XIII-XVIII в. была заложена основа современных теоретических положений ономастики благодаря работам таких ученых, как Фома Аквинский, Томас Гоббс, Дж. Локк, Готфрид Вильгельм Лейбниц и др. Впоследствии в течение XIX – нач. XX вв. европейские ученые Дж. Стюарт Милл, Х. Джозеф, Б. Рассел, Л. Стеббинг, А. Нурен, М. Бреаль и др. описали содержание, значение имени собственного и его особенности относительно других пластов лексики, в частности, терминов.

Статус научной дисциплины ономастика получила только в 30-е годы XX в.: в 1930 г. состоялся первый Международный ономастический конгресс, в 1949 г. в Бельгии создали Международный ономастический комитет при ЮНЕСКО. В настоящее время ономастика вполне сложилась как самостоятельная лингвистическая дисциплина. Она имеет ясно очерченный круг проблем; при этом методы ономастических исследований продолжают совершенствоваться.

В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой разных лет изданий (1966, 1969, 2004) и в «Словаре омонимов русского языка» О.С. Ахманова (1974) дефиниция термина «**ономастика** (ономатология)» остается неизменной: «1. Раздел языкознания, изучающий личные имена (имена, отчества, фамилии, прозвища людей и животных). 2. Совокупность (система) личных имен как особый предмет лингвистического изучения. 3. Раздел языкознания, изучающий собственные имена» [Ахманова 1966, с. 278]. В первом издании «Словаря русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской (1978) находим такую трактовку термина: «**Ономастика** (...) – это раздел языкознания, изучающий любые

собственные имена... Долгое время под термином «ономастика» понималось: а) изучение антропонимов, т. е. антропонимика, б) совокупность антропонимов, т.е. антропонимия, в) совокупность всех собственных имен, т. е. онимия (...)» [Подольская 1978, с. 97]. Во втором издании этого словаря (1988) трактовка изменяется: «**Ономастика** – раздел языкознания, изучающий любые собственные имена» [Подольская 1988, с. 96]. «**Ономастика** [др.-греч. ονομά – ‘имя’] – наука об именах собственных, подразделяемая на две отрасли: 1) антропонимику, изучающую имена, фамилии, отчества и прозвища людей); 2) топонимику, изучающую географические названия (названия стран, городов, сел, рек, озер, морей, гор, равнин и т. п.)» [Жеребило 2010, с. 235].

В учебном пособии «Теория и практика ономастики» Г.Б. Мадиевой «**ономастика** [гр. ὀνομαστική (τέχνη) – ‘искусство давать имена’] – это раздел языкознания, изучающий имена собственные, которые служат для индивидуального обозначения любого одушевленного или неодушевленного предмета, явления, события, периода времени и др. Термином «ономастика» называли также совокупность имен собственных – онимов (гр. ὄνομα, ὄνυμα ‘имя, название’), обозначаемую в современной науке как «ониimia»» [Мадиева 2015, с. 17]. В учебном пособии «Ономастика» Ю.Г. Сызрановой и монографии «Общая теория имени собственного» А.В. Суперанской термин ономастика имеет два значения. Во-первых, им обозначается комплексная наука об именах собственных; во-вторых – сами имена собственные (в последнем значении употребляется также термин «ониimia») [Сызранова 2013, с. 7; Суперанская 2019, с. 5].

Анализ приведенных толкований терминов приводит к следующим обобщениям:

1) Только у истоков ономастики ученые употребляют термин **ономастика** в значении антропонимика или система личных имен данного языка, раздел языкознания, изучающий личные имена.

2) Термин **ономастика** имеет греческое происхождение, во избежание многозначности ряд ученых (Ю.Г. Сызранова, А.В. Суперанская, Н.В. Подольская и Г.Б. Мадиева) предлагает совокупность собственных имен обозначать термином

онимия.

3) Термин **ономастика** употребляется как в значении «раздел языкознания, изучающий собственные имена», так и в значении «совокупность имен собственных или сами имена собственные». Ономастику не следует рассматривать как раздел лексикологии, а как самостоятельную лингвистическую науку.

Важной вехой в изучении имени собственного стал труд английского лингвиста Аллана Гардинера «Теория имен собственных» (Alan Gardiner «The Theory of Proper Names», 1954). Он опирался на тезис Дж. Ст. Милля об отсутствии у имен собственных значения и разделил имена собственные на «телесные» и «бестелесные», или на «воплощенные» и «развоплощенные». Воплощенные – это имена, прикрепленные к определенным лицам, местностям и т.д. (город *Москва*, китайский педагог *Конфуций*), развоплощенные – это те же самые слова-имена, но рассматриваемые вне связи с конкретными лицами или объектами (*Ванька*, *Вася*) [Цит. по: Бондалетов 1983, с. 13]. Советский лингвист М.И. Стеблин-Каменский изучал историю ономастической лексики с позиции «большей или меньшей воплощенности» собственных имен в языке той или иной эпохи [Цит. по: Мадиева 2015, с. 25].

Датский лингвист Кнут Тогебю разрабатывает лингвистические категории с точки зрения теории интенции и экстенции, на основе которой собственные имена напоминают местоимение. И те и другие не имеют определенного семантического содержания, лишь представляют индивидов [Цит. по: Сызранова 2013, с. 20]. Другие ученые, например, В. Брэндалль, А. Гардинер, Л. Стеббинг, Б. Рассел, Э. Бойссенс, Л. Ельмслев, А.А. Реформатский, О.С. Ахманова, Н.Д. Арутюнова, А.А. Уфимцева, К.Д. Левковская, Н.И. Толстой, В.М. Мокиенко поддержали тезис Дж. Милля о том, что у имени собственного нет значения [Нахимова 2010, с. 171]. Напротив, в отличие от Дж. Милля, современники и сторонники другой точки зрения Х. Джозеф, О. Есперсен, М. Бреаль, Н. Шпербер, Г. Суит, Г. Сёренсен, А.В. Суперанская, В.И. Болотов, С.И. Зинин утверждали, что имя собственное имеет полноценное значение только в речи (в тексте, в контексте, в дискурсе), где, как правило, соотносится с тем или иным референтом [Нахимова 2010, с. 172]. Так,

польский лингвист XX в. Е. Курилович писал, что значение имени собственного больше, чем значение апеллятива. По его мнению, имена собственные могут обозначать лишь отдельный предмет [Курилович 1962, с. 251]. Другие ученые Л.В. Щерба, Е. Курилович, А. Доза, Ф. Травничек, И.А. Воробьева, Е.Ф Данилина, М. Захарова, Т.Н. Кондратьева, В.А. Никонов, Ю.А. Карпенко, Л.П. Ступин, Л.М. Щетинин занимают такую позицию: имя собственное имеет значение не только в речи, но и в языке, но это значение совсем иного характера, чем значение имени нарицательного [Нахимова 2010, с. 172]. Эта точка зрения лежит и в основе нашего исследования. Мы солидарны с выводами Е.А. Нахимовой, что «в структуре значения имен собственных обнаруживаются несколько компонентов: а) категориальные семы; б) категориально-лексические семы, свидетельствующие о принадлежности к лексическим полям (например, люди, животные и др.), в) дифференциальные семы (например, отражающие принадлежность слова к числу лексем, обозначающих мужчин); г) коннотативные семы (стилистическая, эмоциональная, экспрессивная, социальная окраска имени); д) ассоциативные семы, отражающие факультативные и личностные смыслы; е) культурно-исторические семы, фиксирующие связи семантики с соответствующими дискурсами» [Нахимова 2010, с. 173].

В настоящее время ономастика вполне сложилась как самостоятельная лингвистическая дисциплина. Она имеет ясно очерченный круг проблем; при этом методы ономастических исследований продолжают совершенствоваться.

Г.Б. Мадиева утверждает, что в определенных условиях и в определенном объеме имена собственные выполняют несколько функций: номинативную, экспрессивную, волюнтаривную, кумулятивную, познавательную, эстетическую, фактическую, адресную, магическую, а в художественном тексте поэтические имена собственные могут выполнять, помимо номинативной, и стилистическую функцию, которая дифференцируется на такие подфункции, как характеризующая, идеологическая, эмотивная, экспрессивная [Мадиева 2015, с. 124].

В соответствии с категориями объекта имена собственные делятся на разряды, которые, в свою очередь, с учетом гиперо-гипонимических отношений разделены

на отдельные виды и подвиды. В качестве примера обратимся к классификации А. Баха. А. Бах (1952) делит имена собственные в связи с обозначаемыми объектами на 6 групп: 1) имена живых существ или существ, которых считают живыми; 2) имена вещей, куда относятся местности, дома, средства передвижения, произведения изобразительного искусства, названия астрографических и космических объектов; 3) именованья учреждений, обществ; 4) именованья действий: танцев, игр; 5) имена мыслей, идей: литературных произведений, военных и пр. планов; 6) имена музыкальных мотивов и произведений [Цит. по: Суперанская 2007, с. 174].

Поскольку наше исследование сосредоточено на антропонимах, то мы детально анализируем первый разряд «имена живых существ и существ, воспринимаемых как живые». В этот разряд входят антропонимы, зоонимы, мифонимы.

Антропонимы относятся к именованию людей и только людей, поэтому они связаны с историей культуры, особенностями психологии людей, с традициями и многим другим. Антропонимы принято разделять на индивидуальные и групповые.

Индивидуальные антропонимы выделяют личность из коллектива. Общепринято деление фрагмента ономастической системы для именованья личности на: 1) одноименные; 2) двуименные и 3) трехименные. Современная официально принятая русская система именованья личности «имя + отчество + фамилия» относится к числу трехименных систем, а официально принятая сейчас китайская система «фамилия + имя» принадлежит к числу двуименных. Эти системы используются при составлении официальных документов, например, в процессе переписи населения. Но одновременно в живом употреблении русские и китайцы также используют различные одноименные или двуименные системы, сильно отличающиеся от единой официальной, например, прозвище, псевдоним. В Китае существует детское имя, так наз. «дошкольное», или «молочное имя» (кит. 小名, 乳名), которое является факультативным. Например, детское имя Конфуция – Цю (кит. 丘, букв. 'холмик').

К групповым антропонимам относятся родовые, семейные и династические

имена, которые даются коллективам, выделяемым на основе тех или иных признаков. Например, родовые имена *Рюриковичей* и *Романовых* в истории России являются самыми известными, в то же время они являются династическими именами. Родовые антропонимы традиционно сохраняются. По происхождению много фамилий китайцев происходят от родовых антропонимов. Современные китайские фамилии *Лу* (魯), *Цзинь* (晉), *Вэй* (卫), *Фань* (范), *Юань* (元), *Цюй* (屈) восходят к родовым именованию, которое также называется клановое именование Ши (кит. 氏, пиньинь shì). Существует немало коллективных псевдонимов в России и других странах. *Иван-да-Марья* – коллективный псевдоним русских поэтов-переводчиков Ивана Феликсовича Тхоржевского (1843–1910 гг.) и Александры Александровны Тхоржевской (1855/56–1933 гг.). *Семь мудрецов* – коллективный псевдоним из Древней Греции, по одной версии в этот список входят Фалес Милетский (ок. 624 до н. э. – ок. 546 гг. до н. э.), Солон Афинский (ок. 638 до н. э. – ок. 558 гг. до н. э.), Питтак Митиленский (ок. 640 до н. э. – ок. 568 гг. до н. э.), Биант Приенский (также Виант, Биас, Виас, Биант из Приены, VI век до н. э.), Клеобул из Линда (ок. 600–530 гг. до н. э.), Периандр (VII век до н. э. – ок. 587 гг. до н. э.) и Хилон Спартанский (ок. 555 гг. до н. э.). В Китае известен коллективный псевдоним *Семь мудрецов из Бамбуковой Роуци* (Шань Тао (山涛, 205–283 гг.), Шань Тао (阮籍, 205–283 гг.), Цзи Кан (嵇康, 223–262 гг.), Сян Сю (向秀, ок. 227–272 гг.), Лю Лин (刘伶, 221–300 гг.), Жуан Сянь (阮咸 дата рождения и смерти неизвестна), Ван Жун (王戎, 233–305 гг.) – группа китайских философов-даосов, писателей и музыкантов III в. н.э.).

Зоонимы – это имена животных, птиц и пр. *Васька* из крылатого выражения «А Васька слушает, да ест» является кличкой кота. В известной повести «Собачье сердце» профессор Филипп Филиппович Преображенский выбрал беспородного бездомного пса *Шарика*, в качестве подопытного животного. Собака в китайском фильме «Почтальоны в горах (кит. 那山那人那狗)» (1999) называется *Второй* (кит. 老二).

Термин «мифоним» происходит от греческого слова (μῦθος 'миф', ὄνομα 'имя'),

означает «мифологическое имя (собст.)», «имя вымышленного объекта любой сферы ономастического пространства в мифах и сказках, в том числе мифоантропоним, мифотопоним, мифозооним, а также теоним» [Подольская 1978, с. 124-125]. Они содержат именованья людей, животных, растений, народов, географических и космографических объектов, различных предметов и пр. В русской мифологии регулярно встречаются мифоантропонимы, например, *Иван-царевич, Иван-дурак, Баба Яга, Василиса Прекрасная, Кощей Бессмертный, Болотник*. Мифоантропонимы из античной мифологии также пользуются известностью среди русских, например, *Пандора*. Также имеются известные всем китайцам мифоатропонимы, как *Нюйва (女娲), Чанъэ (嫦娥), Цзинвэй (精卫), бессмертная фея Ма Гу (麻姑)*. Античные мифотопонимы – *река Лета, Гора Олимп, остров Крит*; мифозоонимы – *Пегас, Цербер, Центавр, Орф*; Мифофитоним – *липа Матруня*; теонимы (название божества в любом пантеоне) – *Аполлон, Купидон, Зевс, Фортуна, Си-ван-му (西王母 Царица-мать Западного рая)*.

Объектом лингвистической науки ономастики является оним, или имя собственное [Шмелева 2013, с. 10]. Таким образом, согласно объектам ономастических исследований ономастика занимается изучением различных имен собственных, что позволяет подразделять ее на основные разряды ономастики и периферийные разряды имен собственных. В основные разряды ономастики входят антропонимика (наука об именованьях людей), топонимика (наука о географических названиях); зоонимика (изучение кличек животных), космонимы и астронимы (имена собственной объектов Галактики), а в периферийные разряды имен собственных – идеонимы (артионимы, библионимы, документонимы, поэтонимы, гемеронимы. хрононимы. геортонимы), прагматонимы – названия объектов практической деятельности человека (хрематонимы, порейонимы, фалеронимы) [Шмелева 2013, с. 10].

Ядерной зоной ономастического поля являются антропонимы и топонимы. Существует мнение, что «разряды, занимающие периферийное положение в ономастическом пространстве (эргонимы, порейонимы, товарные знаки и др.),

отличаются слабой структурированностью и системностью» [Крюкова 1993, с. 21-22].

1.1.2 Антропонимика как область ономастики

В учебном пособии Г.Ю. Сызрановой «Ономастика» термин «антропонимика» определяется как «раздел ономастики, изучающий собственные имена людей, происхождение, изменение этих имён, географическое распространение и социальное функционирование, структуру и развитие антропонимических систем» [Сызранова 2013, с. 80].

В «Словаре лингвистических терминов» Т.В. Жеребило (2010) читаем: «Антропонимика [антропо... др.-греч. ονύμα имя]. Вот его толкования: 1) область ономастики, исследующая происхождение, изменение, географическое распространение, общественное использование и т.п. собственных имен людей; 2) совокупность собственных имен того или иного языка. Направление лингвистических исследований, связанное с изучением личных имен, раздел ономастики. Антропонимы делятся на следующие группы: 1) личные имена; 2) патронимы; 3) матронимы; 4) отчества; 5) фамилии; 6) родовые имена; 7) прозвища; 8) псевдонимы; 9) криптонимы и др. Раздел лексикологии, изучающий собственные имена людей» [Жеребило 2010, с. 35].

В «Полном словаре лингвистических терминов» Т.В. Матвеева так толкует этот термин: «антропонимика – раздел ономастики, в котором изучается совокупность собственных имен людей: личные имена со всеми вариантами, отчества, фамилии, прозвища, псевдонимы. Отдельное такое имя называется антропоним, их совокупность – антропонимия. Совокупность антропонимов дает материал для этимологических и лингвокультурных разысканий» [Матвеева 2010, с. 24].

В своей работе Е.Н. Полякова пишет, что «Антропонимом языковеды называют именование человека (от греческого «антропос» – человек и «онима» – имя), антропонимией – совокупность именованых людей, а антропонимикой – научную дисциплину, изучающую эти именованых. Антропонимика – одна из

отраслей науки об именах собственных – ономастики [Полякова 1975, с. 5].

Проанализировав дефиниции термина «антропонимика», мы выделили актуальные для нашего исследования положения. Термин антропонимика а) имеет греческое происхождение (греч. ἄνθρωπος – ‘человек’ и ὄνομα – ‘имя’); б) обозначает раздел ономастики, который в) занимается изучением антропонимов (личных имён, отчеств, фамилий, прозвищ, псевдонимов и других именовании людей); г) антропонимы подразделяются на разные группы: имена личные, патронимы (отчества или иные именовании по отцу), фамилии, родовые имена, прозвища и псевдонимы (индивидуальные или групповые), криптонимы (скрывааемые имена) и др.

Несмотря на то, что в «Словаре лингвистических терминов» Т.В. Жеребило антропонимика определяется как совокупность собственных имен того или иного языка, такое понимание термина не получило широкого признания, и для передачи этого значения в нашем исследовании мы употребляем термин «антропонимия».

История развития русской антропонимики делится на два периода: 1) XIX – начало XX вв., 2) с 60-ых годов XX в.

Первый период заложил основу, на которой складывается русская антропонимика как самостоятельная область исследований. В этот период «антропонимика является прикладной отраслью, анализ антропонимов не носит системного характера». Это собрание и описание имен. Например, А. Балов, Н.Д. Чечули, Н.Н. Харузин интересуются фамилиями, их происхождением и народными прозвищами. Предпринимались попытки лексикографировать имена собственные. Можно особо выделить три труда в области антропонимики «Опыт библейского словаря собственных имен» П. Солярского (1881), «Славянский именослов» М.Я. Морошкина (1867) и «Словарь древнерусских личных собственных имен» (1903). Работа А.М. Селищева «Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ» (1948) положила начало научному, лингвистическому изучению антропонимической лексики. Книга В.К. Чичагова «Из истории русских имен, отчеств и фамилий» (1959) стала первым развернутым опытом описания истории формирования русской трехчленной формулы

именования человека [Королева 2000, с. 23-25].

Во второй период в 60–70-е годы XX века антропонимика была выделена в самостоятельную область исследований.

Тематику антропонимических исследований последнего двадцатилетия можно объединить в пять основных направлений: общеономастическая (общепантропонимическая) теория, история русской антропонимии, современная русская антропонимия, антропонимия в русской художественной литературе и фольклоре, прикладные вопросы антропонимики [Бондалетов 1983, с. 91].

В.А. Никонов (1988) был первым, кто начал изучать фамилии в региональном аспекте. Его монография «География фамилий» основана на большом архивном материале, посвящена русским фамилиям разной территориальной принадлежности (вологодские, орловские). Т.П. Авдоница (2000), Е.А. Бубнова (1992), И.А. Королева (1996, 2003), Н.В. Медведева (1999), А.Г. Мосин (2000, 2001, 2008), А.И. Назаров (2003), Н.И. Парфенова (2001, 2002), Е.Н. Полякова (1973, 1997, 2005, 2007), Т.Н. Романова (2001), Н.Г. Рябков (1995), М.В. Федорова (1964), Фролов (1972), Ю.И. Чайкина (1989, 1995), Л.М. Щетинин (2000) и др. также интересуются этой тематикой.

Прозвищам посвятили свои работы Р.А. Агеева (1994), С.С. Аксенов (1988, 1994), Г.А. Архипов (1973), Т.В. Бахвалова (1973), А.А. Белова (1963), Г.И. Берестнев (1997), Х. Вальтер и В.М. Мокиенко (2004, 2005), В.П. Ванюшечкин (1971), С.В. Веселовский (1974), П.И. Визгалов (1971, 1973), Н.И. Волкова (2003, 2004), О.В. Воронина (1980), Ю.Б. Воронцова (1996, 1997, 1998, 1999, 2000, 2001, 2002), Е.Ф. Данилина (1979), А.Ф. Журавлев (1984), М.В. Карпенко (1974), И.Ю. Карташова (1985), Н.П. Ключева (1980), Т.Г. Макарова (1982), Т.Н. Макарова (1996), Л.И. Маршева (1997), Н.В. Медведева (2000), Т.Б. Мещерякова (1976), А.Н. Мирославская (1959, 1962, 1980), К.П. Михалап (1975), В.А. Никонов, З.П. Никулина (1974, 1976, 1977, 1977, 1978, 1979, 1980, 1983, 1984, 1985, 1987, 1992,), Е.Н. Полякова (1995) П.Т. Поротников (1970, 1972, 1975, 1976), Н.Г. Рябков, А.А. Сергеева (1977), Г.Я. Симица (1969), В.И. Тагунова (1963, 1967), Е.В. Ухмылина (1970), Н.Н. Ушаков (1978, 1981) В.А. Флоровская (1971),

Ю.И. Чайкина (1969), А.Г. Шайхулов (1976), А.В. Шулунова (1981), и др.

Проблемы функционирования в языке фразеологизмов и пословиц с компонентом-антропонимом освещаются в трудах таких ученых, как Е.Н. Бетехтина (1999), В.Д. Бояркин (1987), Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров (1980), Г.З. Дарзаманова (2002, 2014), Л.В. Гриченко (2014), Е.В. Иванцова (1999), Т.Н. Кондратьева (1983), В.М. Мокиенко (1980), В.И. Маркевич (2014), Р.И. Охштат (1972), А.В. Сингаевская (2014), О.Е. Фролова (2007) и др.

Семантические вопросы имени собственного изучают такие ученые, как Н.Ф. Алефиренко (2005), Л.И. Андреева (1995), Л.М. Ахметзянова (2010), В.И. Болотов (2001), В.Д. Бондалетов (1983), Л.С. Головина (2012), А.В. Гузнова (2015), Н.В. Денисова (2015), Л.И. Зубкова (2009) З.О. Книжникова (2009), Е.А. Нахимова (2010), Т.А. Ненашева (2012), Н.В. Новинская (2000), Е.С. Плешков (2017), Н.В. Подольской (1988), Д.И. Руденко (1990), А.В. Суперанская (1973), Г.Ю. Сызранова (2013), Н.И. Толстой (1970), А.З. Черняк (2016), А.Д. Шмелёв (2002) и др.

В отдельных работах личные имена собственные характеризуются как безэквивалентные лексические единицы, непереводаемость которых обусловлена присущей им связью с определенным народом, национальными традициями и культурой (см. М.И. Гореликова, 1984; Л.И. Зубкова, 1996; М.Ю. Труфанова, 2005).

Антропонимы представляют собой источники прецедентных имен, в качестве основных характеристик которых выделяются общеизвестность в рамках лингвокультурного сообщества (И.В. Захаренко 1997; Д.Б. Гудков 2003; Красных 2002; Г.Г. Слышкин 2000), повторяемость в речи (Ю.А. Сорокин 1998; Е.А. Нахимова 2011), связь с прецедентными текстами и ситуациями (И.В. Захаренко 1997; В.В. Караулов 2010; Е.А. Нахимова 2011], клишированность, маркированность (Ю.А. Сорокин 1998), ценностная значимость (Ю.А. Сорокин 1998; Г.Г. Слышкин 2000; Е.Ф. Косиченко 2006; Е.А. Нахимова 2011), образность употребления (Е.А. Нахимова 2011), сложная семантическая структура (С.Л. Кушнерук 2006; Е.А. Нахимова 2011) и др [Дмитриева 2021, с 75].

Со второй половины XX века личные имена собственные рассматриваются в

виде сложной структуры, в состав которой входят сигнификативный, денотативный, коннотативный, национально-культурный (этнокультурный) и структурный элементы [Зубкова 2009, с. 10].

Тесную взаимосвязь национальных имен и русской культуры подтверждают своими работами многие лингвисты, среди них В.Д. Бондалетов (1983), С.Н. Булгаков (1999), М.В. Горбаневский (1987), Г.Ф. Ковалев (2002), И.А. Королева (1996, 2003), Ю.Т. Листрова-Правда (1987), В.А. Никонов (1976, 1988, 1993, 2011), А.М. Селищев (1968), А.В. Суперанская (2008, 2017, 2019), Г.Д. Томахин (1984), Ю.Н. Федосюк (1972), П.А. Флоренский (2009), Н.И. Формановская (2012) и др. Начиная с 90-ых годов XX века, вопросы национально-культурной специфики русских личных имен, отчеств и фамилий на материале современного русского языка рассматриваются в работах русских ученых, среди которых Н.М. Аникина (1988), А.Н. Антышев (1995), Л.А. Введенская (1989), М.В. Голомидова (1998), В.В. Катермина (1998), Е.Н. Полякова (1975), Н.И. Толстой (1997). И в новом тысячелетии исследования в этой области продолжаются в работах Н.Н. Воропаева (2018), Ю.А. Гурской, (2003), Е.П. Карновича, (2019), Л.Р. Концевича (2002), А.Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенского (2006, 2013), Г.Б. Мадиевой и В.И. Супруна (2016, 2017), А.С. Мамонтова (2000), В.А. Масловой (2001), А.М. Мезенка (2013), Ю.Н. Новиковой (2017), Е.С. Отина (2003), С.М. Пака (2005), М.Э. Рута (2008), Ю.А. Рылова (2006), З.К. Сабитовой (2015), Т.В. Скребневой (2013), О.Д. Смилевеца (2003), В.И. Супруна (2000, 2019), Ю.Г. Сызрановой (2013), Е.А. Хамаевой (2015), В.К. Чичагова (2018), Т.В. Шмелевой (2013) и др.

С разработкой понятия «коннотация» в отношении апеллятивной лексики возникла необходимость выявления особенностей антропонимической коннотации, ее типов и сферы проявления, иначе говоря, разработки комплексного подхода к этому макрокомпоненту лексического значения антропонима [Зубкова 2009, с. 11]. Коннотативный аспект значения антропонимов представлен в работах таких ученых, как Н.М. Аникина (1988), В.И. Болотов (1970), Н.В. Ботвина (1988), Л.М. Буштян (1982, 1983), О.И. Быкова (2001, 2005), О.В. Врублевская (2019, 2020),

Ю.П. Вышенская (2001), Е.А. Гончарова (2012), Л.И. Зубкова (2008, 2009, 2012), О.В. Кисель (2008, 2009, 2015, 2019), Н.Г. Комлев (1982), И.В. Крюкова (2019, 2020), Г.П. Лукаш (2006), Ю.Л. Михайлова (2017), Н.В. Муравлевой (1987), Т.А. Ненашева (1993, 2012), В.М. Никонов (2002), О.С. Сапожникова (2003), В.Н. Телия (1986), Г.Д. Томахин (1988), Е.С. Отин (2002, 2003, 2006), Л.Ф. Пуцилева (2009), О.Н. Ракитина (2005), В.И. Супрун (2009), П.А. Флоренский (1998), А.А. Чернобров (1994), Б.С. Шварцкопф (1976), Н.М. Шутова, Л.Г. Шеремет (1984), Л.Р. Эмирова (2016) и др.

Таким образом, можно сказать, сегодня учёные пытаются с различных точек зрения исследовать информацию, которую несут антропонимы. Антропонимика также изучает функции антропонима в речи – номинацию, идентификацию, дифференциацию, смену имен, которая связана с возрастом, изменением общественного или семейного положения, жизнью среди людей другой национальности, вступлением в тайные общества, переходом в другую веру, табуированием и др. [Подольская 1990, с. 36]

Функциям имен собственных уделяют внимание такие ученые, как В.Д. Беленькая (1969), В. Бланар (1970), В.И. Болотов (1971), В.Д. Бондалетов (1983), К. Бюллер (1934), В.А. Никонов (1965), А.А. Реформатский (1967), Г. Суит (1900), А.В. Суперанская (1973).

А.А. Реформатский отмечает, что на лексическом уровне слова, в том числе и собственные и нарицательные имена, выполняют номинативную функцию (называть вещи и явления действительности), «обычно же, нарицательные совмещают ее с функцией семасиологической, так как они выражают понятия» [Реформатский 1996, с. 36].

Лингвист-ономатолог В.Д. Бондалетов отмечает, что «Внимание к функциональной стороне имен собственных позволило выделить свойственные им (только им или одновременно и им, и именам нарицательным) следующие основные функции: номинативную, идентифицирующую, дифференцирующую. В качестве второстепенных называются функции: социальная, эмоциональная, аккумулятивная, дейктическая (указательная), функция “введения в ряд”, адресная,

экспрессивная, эстетическая, стилистическая» [Бондалетов 1983, с. 20-21].

В понимании А.В. Суперанской «в речи имена собственные выполняют основные функции (грамматическую, номинативную), и коммуникативную, апеллятивную, экспрессивную функции, которые свойственны и нарицательным именам. А идентификации объекта, различение (дифференциацию), адрес (нахождение координат объекта), выделение, противопоставление, характеристику (описание) – все это своеобразное уточнение и членение коммуникативной функции, а не самостоятельные функции имен собственных. Легализация в обществе – особая ономастическая функция» [Суперанская 2019, с. 276].

Вслед за А.В. Суперанской, «специальной антропонимической функцией мы считаем социальную легализацию личности, включающую в ряде случаев информацию о родственных отношениях, происхождении и положении в обществе. Социальность антропонимии (принадлежность лица к определенному классу, социальной группе), как и топонимии скорее характеризует объект, чем служит преднамеренным показателем его общественной роли» [Суперанская 2019, с. 274-275]. А.В. Суперанская сравнивала функции имен собственных с нарицательными, рассматривала антропонимы как социальный знак, выполняющий функции социальной легализации. В нашем исследовании мы также уделяем внимание другим функциям, которые свойственны именам нарицательным и собственным (в том числе антропонимам).

Рассмотрим далее основные группы антропонимов – фамилии, личные имена, отчества, прозвища, псевдонимы.

Фамилия (лат. familia букв. ‘домочадцы’) – наследственное собственное имя, характеризующее человека с точки зрения его принадлежности к семье, роду, династии [Тихонов 2014, с. 219]. Фамилия – основной вид антропонимов индивидуума в обществе, тоже указывающее на принадлежность человеку в более узком понимании – к одной семье. Русские фамилии отличаются своеобразием, бывают популярные и редкие, по рейтингу известного российского лингвиста А.Ф. Журавлева в десятку самых распространенных русских фамилий входят *Иванов, Смирнов, Кузнецов, Попов, Васильев, Петров, Соколов, Михайлов, Новиков,*

Федоров [А.Ф. Журавлев 2005, с.134]. Китайские фамилии отличаются наличием сравнительно небольших списков возможных вариантов фамилий, так называемое Байцзясин («Сто фамилий»), также бывают популярные и редкие фамилии. С 2018 года, опираясь на национальную систему управления информацией о населении, Исследовательский центр по административному управлению домохозяйствами МОБ КНР проводит статистический анализ фамилий и имен новорожденных, имеющих прописку (за исключением Гонконга, Макао и Тайваня), и публикует «Национальный отчет о фамилиях и именах». По данным «Национального отчета о фамилиях и именах за 2020 год» в десятку самых распространенных китайских фамилий входят *Ван* (кит. 王, пиньинь wáng), *Ли* (кит. 李, пиньинь lǐ), *Чжан* (кит. 张, пиньинь zhāng), *Лю* (кит. 刘, пиньинь liú), *Чэнь* (кит. 陈, пиньинь chén), *Ян* (кит. 杨, пиньинь yáng), *Хуан* (кит. 黄, пиньинь huáng), *Чжао* (кит. 赵, пиньинь zhào), *У* (кит. 吴, пиньинь wú), *Чжоу* (кит. 周, пиньинь zhōu) [<https://www.mps.gov.cn/n2254314/n6409334/c7726021/content.html> (дата обращения: 12.04.2022)]

Личное имя (известно уже в ст.-слав. языке) – это основной вид антропонимов, идентифицирующий словесный знак индивидуума в обществе; это имя, данное человеку при рождении или (редко) выбранное для себя самим человеком, позволяющее обращаться к нему. Это социальный, этнический и культурологический знак, имеющий принципиальное значение для самоопределения индивидуума в обществе. Русские и китайцы, как правило, получают одно имя при рождении.

Личные имена в русском языке, как в других основных европейских языках, составляют свой перечень, из которого обычно выбирают имена для детей, содержат в себе несколько сотен мужских и женских имен. Разница между личными именами и именами нарицательными очевидна. Под влиянием христианства на западную культуру, например, в русском и английском языках библейские имена пользуются популярностью, такие русские имена, как *Андрей, Анна, Даниил, Мария, Михаил, Николай, Павел, Петр, Фома, Иван (Иоанн), Фадей (Фаддей)*, английские

имена *Sophia, Daniel, Isabella, Joseph, John, Peter, Mary, David*.

А в китайском языке не существует такого перечня, имя может быть выбрано на основании семантического значения иероглифов, обычно имя состоит из одного, двух иероглифов. По данным «Национального отчета о фамилиях и именах за 2021 год» (24.01.2022), среди имен новорожденных, родившихся в 2021 году и уже зарегистрированных в системе регистрации домохозяйств, 5 наиболее часто используемых иероглифов – Цзэ (кит. 泽, пиньинь zé), Цзы (кит. 梓, пиньинь zǐ), Цзы (кит. 子, пиньинь zǐ), Юй (кит. 宇, пиньинь yǔ), Му (кит. 沐, пиньинь mù). Среди новорожденных мужского пола в 2021 г. 5 наиболее часто используемых имен – Мучэнь (кит. 沐宸, пиньинь mùchén, 22 958 человек), Хаоюй (кит. 浩宇, пиньинь hàoyǔ, 15 722 человека), Мучэнь (кит. 沐辰, пиньинь mùchén, 15 660 человек), Минцзэ (кит. 茗泽, пиньинь míngzé, 13175 человек), Ичэнь (кит. 奕辰, пиньинь yìchén, 12 583 человека); среди новорожденных женского пола в 2021 г. 5 наиболее часто используемых имен – это Жоси (кит. 若汐, пиньинь ruòxī, 18 293 человека), Ино (кит. 一诺, пиньинь yī nuò, 16 884 человека), Ихань (кит. 艺涵, пиньинь yìhán, 15 388 человек), Ино (кит. 依诺, пиньинь yī nuò, 15 208 человек), Цзыхань (кит. 梓涵, пиньинь zǐhán, 14 221 человек). В десятку популярных имен с одним иероглифом в 2021 г. вошли Вэй (кит. 伟, пиньинь wěi), Минь (кит. 敏, пиньинь mǐn), Цзин (кит. 静, пиньинь jìng), Цзе (кит. 杰, пиньинь jié), Ли (кит. 丽, пиньинь lì), Юн (кит. 勇, пиньинь yǒng), Тао (кит. 涛, пиньинь tāo), Ян (кит. 艳, пиньинь yàn), Цзюнь (кит. 军, пиньинь jūn) и Цян (кит. 强, пиньинь qiáng). Среди них Вэй возглавил список с 3,236 млн пользователей. Наиболее популярные мужские имена состоят из таких иероглифов, как Вэй, Цзе, Юн, Тао, Цзюнь, Цян; женские — из таких, как Минь, Цзин, Ли и Янь (Подробности см. в Таблице 1). [<http://society.people.com.cn/n1/2022/0124/c1008-32338403.html> (дата обращения: 12.04.2022)]

Таблица 1 – Рейтинг популярности китайских имен с одним иероглифом за 2021 г.

Рейтинг	Имя с одним иероглифом	Число (тысяча)	Мужской пол (тысяча)	Женский пол (тысяча)
1	Вэй (кит. 伟, пиньинь wěi)	3 236	2 801	435
2	Минь (кит. 敏, пиньинь mǐn)	2 770	481	2 289
3	Цзин (кит. 静, пиньинь jìng)	2 732	175	2 557
4	Цзе (кит. 杰, пиньинь jié)	2 574	2 033	541
5	Ли (кит. 丽, пиньинь lì)	2 464	7	2 457
6	Юн (кит. 勇, пиньинь yǒng)	2 398	2 344	54
7	Тао (кит. 涛, пиньинь tāo)	2 369	2 213	156
8	Ян (кит. 艳, пиньинь yàn)	2 227	24	2 203
9	Цзюнь (кит. 军, пиньинь jūn)	2 166	2 010	156
10	Цян (кит. 强, пиньинь qiáng)	2 000	1 971	29

Составлено Исследовательским центром по административному управлению домохозяйствами МОБ КНР.

По данным Таблицы 1 отмечено, что сегодня в Китае по семантике личного имени трудно определить пол человека. Например, семантическое значение *Вэй* ('великий или исключительный, выдающийся') соответствует традиционным пожеланию и оценке родителей, чтобы мальчики были сильными, здоровыми и добивались успехов, чтобы прославить своих предков. Однако 435 тысяч женщин тоже использует этот иероглиф как имя, что отражает изменение пожелания родителей к своей дочке. С другой стороны, семь тысяч мужчин носит имя *Ли* ('красивый'), что также стало неожиданным для большинства китайцев.

В отличие от китайской антропонимической системы у русских личных именований еще есть **отчество**. Это личное имя (или второе имя, употребляемое наряду с личным именем), произведенное от имени отца, которое также называется патроним, определенное до рождения ребенка, обязательный идентифицирующий знак русских людей, представленный в русской культуре в юридических документах, в определении статуса индивидуума, в официальных указах о награждении, назначении и т.д. Отчества русских появились раньше фамилий,

первое упоминание о них относится к 945 году, до XIII века отчества употреблялись редко. В XV в. их использовали только князья, с петровского времени – все высокопоставленные лица [Сулова, Суперанская, 1991, с. 154]. В советское время трехчленная система (личное имя, отчество, фамилия) стала официальной и общепринятой для граждан СССР, поэтому Д.И. Ермолович утверждает, что «золотым веком отчества можно считать советский период» [Ермолович, 2001, с. 55]. Добавление к именам отца -ович/овна или -евич/евна образует отчества, например, *Иван – Иванович/Ивановна, Борис – Борисович/Борисовна, Михайл – Михайлович/Михайловна, Никита – Никитич/Никитична, Игорь – Игоревич/Игоревна, Григорий – Григорьевич/Григорьевна, Юлий – Юльевич/Юльевна, Сергей – Сергеевич/Сергеевна.*

Прозвище – неофициальное имя человека, как правило, отражает не желательные, а реальные свойства и качества носителя, происхождение их носителей и прочее, а также фиксирует особый смысл, который имели эти свойства и качества для окружающих. Прозвища социальны, их социальность проявляется в сфере бытования, в содержании в основах определенной языковой информации, несущей социальную оценку; прозвища – это неофициальные оценочные маркеры, даваемые членам коллектива в результате коллективной оценки называемого. Они имеют прямую связь с культурой общества, конкретного коллектива, в котором они бытуют, с культурой личности человека, что несомненно, проявляется и в создании тех или иных оценочных именовании, и в их употреблении [Королева 2018, с. 105]. Князь Киевский Святослав (945–964 гг.) обладал прозвищем *Барс*, а прозвища Киевского Князя Владимира (980–1015 гг.) – *Святой* и *Красное Солнышко*, князь Александр Ярославич (1221–1263 гг.) за победу в Ледовом побоище получил прозвище *Невский*, князь Юрий Владимирович (90-е гг. 11 в. – 1157 гг.) имел прозвище *Долгорукий*, а царь Московский Иван IV (1530–1584 гг.) получил прозвище *Грозный*. Все 108 героев в романе «Речные заводи (кит. 水浒传)» имеют свои прозвища, например, *Чёрный вихрь* (буквально, кит. 黑旋风) – это прозвище Ли Куя (кит. 李逵), *Своевременный дождь* (буквально, кит. 及时雨) – Сун Цзяна

(кит. 宋江), *Врач-чудотворец* (буквально, кит. 神医) – Ань Даоцюаня (кит. 安道全).

Индивид может получить даваемое третьим лицом прозвище и придумать для себя **псевдонимы** по целому ряду причин. В русском языке слово «псевдоним» происходит из греческого языка *pseudonymos*, означает ‘лжеименный, носящий ложное имя’. В «Толковом словаре» Д.Н. Ушакова это слово представлено как «вымышленное имя, которым писатели, художники, артисты пользуются в публичных выступлениях» [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/990674> (дата обращения 23.12.2021)]. В «Толковом словаре» С.И. Ожегова оно означает – «вымышленное имя писателя, артиста, политического деятеля» [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/193906> (дата обращения 23.12.2021)]. Через анализ семантического значения слова псевдонима мы обратили внимание, что литература – основная сфера использования псевдонимов. Поэтому, когда русские исследователи говорят о псевдонимах, они чаще всего указывают на литературные псевдонимы писателей. Псевдонимы в сфере литературы в китайском языке называют «笔名 (букв. ‘бимин, литературный псевдоним’)». Термин бимин происходит от западного «pen name», это литературный псевдоним, используемый автором при публикации работы, который появился в конце XIX – начале XX века. Писатель А.П. Чехов имел 52 псевдонима, среди них: *Антоша; Грач; Брат моего брата; Вспльчивый человек* и др. Китайский писатель Чжоу Шужэнь (周树人) имел 213 псевдонимов, в том числе известный всем псевдоним *Лу Синь (鲁迅)*, Се Ваньинь(谢婉莹) – *Бин Синь (冰心)*. Иногда литературные псевдонимы авторов (*Лу Синь, Бин Синь, М. Горький, А. Ахматова* и др.) более широко известны, чем их настоящие имена. С распространением Интернета практически каждый пользователь Сети имеет псевдоним (ложное имя), который принято называть ником (от англ. *nickname*).

Таким образом, антропонимика представляет собой самостоятельную область в ономастике, которая прошла два периода развития. Ядром антропонимов является личное имя, отчество, фамилия и псевдоним, к которым примыкает прозвище.

Официальное имя человека фиксируется в документах и используется, в официальном общении; для русских оно состоит из трех компонентов: фамилия, личное имя, отчество, которое зачастую в анкетах обозначается аббревиатурой ФИО, а для китайцев оно состоит из двух компонентов: фамилия и личное имя, фамилия обязательно стоит перед личным именем.

1.1.3 Общие признаки антропонимов

Термин «антропоним», как известно, имеет греческое происхождение (от греч. ἄνθρωπος человек, ὄνομα имя). Антропоним – это идентификационный знак, предписываемый общественной группой своим членам, а также код, которым индивид характеризует свое самосуществование [李浩 2017, с. 1].

Все виды антропонимов обладают способностью именовать человека. Среди них некоторые могут быть обязательными, некоторые – факультативными.

Для современных русских людей личное имя, отчество и фамилия стали обязательным знаком идентификации и индивидуализации носителей антропонимов и имеют юридический статус, и для китайцев – фамилия и личное имя являются обязательными. Остальные виды личных именовании (родовые имена, прозвища, псевдонимы, криптонимы и др.) могут быть факультативными и соотносится с историко-культурными традициями народа, являются не основными, а дополнительными именами. Официальные антропонимы выполняют важную юридическую функцию – идентификацию индивидов в обществе, т.е. они могут стать представлением пользователя антропонимов, поэтому появились технологии, связанные с использованием и закреплением официальных антропонимов, такие как скрепление подписью и печатью.

В формировании системы антропонимов разных народов наблюдается закономерное развитие от одноименной антропонимической системы к многоименной. Одноименная система считается наиболее древней [Мадиева 2015: 60]. Русская антропонимическая система также развивается от одноименной к многоименной. Официальная трехчленная система (личное имя, отчество, фамилия) для русских сформировалась в XIX в. В России личное имя появилось раньше

фамилии. Формирование фамилий длилось шесть столетий от XIV–XVI вв., вплоть до XIX в. Развитие отчества формировалось в течение XI–XII вв. до XVIII в. С течением времени многоименная система может измениться. В древнем Китае существовали многие официальные личные имена, например, такие, как Цзы (字, второе имя), другое имя (别名), посмертное имя (谥号), хао (号), девиз правления (年号), род (氏), которые в настоящее время являются устаревшими видами личных имен, и сохраняются строгие правила использования и именовании для разных людей. Сегодня у китайцев существует официальная двухчленная система (фамилия, личное имя).

Основной фонд национальной совокупности антропонимов в большинстве случаев составляют имена родного языка. А имена-неологизмы и имена-заимствования становятся его дополнением. Большая часть современных русских имён пришла в русскую культуру из Византии в связи с принятием христианства [Сызранова 2013, с. 117]. Это греческие, латинские, древнееврейские имена, например, имена греческого происхождения *Алексей, Алла, Анастасия, Василий, Георгий, Григорий*, имена латинского происхождения *Максим, Антон, Наталья, Константин, Юлий, Клара*, имена еврейского происхождения *Мария, Иван, Иосиф, Тамара, Симон, Симеон, Михаил*.

В русском языке антропонимы имеют форму единственного числа, а в китайском языке антропонимы, как и другие лексические единицы, не обладают категорией числа. В исключительных случаях имена употребляются во множественном числе с определенным значением: при именовании членов семьи (ср. русск.: *семья Петровых = Петровы, братья Карамазовы = Карамазовы*), при обобщенном обозначении однородных предметов, собирательном значении определенных групп людей (*Что может собственных Платонов, И быстрых разумом Невтонов, Российская земля рождать (М.В. Ломоносов)*), при переходе антропонима в аппеллятив, например, *мартены, макинтоши, ньютоны, ватты*.

Во многих национальных антропонимических системах существует деление личных имен на официальные и неофициальные имена. Это типичное явление и

для русской, и для китайской антропонимической системы. Хотя все виды антропонимов обладают способностью именовать человека, из них только личное имя для каждого человека необходимо, обладает высокой степенью индивидуализации денотата, т.е. каждый человек обязательно имеет личное имя, а остальные виды антропонимов могут быть узуально факультативными и соотносится с историко-культурными традициями народа. Фамилия, имя, отчество – такова русская формула официальной антропонимии, например, великий русский поэт *Александр Сергеевич Пушкин*, великий ученый *Михаил Васильевич Ломоносов*, президент *Владимир Владимирович Путин*. Русский человек как индивидуум получает только имя при рождении (редко выбранное для себя взрослым человеком, выбираемое из ограниченного списка), а отчество и фамилия (возможное число последних практически не ограничено) ему достаются автоматически: первое – как ребёнку своего отца, а второе – как члену семьи. Во отличие от русских людей официальная антропонимическая система каждого китайца двучлена: это фамилия и личное имя, например, великий поэт *Ли Бай* (кит. 李白, пиньинь lǐ bái, здесь Ли – фамилия, Бай – личное имя), китайский государственный и политический деятель, главный теоретик маоизма и основатель КНР *Мао Цзэдун* (кит. 毛泽东, пиньинь máo zédōng, Мао – фамилия, Цзэдун – личное имя). В Исландии каждый человек имеет личное имя (из ограниченного списка) и вместо фамилии – производное от имени отца, как «имя отца» + «сын» (son) или «дочь» (dottir), например, *Ингтоур Бьёднссон* (исл. *Ingbór Björnsson*), *Хадльбера Тоурдардоуттир* (исл. *Hallbera Þórðardóttir*). В современной Испании человек имеет обычно несколько личных имён из специального католического церковного списка (*María de los Dolores* – Мария скорбящая), а также отцовскую и материнскую фамилии, например, испанский поэт и драматург *Федерико Гарсиа Лорка* (здесь Гарсиа – фамилия отца, Лорка – фамилия матери).

Приведённые примеры показывают, что антропонимы представляют собой, прежде всего, социальный феномен.

Во-первых, антропонимы – уникальный отличительный знак социального индивидуума в социальных группах, обусловленный национальными традициями,

социальной культурой и политикой, языковой модой [李浩 2017, с. 2].

Так, в русской лингвокультуре после Крещения Руси в 988 г. с распространением и глубоким восприятием христианской культуры под влиянием церкви канонические имена постепенно стали господствующими.

В связи с социальными, политическими и историческими условиями, особенно с цензурой в России в XVIII–XIX вв. псевдонимы входят в русскую антропонимическую систему. Они пользуются большой популярностью среди таких социально-профессиональных групп, как писатели. Именно с этого времени псевдоним автора имеет особое значение. А.А. Бестужев публиковал повести под псевдонимом *Марлинский*, В.Я. Брюсов в некоторых случаях использовал фамилию по матери *Бакулин*. Социальные условия оказывают влияние на появление псевдонима. Литературный труд женщин считался позорным сто лет тому назад. Писательнице А.В. Корвин-Круковской пришлось опубликовать рассказы под псевдонимом *Юрий Орбелов*, *О. Ю-в* и *А. Корвин*. Лексическое значение псевдонима прямо отражает особенность времени. «Не раз исходным для псевдонима в советское время избиралось слово “сталь” – синоним твёрдости, силы, выносливости (недаром говорят: стальные нервы, стальная воля). Отсюда подписи: *Стальной*, *Стальной*, *Стальский*» [Дмитриев 1978, с. 123].

Появление литературных псевдонимов в Китае обусловлено национальными культурными традициями. Многие китайские учёные считают, что в Китае при династии Мин (1368–1644 гг.) и Цин (1644–1911 гг.) появился зародыш литературных псевдонимов в современном понимании. В этот период складывался новый литературный жанр – роман, который по-прежнему считается неосновным в литературном творчестве. Авторы романов были очень увлечены своим творчеством, но они боялись, что другие будут смеяться над ними, поэтому их настоящее имя было скрыто, они были вынуждены подписываться псевдонимом. Например, роман «Цветы сливы в золотом веке (Цзинь Пин Мэй 金瓶梅)» опубликован под именем-псевдонимом *Ланлинский насмешник* (兰陵笑笑生) [孙绪武 2015, с.148].

Во-вторых, антропонимы, очевидно, являются наиболее часто используемыми средствами коммуникации в социальной жизни. В современном обществе человек имеет дело с антропонимами от рождения до смерти, практически постоянно. Когда люди встречаются, они обмениваются именами – знакомятся, подписывают и скрепляют печатью различные документы и даже высекают имя умершего на надгробной плите после его смерти для постоянной памяти. Именные обращения также могут показывать отношения и чувства между членами общества. В русском речевом этикете обращение по полному имени (*Ирина, Евгения, Александр*) выражает подчеркнуто сдержанное отношение к собеседнику, краткие формы (*Ира, Женя, Саша*) имен демонстрируют дружески-неофициальное отношение, уменьшительно-ласкательные формы (*Ирочка, Женечка, Сашенька*) выражают ласковое отношение к собеседнику, еще существуют также грубовато-фамильярные формы (*Ирка, Колька, Танька, Гришка*) личных имен, которые широко используются детьми в школе при равных отношениях друг с другом, обращение по имени и отчеству к молодому человеку может выражать уважение к нему со стороны говорящего. В китайском речевом этикете обращение по молочному имени выражает подчеркнуто ласковое отношение, иное обращение по фамилии и имени к ребенку демонстрирует недовольство им, обращения по фамилии и должности, профессии и занимаемому положению (*профессор Ван, директор Ли*) употребляются широко и показывают уважение к адресату. Линь Чжисяо (кит. 林之笑) – героиня популярного телесериала, ее детское имя – Сяосяо (кит. 笑笑), ее мама и подруга всегда зовут ее Сяосяо, а когда ее отец поймал ее в баре, он сердито назвал ее Линь Чжисяо.

В-третьих, антропоним как социальный феномен отличается универсальностью: это значит, что каждый человек имеет право использовать один и тот же антропоним в качестве имени. Но в реальной жизни или в определенный исторический период некоторые виды антропонимов принадлежат только определенным классам. В XIV в. только русские князья использовали фамилии. В литературной среде писатели по тем или иным причинам могут использовать псевдонимы. А в Китае, чтобы обозначить высочайший статус императора и

показать уважение к нему и его семье, появилось табу на имена (*бихуэй* «避讳») – запрет на произнесение или написание имён императоров, почитаемых людей и собственных предков.

Антропонимы представляют собой исторический феномен. Это выражается в том, что антропоним представляет собой более стандартизированную и более стилизованную форму знаков, концентрированно выражающую социальную историю в ее отдельной и даже поэтической форме, сравните: выражение «один цветок – один мир» передает обширное и богатое историческое содержание антропонима в миниатюре. Если собрать воедино фрагменты древних имен, то можно в известной мере воспроизвести и картину древнего общества, и социальные ступени того времени [李浩 2017, с. 5]: «Если перед нами полный словарь китайских антропонимов, то он отражает всю китайскую культуру и историю и является более конкретным, чем что-либо другое. Случайно подберешь справочник антропонимов и желателью глубоко изучишь, и то, что он тебе расскажет, может оказаться богаче отчета об исторических реликвиях» [肖遥天 1987, с. 241]. Антропоним как идентификационный знак в определенной степени является продуктом развития человеческой цивилизации.

Приведём пример из китайской истории. Известно, что в представлении древних китайцев **черепаха** являлась посредником для связи между человеком и богами, через которого можно понять волю богов, и поэтому нужно было поклоняться черепахе, чтобы получить благословение богов. Произношение китайского слова *черепаха* (кит. 龟, пиньинь *guī*, палл. гуй) и *дорогой* (кит. 贵, пиньинь *guì*, палл. гуй) похоже, поэтому черепаха символизирует не только «долголетие», но и «богатство». Раньше китайцы думали, что черепахи – это духовные вещи, которые приносят удачу, поэтому древние китайцы даже использовали слово *черепаха* в качестве имени. Во времена династии Хань (206 до н.э. – 220 гг. до н.э.) был губернатор Ючжоу по имени *Чжу Гуй* (кит. 朱龟). Император Сяомин (кит. 孝明帝) из династии Северная Вэй (386–534 гг.) использовал сочетание «Бог черепаха» (кит. 神龟) для записи года. В период

Чжэнгуань (627–649 гг.) династии Тан князя Чу звали *Ли Лингуй* (кит. 李灵龟). Великий поэт Ду Фу также написал известное всем стихотворение «Цзяннань встречает Ли Гуйняня» для *Ли Гуйняня* (кит. 李龟年), знаменитого в то время музыканта. Позже, с развитием общества и углублением знаний о черепахе, тайна черепахи постепенно исчезла, а её статус в сердцах людей стал несущественным. Во времена династии Мин даже появились бранные слова с иероглифом «черепаха» (кит. 龟), такие как «черепаха, которая спрятала голову в панцирь (обр. трусливый человек, который не осмеливается смотреть в лицо реальности)» (кит. 缩头乌龟), «черепаха-раб, служитель публичного дома» (кит. 龟奴) и др. В наше время «черепаха» и «ублюдок» (стилистически сниженное, просторечн.) являются синонимами. Поэтому никто не будет добавлять слово «черепаха» к своему имени, чтобы не оскорбить себя.

Процесс формирования русской и китайской антропонимической системы представляет собой микрокосм исторических и культурных изменений в истории и социуме этих двух народов.

Современная русская антропонимическая система прошла 4 этапа развития: дохристианский и христианский периоды, советский и современный периоды. Такие личные имени, как *Найден, Горе, Первой, Беззуб, Алай, Казарин, Алмаз, Быстрой, Жук, Колос, Олук, Богомаз, Холоп* – отражает свободу древнерусских людей в выборе личного имени до Крещения Руси. Как пишет историк А.И. Соболевский, христианские имена стали употребляться в России более или менее часто не раньше XII века [Соболевский 1910, с. 228]. Это также в определенной степени подтверждает долгий путь россиян к полному принятию Православия. Имена-неологизмы в советское время *Свобода, Воля, Заря, Победа, Май, Декабрист, Гений* отражают идеологическую характеристику того времени. Анализируя псевдонимы В.И. Ленина, например, *Русский коммунист, Наблюдатель*, в определенной мере можно увидеть картину российского общества в начале XX в. и жизнь самого В.И. Ульянова-Ленина.

А китайская фамилия 姓氏 (пиньинь xìngshì, палл. син ши) прошла 5

периодов: возникновение Син, возникновение и эволюция Ши, популяризация и стереотипизация Син и Ши, объединение Син и Ши и появление фамилии в сегодняшнем понимании, интеграции с фамилиями китайского национального меньшинства [孙绪武 2015, с. 115–116]. Самые ранние иероглифы фамилий в Китае имеют ключ “女” (‘женщина’), такие, как фамилии Цзи (姬), Цзян (姜), Йи (姒), Йи (姒) и т.д., что свидетельствует о том, что предки современных китайцев жили в матриархально-родовом обществе. Разные племена вступали в брак друг с другом, мужчинам и женщинам одного и того же племени запрещено было вступать в брак, родившийся ребёнок принадлежал матери и носил ее фамилию. Ши во втором периоде представлено как Лу (鲁), Цзинь (晋), Вэй (卫), Фань (范), Юань (元), Цюй (屈), Дунмэнь (东门, восточные ворота), Юнь (云), Си (席), Ши (师) и другие, которые являются главным источником современных китайских фамилий, они также были свидетельством патриархального строя и надельной системы рабовладельческого общества в период династии Чжоу.

Такие образом, одни виды антропонимов могут быть обязательными и официальными, другие – факультативными и неофициальными. Очевидно, что исторический и социальные факторы сыграли определяющую роль в формировании антропонимических систем в русском и китайском языках.

1.2 Антропонимы как средство выражения национальной специфики языка и культуры

1.2.1 Взаимоотношения языка и культуры

Одна из задач диссертации – изучение национально-культурной специфики русской антропонимической лексики на фоне китайской лингвокультуры.

Сегодня насчитывается более 500 определений культуры. Среди них известное определение Э. Тейлора: «Культура, или цивилизация, в широком этнографическом смысле складывается в своем целом из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек,

усвоенных человеком как членом общества» [Тэйлор 2019, с. 37]. Широко распространено и такое определение: «Культура (от латинского *cultura* – ‘возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание’), исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, в их взаимоотношениях, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях» [Прохоров 1993, с. 669].

В настоящее время принято понимать культуру в широком и узком смысле, например, «культура (от лат. *cultura* – ‘возделывание, обрабатывание’) – в широком смысле: все, что создано человеческим обществом, благодаря физическому и умственному труду людей, в отличие от явлений природы; в более узком смысле: идейное и нравственное состояние общества, определяемое материальными условиями жизни общества и выражаемое в его быте, идеологии, образовании и воспитании, в достижениях науки, искусства, литературы» [Жеребило 2010, с. 169].

В данной диссертации мы разделяем мнение Т.В. Жеребило. Однако, независимо от количества определений культуры, обе точки зрения общепризнаны. Во-первых, ядро культуры – это человек. Человек создал, создает и будет создавать культуру, он наслаждается культурой и в то же время ограничен культурой. Во-вторых, культура – это не личный, а социальный феномен. Поступки, привычки и психология одного человека не могут быть названы культурой, но если его поступки, привычки и психология влияют на других и стали универсальным феноменом среди определенных социальных групп, то это уже культурный феномен. Культура всеобъемлюща, однако она не фрагментарна, а представляет собой хорошо структурированную, сложную, открытую большую систему [王岩 2012, с. 66]. Национально-культурная специфика антропонимов, принятая в данной диссертации, касается культуры в широком понимании.

В науке о языке известны взгляды многих ученых на взаимодействие культуры и языка. Так, еще в XIX в. В. фон Гумбольдт, А.А. Потебня и другие ученые заложили фундаментальные основы изучения культурной природы языка, которые подтверждают взаимосвязь языка и культуры. В. Гумбольдт был одним из первых,

кто предложил и обосновал понятие внутренней формы языка по отношению к культуре. Он считал, что внутренняя форма языка не существует как нечто статичное и фиксированное, его развитие протекает в индивидуальной, внутренней форме, обусловленной национальным характером данного языка, образует внутренние пути развития языка. Изучая концепцию В. фон Гумбольдта, В.А. Маслова пишет, что его основные положения можно свести к следующему: 1) материальная и духовная культура воплощается в языке; 2) всякая культура национальна, ее национальный характер отражен в языке посредством особого видения мира: «разные языки – это не различные видения одного и того же предмета, а разные видения его» [Гумбольдт 1985, с. 305]; 3) языку присуща специфическая для каждого языка внутренняя форма, которая есть выражение «народного духа», его культурной компетенции; 4) язык «есть опосредующее звено между человеком и окружающим миром» [Маслова 2007, с. 237–238].

В настоящее время идею антропоцентричности языка можно считать общепризнанной. Антропоцентрическая парадигма анализирует человека в языке и язык в человеке для выявления различных характеристик языковой системы. Одно из направлений в современной лингвистике, формирующееся в рамках данной парадигмы, – это лингвокультурология, которая должна быть «ориентирована на человеческий, а точнее – на культурный фактор в языке и на языковой фактор в человеке. А это значит, что лингвокультурология – достояние собственно антропологической парадигмы науки о человеке, центром притяжения которой является феномен культуры» [Телия 1996, с. 222]. Лингвистика XXI века рассматривает язык как культурный код нации, а не просто как орудие познания и коммуникации.

В рамках лингвокультурологии язык не только отражает реальность, но и интерпретирует ее: язык рассматривается как путь, двигаясь по которому мы глубоко осознаем и современную ментальность народа, и взгляды древних людей на мир и общество и самих себя. «Лингвокультурология изучает язык как феномен культуры, т.е. в ракурсе восприятия мира сквозь призму национального языка, когда язык выступает как выразитель особой национальной ментальности»

[Маслова 2001, с. 8].

Фонетика, семантика, грамматика и другие составляющие языка принадлежат к сфере социальной культуры. Фонетика обеспечивает конкретный способ соединения звуков и значения едино для всей нации, творящей на данном языке. Семантика опирается на абстрагирование и обобщение различных культурных явлений и культурных продуктов как результат деятельности человеческого мышления, кристаллизации человеческой культуры. Различные национальные культуры опираются на разные типы языков. Вместе с тем язык является носителем культуры. Важнейшая причина, по которой мы, современные люди, знаем и понимаем историю и культуру любого народа или страны, заключается в том, что мы опираемся на исторические письменные записи наших предшественников. Вся деятельность человеческого общества – экономическая, политическая, литературная, художественная, научная, просветительская, военная, религиозная и др., – оставила свои следы в языке. Кроме того, язык – это уникальное культурное поведение человеческого общества. Без языка нет культуры, язык есть признак существования или порождения культуры, язык есть своеобразное культурное поведение человеческого общества, он сам по себе вид культуры [王岩 2012, с. 67–68].

Язык можно рассматривать как зеркальное отражение других культур, как инструмент передачи, сохранения и наследования культуры, поскольку, как известно, культура – это социальное явление, которое должно разделяться обществом и должно передаваться членами общества. Когда разнообразные культуры, созданные людьми, фиксируются посредством языка, национальный язык становится своеобразным зеркальным отражением этих культур. Даже если сами исторические и культурные явления исчезли или прекратили свое существование, язык все равно может полностью сохранить их: через язык мы можем смотреть на историю, как на отражение в зеркале, и показать историческую ситуацию во времени и пространстве. Таким образом, язык не только отражает и хранит культуру, но и является важным инструментом культурного распространения, играющим огромную роль в развитии человеческой культуры.

Язык является воплощением культуры национального духа. Язык всегда является национальным языком, а культура всегда является национальной культурой. Среди множества элементов, составляющих национальную культуру, именно национальный язык лучше всего воплощает в себе характерные черты и сущность бытия нации. Национальное культурное мышление, культурные концепты и культурные ценности находят отражение в национальном языке. Язык является свидетельством истории национальной культуры. Политика, религия, литература, наука и техника, искусство и др., принадлежащие нации, могут распространяться посредством языка при культурных обменах и разделяться всеми народами мира, но только язык имеет глубокий отпечаток нации. Он является свидетелем истории нации, символом выживания нации и воплощением духа нации [王岩 2012, с. 69-70].

Как отметил исследователь XX века, К. Леви–Стросс, язык есть одновременно и продукт культуры, и ее важная составная часть, и условие существования культуры. Более того, язык – специфический способ существования культуры, фактор формирования культурных кодов [Леви-Стросс 1994, с. 196]. В.А. Маслова развивает его мысли, с ее точки зрения, «Язык – факт культуры потому что: 1) он составная часть культуры, которую мы наследуем от наших предков; 2) язык – основной инструмент, посредством которого мы усваиваем культуру; 3) язык – важнейшее из всех явлений культурного порядка, ибо если мы хотим понять сущность культуры – науку, религию, литературу, то должны рассматривать эти явления как коды, формируемые подобно языку, ибо естественный язык имеет лучше всего разработанную модель. Поэтому концептуальное осмысление культуры может произойти только посредством естественного языка» [Маслова 2001, с 47].

1.2.2 Антропонимы как феномен национальной культуры

Особенно явно следы и тайны прошедших веков, прошлого сегодня сохраняются в разных языковых единицах, например, пословицах, поговорках, фразеологизмах, символах и именах собственных, в том числе и антропонимах.

По мнению китайского ученого Ли Хао, антропоним является единицей языка, идентификационным знаком, предписываемым общественной группой своим членам, в культурных фонах его возникновения и развития, культурной психологии, которую оно содержит, и сложных отношениях между социальной историей, национальной традицией и культурной психологией находят подтверждения его культурных атрибутов. Рассматривать антропонимический феномен с культурной точки зрения – это как мир в чашке: в маленьких личных антропонимах можно найти миниатюру огромной общественной жизни, глубокие исторические знания, нравственные искания нации и эстетическую моду. В этом смысле тот или иной этот идентификационный знак не только олицетворяет богатый жизненный опыт своего носителя, но и глубокую национальную культурную психологию [李浩 2017, с. 1-2].

Культурная природа антропонимов заключается в их национально-культурной специфике, географической и исторической характеристике.

Так, из-за отсутствия отчества в китайской антропонимической системе, нет опоры и фона для анализа национально-культурной специфики русских отчеств, можно лишь сказать, что это уникальное явление в русской антропонимической системе, поэтому в нашей диссертации отчество не будет обсуждаться подробно. В центре нашего внимания находится культурная природа русских личных имени и фамилий, отраженная в их национально-культурной специфике.

Если говорить об антропонимической лексике, то в отличие от китайских личных имен, основные русские личные имена отличаются стабильностью и связью с религиозными традициями православия.

Согласно русской традиции наблюдаем такую характеристику личного имени:

1. Основное, официальное имя, данное человеку при рождении, или (редко) выбранное для себя взрослым человеком.
2. Неофициальная форма этого имени [Варникова 2012, с. 21]. В Китае же в настоящее время к официальному имени добавляют детское имя. *Анастасия* – официальное русское женское имя, а его неофициальных форм много: *Анастасиюшка, Анастаска, Настася, Настя, Нася, Ната, Ная, Наюся, Нюся, Настёна, Тёна, Настёха, Настуся, Туся, Настюля,*

Настюня, Настюра, Стюра, Настюха, Настюша, Настяха, Стася, Тася, Тая, Ася, Асюша, Сюша, Асюта, Сюта, Настасьюшка. Адоу (阿斗) является детским именем императора Лю Чаня (刘禅) государства Шу (蜀国, 221-263 гг., в период Троецарствия 三国).

В принципе китайцы могут выбрать в качестве имени любой китайский иероглиф. При этом, семантика, произношение и форма китайских иероглифов существенно и в комплексе влияют на выбор имен. Люди всегда выбирают китайские благозвучные иероглифы с адекватным семантическим значением и гармоничными формами в качестве имен, чтобы выразить свои ожидания и пожелания в отношении детей или выразить свои воспоминания о ком-то или о чем-то. Ценности и социальная среда соответствующего времени отражены в именах, представляя популярные имена в каждую эпоху. В качестве примера рассмотрим антропоним музыканта эпохи Тан *Ли Гуиньянь* (кит. 李龟年, пиньинь *lǐ guīnián*), с точки зрения фонетики тона трех иероглифов – нисходяще-восходящий, ровный и восходящий в последовательности, тона не однозначные, а переменные со взлетами и падениями, их легко произносить и воспринимать. С точки зрения формы иероглифа, первый иероглиф 李 является сложным, а последние два иероглифа 龟年 – простыми, штрихи трех иероглифов составляют 7 штрихов, 7 штрихов и 6 штрихов, соответственно, поэтому легко писать эти три иероглифа, т.к. и их формы гармоничные. С точки зрения семантики, значение имени *Гуиньянь* (龟年, буквально: ‘возраст черепахи’) – ‘жить столько же, сколько и черепаха’, *Гуиньянь* происходит от чэньюй (成语, ‘фразеологизм’) *гуй нянь хэ шоу* (кит. 龟年鹤寿, пиньинь *guī nián hè shòu*): «в Китае говорится, черепаха и журавль могут жить тысячи лет», что свидетельствует о: а) долголетию человека; может быть б) поздравительными словами в день рождения.»). В связи с этим семантика антропонима-имени музыканта отражает четыре пункта: особенности именования китайцев (чэньюй – слова лаконичны, а мысль глубока – становится хорошим выбором для именования китайцев), национальную психологию (стремление к долголетию и ценить жизнь), ожидания именуемого (надежда на долгую жизнь

ребенка), ценности и социальную характеристику времени.

Список русских личных имен, из которого допустимо выбирать, ограничен и относительно стабилен. Данный список был сформирован в ходе тысячелетней истории России, отражая мировоззрение, духовное состояние, историю и культуру русского народа. С точки зрения Ф.В. Степановой, «русская антропонимия прошла четыре этапа формирования: дохристианский период (до XI в.), христианский период (с XI в. до 1917 г.), советский период (с 90-х гг. XX в.) и современный (постсоветский) период» [Степанова 2006, с. 13]. По мнению В.Д. Бондалетова, христианский период делится на две части: «1) с XI по XIII вв. – использование канонических имен при явном функциональном господстве неканонических имен и традиционных формул именования; 2) с XIV по XVII вв. – господство канонических имен, начало формирования и использования трехчленной формулы именования, включающей лексический материал как восточнославянской, так и канонической антропонимии» [Бондалетов 1983, с. 96].

Совокупность русских имен устойчива: известно более 7500 имен. Русские также приняли иноязычные имена. В России существуют словари русских личных имен, (похожи на словарь китайских фамилий). К примеру «Словарь русских личных имен» А.П. Никандра (1966) содержит около 2600 личных имен, бытующих или бытовавших в русских семьях; в «Словарь русских личных имен» Н.А. Петровского (2002) входит более 3000 имен, а в «Современном словаре личных имён: сравнение. происхождение. написание» А.В. Суперанской (2005) собрано свыше 4000 русских и иноязычных имён. За четыре периода развития русской антропонимики сформировался сегодняшний список личных имен русских, количество которых может быть подвергнуто счёту, тогда как в Китае данная процедура практически невозможна, однако собирают словари китайских фамилий.

В настоящее время русский список имен содержит в себе так называемые имена календарные из второго периода, например, *Александр, Евгений, Михаил, Анна, Мария, Софья*; некалендарные – древнеславянские из первого периода, как: *Богдан, Любим, Дружина, Станислав, Радомир, Добромила*; новообразованные в советскую эпоху, например: *Вилен, Авангард, Нинель, Эра* и новые заимствования

из западных языков, в частности, *Эдуард, Арнольд* и др. Хотя четыре этапа развития русской антропонимики оставили свой след в русских личных именах, в центре русской антропонимии находятся лишь календарные имена, по этимологии пришедшие из древнегреческого языка.

Религиозная христианская окраска личных имен уходит глубокими корнями в древность. Как известно, Россия приняла христианство не только как религию, но и как передовую культуру своего времени, что коснулось и феномена имени.

В данной связи нельзя не вспомнить, что список русских имён основан на православных святцах. Известно, что в именной состав церковных календарей входит 900 мужских имён и 250 женских имён. Можно выбирать имя святых, чей день памяти приходится на день рождения ребенка. Об этом в частности пишут Г.Б. Мадиева и В.И. Супрун [Мадиева 2015, с. 97].

Повторение имён, представленных в православных Святцах служило и служит одной из причин их стабильности. Во многих русских семьях и в настоящее время дают имена родителей, дедушек, бабушек, братьев, сестер и т.д., что в Китае традиционно не принято.

Стабильность русских личных имен находит свое отражение и в многократном использовании русских имен в качестве «модной» тенденции. В работе Л.М. Гоюшовой размещены данные о динамике популярности женских и мужских личных имен в 2000 г. в Москве: первая десятка самых популярных женских имен – это *Анастасия, Мария, Анна, Дарья, Екатерина, Александра, Елизавета, Полина, Виктория, Ксения*, а мужских имен – это *Александр, Даниил + Данила + Данил, Никита, Дмитрий, Иван, Андрей, Алексей, Максим, Артем + Артемий, Михаил*, [Гоюшова 2017, с. 115-117]. Е. Васильев показывает рейтинг популярности имен новорожденных девочек в русских семьях в 2010-2015 гг.: 85 популярных женских имён – *София + Софья (1), Анастасия (2), Дарья + Дарина (3), Мария (4), Анна (5), Виктория (6), Полина (7), Елизавета (8), Екатерина (9), Ксения (10)* [Васильев 2016, с. 96], в первую десятку самых популярных мужских имен в 2010-2015 гг. вошли такие имена: *Артем + Артемий, Александр, Максим, Даниил + Данил + Данила, Дмитрий + Димитрий, Иван, Кирилл, Никита, Михаил, Егор + Егорий* [Васильев 2016, с. 246].

Русская антропонимия, как и китайская, отличается своей двойственностью: в ней есть официальная и неофициальная, обиходная часть. Официальная часть зафиксирована в документах, а неофициальная известна близким, т.е. членам семьи и друзьям. Она по большей части звучит в устной речи, в семейных разговорах и дружеских диалогах; иногда она бывает производной от официальной, иногда никак с ней не связана.

В Китае официальное имя называется «большое (буквально: ‘школьное’) имя» (大名或学名), неофициальное – детское имя. Детское имя образовано от других китайских иероглифов, не связанных с большим именем, или словосочетанием с парными звуками, то есть повторным применением одного и того же иероглифа из большого имени. Например, детское имя Цао Цао (曹操, 155–220 гг.) – это *Амань* (阿瞒), оно не имеет отношения к большому, школьному имени Цао. Детское имя *Сяосяо* (笑笑) является словосочетанием с парными звуками Сяо от школьного имени Линь Чжисяо (林之笑), главной героини известного китайского сериала.

Сфера употребления детских имен – среди близких и родных, друзей и знакомых, а выражаемые детскими именами эмоции аналогичны неофициальной форме русского официального имени, сравните: неофициальные имена *Ивашка*, *Иванушка*, *Ванька*, *Ваня* образованы от официального имени *Иван*; *Чунба* (кит. 重八) является детским именем императора *Чжу Юаньчжан* (кит. 朱元璋, 1328–1398 гг.).

В неофициальные формы русских личных имен входят, например, сокращенные *Еропка* и *Фея* – оба образованы от имени *Ерофей*; *Луня* и *Луша* – от имени *Гликерия*; *Троша*, *Троня* – от имени *Трофим*: уменьшительно-ласкательные *Аннушка*, *Паранюшка*, *Степашка* от *Анна*, *Параскева*, *Степан* и фамильярно-ласкательные *Ванька*, *Манька*, *Дунька*, *Сашка* от *Иван*, *Мария*, *Евдокия*, *Александр*. сокращенные формы образованы простым усечением основы или конечного суффикса с добавлением окончания -а, например, *Валерий* → *Валера*; или йотированного суффикса с окончанием [-й|а]-я: *Фёдор* → *Федя*). Образуются сокращенные формы при помощи аферезиса (букв. ‘сокращения’): *Вероника* →

Ника, синкопы *Светлана* → *Света*; или апокопы *Михаил* → *Миха*. Уменьшительные и ласкательные формы образованы разнообразными диминутивными суффиксами (-очк-, -ечк-, -оньк-, -еньк-, -ушк-, -юшк-, -юш-, -яш-, -уш-, -ул-, -ун-, -ус-, -к-, -ик, и другие), а в качестве основ используются как основы полных имён, так и кратких форм [Сусллова, Суперанская 1991, с. 126].

В результате церковной реформы патриарха Никона в 1650–1660-е годы в XVII веке стали формироваться три четко противопоставленные друг другу группы имен: народные (разговорные, *Васище* от *Василий*, *Петрище*, *Петрок*, *Петруня* от *Пётр*), церковные (*Иоанн*, *Феодор*, *Димитрий*) и светские (литературные, *Иван*, *Фёдор*, *Дмитрий*) формы имен [Суперанская 2017, с. 9-15].

С точки зрения Н.А. Петровского, личные имена могут иметь документальную, разговорную, народную, просторечную и старую формы. Документальное имя – имя по паспорту. Это официальная форма имени. Народное форма имени – производная форма от документального имени, образовавшаяся в сфере живой народной разговорной речи. Эти формы издавна бытуют в языке и нередко приобретают документальный характер. Например, *Емальян* от документального *Эмилиан*, *Авдотья* от *Евдокия*, *Аксинья* от *Ксения*. Разговорная форма имени – производная форма от документального, образовавшаяся в разговорной речи. Эти формы также могут становиться документальными. Например, *Евмен* от *Евмений*, *Катерина* от *Екатерина*, *Лизавета* от *Елизавета*, *Гаврил* от *Гавриил*. Просторечная форма имени – производная форма от документального имени, возникшая в сниженном стиле речи, просторечии, говорах. Например, *Лактион* от *Галактион*, *Василей* от *Василий*, *Евдений* от *Евгений*, *Арина*, *Орина*, *Ерина*, *Ярина*, *Ириния* и *Иринья* от *Ирина*. Старая форма имени – старая каноническая форма, первоначальная по отношению к современной документальной форме того же имени. Например, *Евсигний* – стар. к *Евстигней*, *Иерофей* – стар. к *Ерофей*, *Иаков* – стар. к *Яков*, *Иоанн* – стар. к *Иван* [Петровский 1984, с. 15-16]. По регулярности воспроизведения в речи А.В. Сусллова подразделяет личные имена на: 1) высокочастотные имена; 2) имена широкого распространения; 3) имена ограниченного распространения; 4) редкие и редчайшие имена [Цит. по:

Петровский 1984, с. 17]. А.В. Суперанская отмечает, что «каждая зона имеет свои специфические особенности. Наибольший интерес представляют первая и последняя. В последней зоне зарождаются те изменения, которые в дальнейшем будут либо приняты обществом, либо отвергнуты как не соответствующие требованиям системы имен данного языка» [Суперанская 2017, с. 31]. В каждый обозримый отрезок времени частотность одних и тех же имен различна. Ученые и СМИ уделяют внимание популярности личных имен в разные времена. В «Словаре русских личных имен» Н.А. Петровского указаны предыдущие признаки личных имен, например, личные имена *Антоний, Иасон, Евфимий* старые редкие, *Стратилат, Созон, Соломон* просто старые.

Рассмотрим национально-культурную специфику русской фамилии на фоне китайской лингвокультуры.

Прежде всего нужно отметить, что русская фамилия появилась позже китайской.

В древнем Китае, до династий Цинь (246–207 гг. до н.э.) и Хань (206 гг. до н.э. – 220 гг. н.э.), современная китайская фамилия 姓氏 (xìngshì, синши) была бы разделена на две отдельные части: *Син* (кит. 姓, пиньинь xìng), что являлось наследственным именованием, её получали от рождения по кровным отношениям; и *Ши* (кит. 氏, пиньинь shì), которое обозначало клановое именование. Как уже известно, что в четвертом периоде развития китайских фамилий – объединение Син и Ши и появление фамилии в сегодняшнем понимании, у всех – от императора до простых людей – была фамилия, начиная с Периода Воюющих царств (период китайской истории: 476/403–221 гг. до н. э.) по династии Цинь (246–207 гг. до н. э.) и Хань (206 гг. до н.э. – 220 гг. н.э.).

Система русских фамилий похожа на китайскую, она тоже сложилась не сразу, а в течение несколько столетий и, соответственно, моложе китайской фамилии. Русская фамилия – это последний официальный элемент полного именованного русского человека. По мнению русского историка А.И. Соболевского, самые ранние фамилии появились у князей в XIV веке [Соболевский 1890, с. 94]. Строгую

социальную иерархию в хронологии образования фамилий представляет С.И. Зинин. Сначала возникли фамилии у князей и бояр – в XIV–XVI вв., у дворян – в XVII в., у богатых горожан и крестьян – в XVIII в., у бедных горожан и крестьян – только в XIX веке [Зинин 1969, с. 15–16]. С точки зрения В.А. Никонова, образование фамилий также чётко дифференцировано в соответствии с социальным положением. По В.А. Никонову, процесс образования фамилий длился шесть столетий: у князей и бояр фамилии сложились в XIV–XVI вв., у дворян – в XV–XVII вв., у купцов – в XVII–XIX вв., у крестьян – в XVIII–XIX вв. [Никонов 1993, с. 91–92]. Можно сделать вывод, русская фамилия берет начало с XIV в., сформировалась и окончательно закреплена в XIX в. Считая даже с начала XIV века, русским фамилиям исполнилось более шестисот лет, однако они появились позже русских личных имён и отчеств.

По мнению А.В. Суперанской, фамилия стала необходимой, чтобы придать человеку чёткие координаты в обществе, более надёжные и постоянные, чем давало прозвище. Рост городов и делопроизводства ускорили развитие новой языковой категории – фамилий [Суперанская 2008, с. 12]. Это можно объяснить тем, что в XVII–XVIII веках делопроизводство строится на переписных книгах. В 1897 г. была проведена всеобщая перепись российского населения, и по столичным образцам переписчики придавали разнородным индивидуальным именованиям официальный вид. Тогда же все жители России стали обладать именами из трёх элементов – личного имени, отчества и фамилии. Но у населения Сибири и Дальнего Востока появились фамилии только в 30-е годы XX века в эпоху всеобщей паспортизации. Можно сказать, что для большинства граждан России фамилии играли индивидуализирующе-идентифицирующую функцию, отвечали на вопросы Чей?, Кто?, Какой?, например фамилии, образованные от личных имен и географических названий: *Иван – Иванов, Андрей – Андреев, Яков – Яковлев, Фома – Фомин, Тверской, Коломенский* [Суперанская 2008, с. 14–18].

Во-вторых, с точки зрения грамматики легко определить русские фамилии среди имён нарицательных и других русских антропонимов по суффиксам, а по суффиксам и окончанию фамилии также можно определить пол человека – мужской

и женский, соответственно: частотные суффиксы или окончания русских фамилий: *-ов, -ев, -ёв / -ова, -ева, -ёва; -ин, -ын / -ина, -ына; -ский, -цкий / -ская, -цкая; -ый, -ой, -ий / -ая*. Это элементарные сведения для русских и русистов, но в Китае по фамилии нельзя определить женщину или мужчину, потому что они носят одинаковую фамилию. Фамилию *Ли* (и любую другую) носят и мужчины, и женщины. Обычно в Китае можно определить пол по семантике личных имён, но интересно, что сегодня для мальчиков иногда используют имена девочек, а для девочек – имена мальчиков; также существуют нейтральные имена, по которым трудно отличить мужской пол от женского, т.е. по семантике личных имён далеко не всегда можно правильно определить пол человека. Хорошим примером служит рейтинг популярности имен с одним иероглифом китайцев за 2021 г., который мы уже рассмотрели выше.

В-третьих, еще одной отличительной чертой русских фамилий является связь с другими элементами именования русского человека.

Большинство русских фамилий по своему происхождению патронимические – они образованы от календарного или прозвищного имени, которое носил отец именуемого лица [Суперанская 2008, с. 23]. Основная масса патронимических фамилий восходит к личным календарным именам, таким, как *Иван, Пётр*, а также к личным некалендарным именам, например, *Бажен, Миляй*, и к прозвищам типа *Курятник, Запруда, Семижен* [Суперанская 2008, с. 30]. Около половины современных русских фамилий образовано от личных имён православного христианского календаря, большинство фамилий имеют в основе мужские имена. Дело в том, что в именной состав церковных календарей входит 900 мужских имён и 250 женских имён.

Как известно, в связи со сферой употребления и выражаемыми ими эмоциями русские личные имена имеют неофициальные формы, т.е. сокращённые, уменьшительные, ласкательные и фамильярные формы. Эти формы также участвуют в образовании русских фамилий. Многие фамилии образованы от разных сокращённых форм имён, а также от имён с суффиксами субъективной оценки [Суперанская 2008, с. 55]. Например, *Санин* – чаще от *Саня*, ласкательно-

усечённой формы имени *Александр*. Фамилии *Фоломин, Холонин, Ахромов, Вахрушин, Вахов, Вахин* восходят к разным формам имени *Варфоломей*. Фамилии *Михайлов, Михайлин, Михеев, Михалев, Михалин, Михалищев, Михалкин, Михалков, Миханкин, Миханькин, Мишагин, Мишакин, Мишаков, Мишанин, Мишенин, Мишечкин, Мишин, Мишкин, Мишукин, Мишаков, Мишулин, Мишунин, Мишунькин, Мишурин, Мишуров, Мишутин, Мишуткин* связаны с различными формами имён *Михайла* и *Михайло* [Никонов 1993, с. 72].

Русские календарные имена имеют народные формы, к которым также восходят русские фамилии. Большинство фамилий образовывалось от народных форм имен [Суперанская 2008, с. 55]. Фамилия *Денисов* образовалась от народной формы имен *Деонис* и *Дионисий* – *Денис* (русс.); фамилия *Абрамов* имеет отношение к народной форме имени *Авраам* – *Абрам*; *Иванов* – от *Иван* (народная форма имени *Иоанн*), *Яхимов* – от *Яхим* (народная форма от *Аким*) *Кормилин* и *Кормушин* – от прозвищ *Кормило, Кормуша* (Корнилий).

На стыке XIX и XX веков многие крестьянские прозвища преобразовывались в фамилии [Новикова 2017, с. 46]. Ученый Ю.Н. Новикова обобщила современные фамилии Донетчины, образованные от прозвищ, отраженные 16-ю классами лексики: именование по роду деятельности или профессии, по внутренним, внешним и этническим признакам, по социальному положению, по родственным отношениям, по территориальным признакам, по названиям животных, птиц, насекомых, рыб, растений и их плодов, предметов быта, анатомических понятий и болезней, блюд, продуктов питания, явлений природы, месяцев, дней недели, одежды, обуви, украшений, цифровых обозначений, праздников и понятий церковного употребления [Новикова 2017, с. 47–50].

В семье, когда муж долго служил в армии, или умер, его жена становится главой семьи, тогда их дети могли бы носить фамилии от имени или прозвища матери, а также это относилось к незаконнорожденным детям. Очевидно, что фамилии *Марусин, Катюхин, Милушкин, Олин, Олькин, Ольгин, Аграфенин, Акулин, Акулинин, Варварин, Катеринин, Катин, Лизин* и другие образовались от женских имён. В этом заключается разница между русскими и китайскими фамилиями.

Китайские ономатологи пришли к единому мнению о происхождении фамилии: а) от тотемного поклонения, б) в первобытном обществе в матриархальный период. Профессор Ван Цюаньгэнь (王泉根) в монографии [王泉根 2010, с. 38–58] обобщил пять источников *Ши* во втором и третьем периодах развития китайских фамилий (возникновение и эволюция *Ши*, популяризация и стереотипизация *Син* и *Ши*): а) от названий царств; б) от названий феодалов; в) от названий мест пребывания, в которые входят топонимы, названия рек, названия гор и холмов; г) от имен *Цзы* (字, второе имя), *Хао* (号, другое имя), посмертных имен (谥号), порядка по старшинству предков; д) от названий чинов, титулов, профессий предков и дел. Когда в период династии Хань, *Син* и *Ши* соединились вместе, т.е. появилась фамилия в сегодняшнем понимании, и бывшие *Син* и *Ши* стали главными источниками современных китайских фамилий, т.е. они не имели отношения к женским именам.

Русские фамилии, как правило, образовывались от личных имен, отчеств и прозвищ, а формы русских имён разнообразны: народные, церковные и светские, официальные и неофициальные, полные и сокращённые, уменьшительные и ласкательные, мужские и женские формы и прозвища, которые также многообразны, поэтому разнообразие русских фамилий отражено и доказано большим количеством русских фамилий. До сих пор многие еще верят словам А.В. Суперанской: «Никем еще не был произведен подсчёт русских фамилий» [Суперанская 2019, с. 6]. Лексическое поле русских фамилий широкое, они отражают биологические особенности человека, физические, физиологические, социальные, индивидуальные, этнографические характеристики человека, черты характера и свойства ума человека, родство, профессии, средства производства и орудия труда, средства передвижения, должности, звания, титулы, животных, птиц, насекомых и растения, домашнюю утварь, строения, здания и иные постройки, оружие, пищевые продукты, ткани, одежду, обувь и их части, драгоценности и украшения, торговлю и деньги, музыкальные инструменты, игрушки, предметы домашней обстановки и роскоши, цвет, болезнь, параметры, числовой ряд, числительные, время, явления природы, отвлечённые понятия, областные и

устаревшие слова, диалект, заимствованные слова и другие [Суперанская 2008, с. 97–145]. Можно сказать, что русские фамилии – это энциклопедия русского общества и культуры, русской жизни и русской природы, которая прекрасно изображает русскую картину мира.

Мода на антропонимы, модные антропонимы – это нормальное явление, связанное с ценностными предпочтениями социума. С точки зрения синхронности, она воплощает жизнь и дух отдельного человека, а с точки зрения диахронии, аккумулирует национальную психологическую культуру и отбрасывает проверку историей. Очевидно, что это динамический процесс, который отражает постоянные изменения в области антропонимов.

До 1917 года «главным условием было присутствие выбранного имени в православных святцах: считалось недопустимым давать детям имена языческих угодников или иноверных святых. При этом святые, “не чтимые всей Церковью, но почитающиеся местно, также удовлетворяют условиям наречения имен”» [Авдеев 2008, с. 215]. Церковь не разрешала давать ребенку католические или протестантские имена, встречающиеся в православных памятниках, употребляющиеся католиками и протестантами, но по каким-либо причинам не включенные в святцы, не разрешалось выбирать имена в честь Господа и Богородицы [Мадиева 2010, с. 97]. Россияне нередко называют детей в честь своих героев в душе. В советский период, поскольку В.И. Ленин был основателем и первым главой правительства бывшей СССР, многие люди давали новорожденным мальчикам имя *Владлен* (аббревиатура, раскрывается как Владимир Ленин) в честь В.И. Ленина. Около 50 лет назад Василия Чапаева воспринимали как героя Гражданской войны и многих мальчиков называли в его честь. Когда в 1961 году первый космонавт Юрий Гагарин побывал в космосе, его имя *Юрий* стал популярным. Современная массовая культура в России также способна оказывать влияние на процесс формирования моды на имена: к примеру, после телесериала «Каменская» (2000 г.) имя *Анастасия* стало популярным. После выхода фильма «Брат» (1997) и его сиквела «Брат-2» (2000) имя *Данила* пользуется широкой популярностью. В России появилась тенденция называть новорожденных

двойными именами, с дефисом или без. Здесь нужно отдельно отметить полюбившуюся в России *Анну-Марию* и *Юлианну*.

Китайские ученые Чжао Жуйминь (赵瑞民), Тань Жувэй (谭汝为, 2010), привыкли ссылаться на фактор моды имен как на характеристику времени. По характеристикам эпохи китайских имен, их сходствам и различиям мы можем увидеть историческую эволюцию народной культуры [谭汝为 2010, с. 60]. Дворяне династий Ся и Шан поклонялись солнцу, поэтому королей и дворян часто называли в честь небесного зодиакального цикла (досл. «небесные столбы») и земного зодиакального цикла (досл. «земные ветви») (天干地支). Существует еще и другая версия: именование в честь дня рождения небесного столба – это мода в высшем классе общества Ся и Шан, связанная с высокой культурной грамотностью высшего сословия и их пристрастием к роскошной жизни [赵瑞民 2016, с. 70-71]. Правители династии Западная Хань отстаивали чистый и бездейственный даосский способ управления миром и молились о долголетьи, например, семантика имени из антропонима *Хо Цюйбин* (霍去病) иероглиф **цюй** – это ‘устранять’, **бин** – ‘болезнь’, а сочетание **Цюйбин** (去病) значит ‘полностью исцелить болезнь’. Буддизм преобладал в Южных и Северных династиях, и там появилось большое количество имен с буддийскими оттенками, таких, как буддийские имена или термины «*Дамо* (达摩, основатель Чань-буддизма)», «*шраманера* (沙弥)», «*ракшас* (罗刹)» и др., которые непосредственно используются для имен. До основания нового Китая без особых обстоятельств ребенок берет фамилию отца. Согласно статье 22 Закона о браке КНР, ребенок может брать фамилию отца или матери. Как правило, современные молодые супруги являются единственным ребенком в семье, поэтому появилась новая формула именного знака «фамилия отца + фамилия матери + личное имя». Если в семье два ребенка, то один носит фамилию отца, а другой – фамилию матери, кстати это также может показывать супружескую любовь и привязанность. Например, если фамилия отца «Ху (胡)», а фамилия матери «Жэнь (任)», есть примеры, когда ребенка называют «Ху Жэньвэнь (胡任文)». Судя по подбору фамилий для новорожденных в 2020 году, соотношение фамилии матери к

фамилии отца составляет 1:12 [http://www.gov.cn/xinwen/2021-02/08/content_5585906.htm, (дата обращения: 12.04.2022)].

В.Г. Костомаров и Е.М. Верещагин отмечают: «Национально-культурный компонент свойственен именам собственным, пожалуй, в большей степени, чем апеллиативам» [Костомаров и Верещагин 1990, с. 56]. В их работах изучение языка как носителя и источника национально-культурной информации базируется на таком понятии, как лексический фон. Лексический фон – это те (взятые вместе) непонятные семантические доли, которые входят в семему, но не участвуют в опосредованной языком классифицирующей деятельности человека [Верещагин и Костомаров 2005, с. 73]. По их мнению, антропонимы принадлежат к категории межъязыковой неполноэквивалентности, и в фоновых особенностях антропонимов охвачена совокупность почти всех знаний и такой информации, как возраст (новый и старый), происхождение (русский и иностранный), социальная окраска (*Иван* – крестьянское имя, *Евгений* иноязычное и городское, *Олег*, *Ярослав* – княжеские имена, *Зосима*, *Савватий* – монашеские, *Гордей*, *Фома* – купеческие, *Илья*, *Никита* – имена дворянской интеллигенции), стилевая принадлежности, употребительность (популярные и редкие), живая или темная внутренняя форма (*Владимир* – *Петр*), имена в пословицах: *На бедного Макара все шишки валятся*; поговорках: *Словно Мамай прошел*; загадках: *Идет Яшка, белая рубашка*; фразеологизмах: *ахиллесова пята*; имена с репрезентативным смыслом: *Иван* – это символическое имя русского; литературные антропонимы, антропонимы реальных лиц, например: знаменитый государственный и политический деятель, художник, полководец, композитор, писатель и др.

В «Словаре коннотативных собственных имен» Е.С. Отина имена с репрезентативным смыслом называются коннотативные антропонимы.

Таким образом, русские фамилии, отчества и личные имена тесно связаны друг с другом по происхождению, каждый оним обладает своей национально-культурной спецификой. В равной степени это можно аналогично утверждать и о китайских именах.

Выводы по главе 1

1) Изучение имен собственных в западных странах, в том числе в России имеет давнюю историю, которая в европейской традиции восходит к Древней Греции. В 30-ые годы XX в. наука об именах собственных сложилась как самостоятельная лингвистическая дисциплина и получила название «ономастика». Ядерной зоной ономастического поля являются антропонимы и топонимы.

2) Антропонимика – это раздел ономастики, изучающий имена собственные людей. Совокупность антропонимов называется антропонимия. Антропонимы подразделяются на разные группы: имена личные, патронимы (отчества или иные именованья, по отцу), фамилии, родовые имена, прозвища и псевдонимы (индивидуальные или групповые), криптонимы (скрываемые имена) и др.

3) Антропонимы имеют общие признаки. Обязательные и факультативные виды антропонимов обладают способностью именовать человека. В русской культуре личное имя, отчество и фамилия обязательны для человека, в китайской культуре необходимы только личное имя и фамилия. Русская антропонимическая система развивалась от одноименной к многоименной. В свою очередь, китайская многоименная система претерпела изменения. Основной фонд антропонимов национальной культуры в большинстве случаев составляют имена родного языка носителей этой культуры. А имена-неологизмы и имена-заимствования становятся его дополнением. Русские личные имена делятся на официальные и неофициальные. Официальные антропонимы выполняют важную юридическую функцию – идентификацию индивидов в обществе.

4) Антропоним – это социальный феномен, уникальный отличительный знак социального индивидуума в социальных группах, обусловленный национальными традициями, социальной культурой и политикой, языковой модой. Антропонимы являются наиболее часто используемыми средствами

коммуникации в социальной жизни. Они универсальны, то есть каждый человек имеет право использовать их.

5) Антропоним является средством выражения национальной специфики языка и культуры. Находясь под влиянием религии, культуры и истории, русская национальная антропонимия сформировала свой собственный список личных имен, который является относительно стабильным. Отчество – уникальное явление, существующее в русской антропонимической системе.

6) И официальные, и неофициальные личные имена могут иметь разные формы. У неофициальных имен встречаются сокращённые, уменьшительно-ласкательные, фамильярные и др. формы. Для выражения эмоций используются различные аффиксы. По стилевой принадлежности русские личные имена относят к народным, церковным, светским, старым, редким, разговорным, просторечным и др.

7) Русские фамилии появились позже, чем имена или прозвища, они выполняют индивидуализирующе-идентифицирующую функцию, позволяют, как правило, определить пол носителя фамилии, как правило, по суффиксу и окончанию. Русские фамилии отличаются разнообразием в связи с обилием разнообразных форм и многообразием своих основ, представляют собой «зеркало русской картины мира». Для образования фамилий существует определенный набор аффиксов. С помощью флексий можно образовать формы женского рода и множественного числа, а также падежные формы фамилий.

ГЛАВА 2. Национально-культурная специфика русских культурно маркированных антропонимов на фоне китайской лингвокультуры

2.1 Культурная коннотация как средство выражения национально-культурной картины мира

Известно, что термин «коннотация» происходит от лат. *connotatio*, от *connoto* – ‘иметь дополнительное значение’. Большой энциклопедический словарь дает такое определение коннотации: «Коннотация (ср.-век. лат. *connotatio* – от лат. *con* – ‘вместе’ и *noto* – ‘отмечаю, обозначаю’); в языкознании – это дополнительное, сопутствующее значение языковой единицы или категории. Включает семантические и стилистические аспекты, связанные с основным значением» [Большой Энциклопедический словарь 2000].

Понятие коннотация возникло в схоластической логике, использовалось в философско-теологических дискуссиях о смысле слова. В XIV веке в теории языка термин «коннотация» употребляли для различия слова по образу и действию. В XVII веке термин «коннотация» был введен в Грамматике Пор-Рояль для обозначения свойств в отличие от субстанций, обозначающих объекты и предметы действительности. Согласно другой точке зрения, этот термин восходит к трактату «*Summa logicae*» У. Оккама для того, чтобы отличать «абсолютные имена» от «коннотативных имен».

После этого коннотация привлекала пристальное внимание ученых многочисленных лингвистических школ и традиций. Она изучается с различных точек зрения в логико-философских исследованиях (Дж. Ст. Милль, 1893), в XX в. в психологии (Г. Кронассер, 1968; Г. Шпербера, 1965; К.О. Эрдман, 1900), в структурной лингвистике (Л. Блумфилд, 1933; Л. Есльмслев, 1943, 1963; Р. Барт, 1979), в семиотике (А.И. Ефимов, 1957; К. Кербрат-Ореккьони, 1977; Л.О. Чернейко, 2005, О.Г. Ревина 2004; Т. Павел, 1962; У. Эко, 1962, 1968), в прагматике (Г. Рёсслер, 1979; Ж. Мунэн, 1963; И.А. Стернин, 1979, И.В. Арнольд, 1973, 2002; Ч.С. Пирс и Ч.У. Моррис, 1963), на стыке семантики и грамматики (Т. Шиппан, 1983 и др.).

В современной лингвистике большинство ученых продолжают изучать коннотацию в её ассоциативном (Ст. Буллон, 1990; Ю.А. Апресян, 1995; С. Лебнер, 2003) либо в стилистическом аспекте (Э.Г. Ризель, 1980; К.А. Долинин, 1987; Д.Н. Шмелев, 2006; Е.А. Гончарова, 2010, 2012), либо признают многоаспектность коннотации.

Исследователи, рассматривающие многомерность коннотации, концентрируют внимание в основном на выяснении того, какие компоненты можно выделить в ее содержании [Никитина 2017, с. 6]. При этом в объем содержания коннотации входят эмоциональный, оценочный, стилистический, национально-культурный компоненты. Большой вклад в исследование многомерности коннотации внесла В.И. Телия. В нашей работе мы солидарны с ее точкой зрения на природу коннотации.

С точки зрения В.Н. Телии, коннотация – это «любой прагматически ориентированный компонент плана содержания единицы, который дополняет денотативное и прагматическое их содержание на основе сведений, соотносимых с прагматическими факторами разного рода: с ассоциативно-фоновым (эмпирическим, культурно-историческим, мировоззренческим) знанием говорящих на данном языке о свойствах или проявлениях обозначаемой реалии или ситуации, с реально-оценочным или эмоционально-оценочным (эмотивным) отношением говорящего к обозначаемой реалии, со стилистическими регистрами, характеризующими условия речи или сферу языковой деятельности, социальные отношения между участниками речи, ее формой и т.д.» [Телия 1996, с. 107].

В определении В.Н. Телии подчеркивается тесная связь коннотации с прагматикой речи. Прагматический статус коннотации состоит в ее субъективно-модальной природе и обусловлен связью с говорящими. Любой *прагматически ориентированный* компонент плана содержания единицы языка выражает отношение говорящего или слушающего к референциальному аспекту значения. Обычно такого рода отношения понимаются как коннотативные смыслы. Отношение – это реально-оценочное или эмоционально-оценочное. Слова с эмоциональной окраской могут включать разнообразные смысловые и

стилистические оттенки значения: иронический, неодобрительный, презрительный, ласкательный, торжественно-приподнятый и др. Эта окраска, как правило, устойчива, поскольку возникает в результате того, что само значение слова содержит элемент оценки: название предмета или явления, действия, признака осложняется оценочностью, отношением говорящего к называемому явлению (*зубошлеп, разгильдяй, пустомеля*) [Жеребило 2010 с. 467].

Состав и структура коннотации в целом могут быть условно представлены как «суждения о ценности или социально-речевой уместности или неуместности как самого обозначаемого, так и формы его выражения, и как выражение того или иного чувства-отношения, мотивом для которого может быть любое ассоциативное представление об обозначаемом» [Телия 1996, с. 108].

Рассмотрим первый прагматический фактор единицы языка – ассоциативно-фоновое (эмпирическое, культурно-историческое, мировоззренческое) знание говорящих на данном языке о свойствах или проявлениях обозначаемой реалии или ситуации.

Как известно, «ассоциация – это связь между двумя содержаниями опыта (ощущениями, образами, мыслями, чувствами и т. п.), которая выражается в том, что появление в сознании одного из содержаний влечёт за собой и появление другого. Чем чаще возникает в опыте такая связь, тем прочнее становится ассоциация» [Соколова, <https://bigenc.ru/psychology/text/1835213>, (дата обращения: 15.04.2022)]. Ассоциация характеризует психическую деятельность людей в целом. Мы исходим из гипотезы о том, что ассоциации – это сущности универсальные: они всегда сопутствуют процессам мышления, а в случае вербального мышления они имеют речемыслительную природу, которая может актуализировать ассоциации, соответствующие энциклопедическому знанию о мире, или же ассоциации чисто слуховые (фонетические), или же, наконец, – собственно вербальные, соответствующие языковой компетенции (во всех уровнях языка) [Телия 1986, с. 95]. Различая виды ассоциаций в языке, Р. Ромметвейт (1968) отмечает, что первые могут быть названы эмпирическими или онтологическими, их референты – сама реальность (мир), вторые – ономатопеическими (звуковыми,

звукосимволическими), референтами же их являются сами звуки, а третьи – языковыми (фонологическими, морфологическими, синтаксическими, фразеологическими), референтами же их являются информационные объекты [Цит. по: Телия 1986, с. 95]. Что касается языка и речи, то ассоциативные механизмы действуют так, что одна единица языка произвольно вызывает в сознании человека другую, причем обычно вторая единица приходит на ум без усилий, что и реализуется в употреблении в речи.

При описании понятия лексического фона в лингвострановедческой теории слова Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров использовали термин «фонные знания»: фонные знания – это знания, потенциально присутствующими в сознании человека и той общности людей, к которой данный индивид принадлежит [Верещагин 1990, с. 44]. С этой точки зрения, вся совокупность непонятных семантических долей, относящихся к слову – это его лексический фон [Верещагин 2005, с. 73]. Лексический фон отражает социально или культурно-исторически обусловленные дополнительные представления, ассоциируемые со словом и с обозначаемым им понятием. По их мнению, одним из наиболее доступных способов объективации лексических фонов является ассоциативный опрос и эксперимент с носителями языка, выступающими в роли информантов [Верещагин 2005, с. 124].

Вслед за Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым, при составлении словаря «Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)» Э.Г. Азимов обобщает понимание термина «фонные знания» так: «это знания, характерные для говорящих на данном языке, обеспечивающие речевое общение, в процессе которого эти знания проявляются в виде смысловых ассоциаций и коннотаций, соблюдения норм речевого поведения носителей языка. Фонные знания можно разделить на знания о предметах и явлениях национальной культуры (реалии) и на знания об общепринятых в стране изучаемого языка нормах поведения (этикет)» [Азимов 2009, с. 340].

Формирование коннотаций единиц языка осуществляется с опорой на фонные знания о предметах и явлениях национальной культуры. Приведем

примеры из китайского и русского языков. В русском и китайском языках можно сказать *Он глупый, как осел, свинья, чурбан*, но в русском языке шкала признака глупости еще дополняется словами-денотатами *сковородка, баран, валенок, пробка, пень, бревно*. Только в наши дни китайцы начали использовать в быту *сковородку*, и это слово в китайском языках не имеет указанной коннотации. Баран в китайском языке сравнивается с белым облаком, обычно говорят, что *Баранье стадо на лугу подобно белым облакам*, а слова *валенок, пробка, пень, бревно* в китайском языке не имеют никакой коннотации.

В предложении «*老太太后背上像背着一口锅。(Старушка, казалось, несла на спине котелок.)*» слово «котелок» употребляется в переносном смысле, и это значит, что она была горбатая (ср. *горбатый как верблюд*), потому что в большинстве случаев китайцы используют предмет домашней утвари *котелок с круглым дном* и эти элементарные знания стали основанием формирования коннотации котелка в китайском языке.

Ассоциативно-фоновое знание, содержащееся в коннотации, соотносится со знанием образа жизни, традиций и обычаев, истории, литературы, мифологии и мировоззрения народа. Рассмотрим пример из русской истории. Чтобы у Российской императрицы Екатерины II сложилось хорошее впечатление о богатстве территории, завоеванной Потемкина, он не пожалел средств, чтобы построить несколько роскошных фальшивых деревень вдоль дороги, по которой должна была проехать императрица. В результате *потемкинская деревня* стала всем русским известным кодовым названием поверхности и мошенничества, это доказывает в определенном смысле сходство человеческих представлений с точки зрения правды и лжи. Приведем другой пример. Хан Мамай правил Золотой Ордой и совершал опустошительные набеги на Русь, откуда образовался фразеологизм *как Мамай прошел* в значении ‘полнейший беспорядок, опустошение, разгром’. В китайском языке антропоним *Мамай* не имеет переносного значения. Сходства и различия в фоновых знаниях коннотативных языковых единиц являются очевидным источником национально-культурных особенностей одного языка в отношении к другим языкам.

Данные знания приобретают особую значимость в межъязыковых контактах. Между различными этносами всегда существуют сходства и различия в образе жизни, традициях и обычаях, историко-культурном развитии, литературных достижениях, мировоззрении и т. д., и формируемая на их основе культурная коннотация также имеет национально-культурную специфику и создает уникальную языковую картину мира.

Термин «коннотация» стоит в одном ряду с такими понятиями, как пресуппозиция и ассоциация. Как отмечает В.Н. Телия, они разные, но в том или ином аспекте отображают связь некоторого языкового выражения с содержанием, не являющимся коммуникативно эксплицированным, т.е., с фоновым знанием говорящих на данном языке о том, что непосредственно не названо. Пресуппозиция – это контекстуальная информация, сопутствующая изреченному или написанному в некотором тексте выражению, и коннотация не тождественна пресуппозиции, поскольку коннотация имеет свои формальные сигналы – узуальные или окказиональные. Понятия коннотация и ассоциация не равнообъемны. Ассоциация выступает в составе коннотации как связь-напоминание о некоторой пресуппозиции, характерной для реалии, чей образ явлен во внутренней форме наименования, соответствующей картине мира данного языкового коллектива. Коннотация – это «стандартная ассоциация», и как таковая в семантику слова не входит (не участвует в его толковании) [Телия 1986, с. 95-99].

В.Н. Телия также отмечает, что «коннотация выступает как особый макрокомпонент значения, которое наряду с денотативным и категориально-грамматическим содержит эмотивно-модальный компонент, выражающий отношение субъекта речи к тому, что обозначено словом или выражением». Этот эмотивно-оценочный компонент вместе с основанием оценки (внутренней формой выражения или звуко-символической формой и т.п.) и стилистической маркировкой образуют коннотацию [Телия 1986, с.16-17].

Таким образом, В.Н. Телия рассматривает коннотацию в первую очередь как способ выражения оценки. Оценка компонент коннотации показывает отношение говорящего к обозначаемой реалии. В структуру оценки входят субъект

оценки, объект оценки, оценочный элемент и «точка отсчета», включающая шкалу оценок и оценочные стереотипы [см. Ивин 1970]. Е.М. Вольф рассматривает оценку как модальность и добавляет в критерии мотивировку, классификаторы, различные интенсификаторы и деинтенсификаторы, дополнительные элементы – то, с чем сравнивается, признак, по которому делается сравнение [Цит. по: Телия 1986, с. 23]. Аналогично и В.Н. Телия считает, что «оценочная модальность, которая в условной форме может быть записана как суждение о ценности типа “говорящий считает, что X – ‘хорошо/ плохо’ (‘больше нормы / меньше нормы’)”» [Телия 1996, с 47]. Понятие «хорошо» и «плохо» касается оценки по качеству, это аксиологическая оценка, а второе – оценки по количеству.

Оценочный компонент коннотации, т.е., положительная или отрицательная оценка, на наш взгляд, является основным в коннотативном значении единицы в силу его социолингвистической природы: «В разных цивилизациях и в разные эпохи понятия добра и зла, отрицательного и положительного мыслятся неодинаково. Члены одного общества расценивают одно и то же явление индивидуально, хотя существует общепринятая точка зрения, в связи с которой положительная или отрицательная оценка входит в структуру значения единиц» [Соколова 1981, с. 60]. Что касается антропонимов, их оценочность может достигаться при помощи суффиксов (*Иванушка, Васька, Ванька*). Оценочными могут оказаться антропонимы в переносном значении (*Иуда, Плюшкин, Айболит, Аракчеев*). Такие антропонимы в переносном значении, как *Айболит, Арина Родионовна, Ален Делон, Василиса Прекрасная*, обладают положительной характеристикой, а другие антропонимы этого типа, как *Иуда, Плюшкин, Аракчеев*, могут быть иметь отрицательную характеристику.

Мы предполагаем, что человеческие представления о том, что такое хорошо/плохо (что такое больше/меньше нормы), могут быть одинаковыми, но в языковой картине мира разных этносов эталон или шкала, используемые ими для измерения того, насколько хорошо или плохо (больше/меньше нормы), могут различаться. Например, и китайцы, и русские привыкли использовать особенности движения медведя при описании большого и неуклюжего человека, ср. *Он шел*

неуклюже, как *медведь*, использовать особенности походки уток в качестве эталона для оценки неуклюжести человека, ср. *ходить уткой*. В то же время в китайском языке качающаяся походка пингвинов также используется как ассоциация для обозначения неуклюжей походки человека. Эталоном красивого мужчины в русском языке является *Аполлон*, а в китайском языке используется *Пан Ань* (кит. 潘安; пиньинь *pān ān*, литератор времен Западной Цзинь (247-300 гг.)). Поэтому в языковой картине мира разных этносов обнаруживаются и одинаковость, сходство и различие в оценочном эталоне или шкале, используемых для измерения одного и того же параметра, которые также являются одним из элементов культурной коннотации.

По мнению Т.В. Матвеевой, этот параметрический компонент коннотации, который указывает на предельную, значительно превышающую или, напротив, существенно пониженную меру какого-либо признака предмета (в соотношении с известными из опыта нормативными параметрами), может сочетаться с эмоциональным и оценочным компонентом [Матвеева 2010, с. 156]. Предложение типа: *Некто неуклюж* содержит два компонента информации: об объективном свойстве лица и о том, что, по мнению говорящего, это «плохо». В.Н. Телия утверждает, что коннотативная модальность имеет другой логический порядок: она ориентирована на экстенционал аналогии (сравнения, метафоры и т.п.) [Телия 1986, с. 27]. Например, предложение *Он шел неуклюже, как медведь*, помимо указанного ассоциативно-оценочного смысла, еще передает эмоции говорящего. Это предложение содержит денотативную модальность «плохо, что у него неуклюжие движения (относительно стереотипа – «ловкие движения»)» и коннотативную модальность (которая ориентирована на сравнение, привлекаемое для обозначаемого качества ‘неуклюжий’), т.е. «плохо, что он неуклюжий и двигается как медведь, что меньше нормы для нормального ловкого движения». Итак, оценочная модальность, характерная для коннотации, ориентирована на выделяемую в сравнении формулу ‘хорошо/плохо и/или «больше нормы/меньше нормы», что некое А обладает признаком В’.

Исследования показывают, что оценочный компонент коннотации неразрывно взаимосвязан с эмотивным (эмоциональным) компонентом, под которым понимается выражение чувств и эмоций в значении называемого объекта или субъекта. По мнению лингвистов, таким образом экспрессивный компонент, будучи одним из важных элементов коннотации, тесно связан также с эмоциональным и оценочным компонентами семантики анализируемой единицы [Катермина 2016, с. 19]. Например, предложение *Некто А – Иуда* выражает отрицательную оценку говорящего к субъекту А, и еще выражает эмоцию говорящего – презрение, пренебрежение, может быть, даже и возмущение к тому же. В некоторых случаях в словарях на эмоциональный компонент значения указывают стилистические пометы (типа бран., вульг., груб.; ирон., ласк., шутл. и др.), например, *Иуда* (бран.) – предатель, изменник; *Айболит* (разг. шутл.) – человек, который лечит животных; *идиот* (разг. бран.) – дурак, глупый человек, тупица; *медведь* (разг. шутл.) – неуклюжий, неповоротливый человек. Одновременно стилевой компонент коннотации, используя стилистическую помету, указывает на традицию употребления слова в одной из сфер общения: разговорной, научной и др. [Матвеева 2010, с. 156].

Как привило, субъект коннотации выполняет три функции: «познавательную, собственно оценочную и эмотивно-кваликативную (связанную с личностно-прагматической деятельностью, в которой доминирует эмоциональное в своей основе начало, служащее стимулом и средством эмотивного «заражения» партнеров по деятельности, в частности – в процессе коммуникации)» [Телия 1986: с. 38]. В.Н. Телия подчеркивает, что «основная функция коннотации – это функция воздействия, непосредственно и неразрывно связанная с прагматикой речи» [Телия 1986, с. 21]. Самый экономный способ осуществления воздействия на адресата – это «совмещение в одном слове номинативной и прагматической функций» [Телия 1986, с. 14].

Эмотивно-оценочное отношение обусловлено мировоззрением и фоновыми знаниями носителя языка, его культурно-историческим опытом, оценочной системой, универсальностью оценочного суждением, т.е., соблюдением

стереотипов или стандартов по некоторой шкале, отображающей общественно принятые нормы представления о хорошем или о плохом, либо отклонения от нормы: больше нормы/меньше нормы. А представление о стереотипах или стандартах принадлежит концептуальной картине мира, а не языку как таковому, т.е. оно обусловлено экстралингвистическими факторами. Например, в русском языке в предложении *Старик горбатый, как верблюд* отмечается сходство внешности горбатого человека с фигурой верблюда. В китайском языке горбатого человека сравнивают не с верблюдом, а с *котелком с круглым дном*. В русском языке тоже есть слово «котелок», но ассоциации «*горбатый человек – человек с котелком на спине*» у носителя русского языка нет. Для носителя китайского языка *верблюд – это корабль пустыни*, ценят его функцию – доставлять товары, быть транспортным средством. Под влиянием юмористического телешоу в СССР «Кабачок 13 стульев» в русском языке получило распространение высказывание «*Докажи, что ты не верблюд*» (разг. шутил.) о невозможности доказать очевидную необоснованность какого-нибудь обвинения, которое совершенно оказывается непонятным в китайском языке. Таким образом, ограниченные многими экстралингвистическими факторами носители разных языков обладают значительной субъективностью в эмоционально-оценочном отношении к одному и тому же явлению. По словам В.Н. Телии, коннотация всегда антропометрична. В связи с этим мы рассматриваем коннотацию как культурную коннотацию, которая является средством выражения национально-культурной картины мира

Основываясь на выше сказанном, мы также приходим к выводу о том, что в прагматически ориентированном компоненте плана содержания коннотации выделяется несколько типов конкретных факторов, каждый из которых в отдельном слове может быть единственным, а может сочетаться с другими.

Национально-культурный аспект коннотации становится предметом особого изучения в рамках лингвокультурологического подхода, и культурная коннотация в первую очередь является видом культурной маркированности.

По словам В.Н. Телии, «культурная коннотация – это в самом общем виде интерпретация денотативного или образно мотивированного аспектов значения

языкового знака в категориях культуры, предполагающая выявление связи образа, лежащего в основе номинативной единицы языка (слова или фразеологизма), со стереотипами, символами, эталонами, мифологемами и другими знаками национальной и общечеловеческой культуры, освоенной народом – носителем языка» [Телия 2011, с. 145]. А носитель языка – это каждый отдельный человек, который входит в человечество как «национальный» человек, как представитель отдельного народа или нации: «Национальный человек больше, не меньше, чем просто человек, в нем есть родовые черты человека вообще и еще есть черты индивидуально-национальные» [Бердяев 1990, с. 96].

По мнению В.Н. Телии, «понятие культурной коннотации является базовым для лингвокультурологии – научной дисциплины, исследующей воплощенные в живой национальный язык материальную культуру и менталитет и проявляющиеся в языковых процессах в их действенной преемственности с языком и культурой этноса» [Телия 1996, с. 216]. «Культурная коннотация – инструмент для изучения этого взаимодействия в определенные периоды или эпохи жизни народа, оказавшие заметное воздействие на формирование его ментальности. Способность языка выражать смену культурно значимых ориентиров исследовалась в отечественной филологии» [Телия 2011, с. 145].

В.А. Маслова, вслед за В.Н. Телией, рассматривает «культурную коннотацию как экспонент культуры в языковом знаке» [В.А. Маслова 2005, с. 41]. Связь языка с национальной культурой реализуется через культурную коннотацию, которая возникает как результат ассоциативно–образного основания языковой единицы посредством соотнесения ее с культурно–национальными эталонами и стереотипами. «Зачастую коннотации воспринимаются как оценочный ореол, при этом также ярко проявляется национальная специфика языка, создающая картину мира» [Маслова 2005, с. 42].

О.Н. Ракитина связывает коннотацию с культурно-национальной самобытностью ассоциаций, обусловленной «многослойностью воздействия практического, теоретического, культурного и собственно языкового опыта» и определяет коннотат как эмотивно-оценочную и стилистически маркированную

окраску языковой единицы, выражающую отношение субъекта речи к действительности узуального или окказионального характера [Ракитина 2005, с. 32].

Образный компонент коннотации характерен для слов в переносном значении, он является носителем определенного представления об обозначаемом [Т.В. Матвеева 2010, с. 156], например, культурно маркированное имя *Аполлон* – о красивом юноше, на основании ассоциативного понятия о внешности человека, *два Аякса* – неразлучные друзья, на основании ассоциативного сходства действия.

Теоретически любой феномен языка может быть включен в структуру коннотации: суффиксы (ср. *старушенция, Иванушка, Васька*), слова (*Иуда* – о предателе, изменнике, *сорока* – о болтливом человеке, о сплетнике, сплетнице в русском языке, китайцы часто ассоциируют сороки с их криками, которые принесут счастливые события., *лиса* – о хитром, льстивом человеке в русском и китайском языке), фразеологизмы (*белая ворона, ариаднина нить, век Астреи*), предложения, фрагменты текста.

Хотя теоретически приобрести окказиональную или узуальную коннотацию может любая единица языка, но не все передают сведения, соотносимые с прагматическими факторами разного рода, т.е., коннотация свойственна далеко не всем единицам языка. Обычно лингвисты уделяют внимание коннотации на лексическом уровне. Исследуя коннотацию лексических единиц, И.В. Арнольд отмечает, что в состав лексического значения входят две части информации: первой и обязательной соответствует денотативное значение слова, называющее понятие; вторая, факультативная, связана с условиями и участниками общения, соответствует коннотации, включающей эмоциональный, оценочный, экспрессивный и стилистический компоненты значения [Арнольд 2002, с. 80]. Нейтральные слова обладают коннотативными смыслами в особых культурологических обстоятельствах и определенных условиях коммуникации. Совокупность коннотем (слов, имеющих коннотацию) создает языковую картину человеческой психики, преломление номинативной картины мира в сознании человека, его ощущениях, переживаниях, оценках, ситуативных приспособлениях

[Матвеева 2010, с. 155]. Обязательность и факультативность коннотативных смыслов слов легко осознать: например, в русском и китайском языках существует многочисленные антропонимы (это объект нашего исследования), многие из которых имеют коннотативное значение.

В зависимости от принадлежности исследователя к тому или иному научному направлению для обозначения подобного коннотативным антропонимам явления в лингвокультурологии также существуют термины лингвокультурема, логоэпистема и прецедентное имя.

Термин «лингвокультурема» был предложен В.В. Воробьевым (1997) и получил распространение в литературе по лингвострановедению и лингвокультурологии. По мнению ученого, «лингвокультурема как комплексная межуровневая единица представляет собой диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного или предметного) содержания». Это единица более «глубокая» по своей сути, чем слово [Воробьев 2008, с. 44-45]. «Слово (знак – значение) как языковая единица составляет часть лингвокультуремы (знак – значение – понятие – предмет); сфера первого ограничена языком, второго – распространяется на предметный мир» [Воробьев 1994, с. 76]. Поэтому В.В. Воробьев четко отмечает, что «сходство и различия между словом и лингвокультуремой лежат в русле разграничения языкового и понятийно-предметного отражения объектов действительности» [Воробьев 2008, с. 45]. Он подчеркивает, что «структура лингвокультуремы оказывается более сложной, чем у собственно языковых единиц. К обычным составляющим (знак – значение) здесь прибавляется культурно-понятийный компонент как внеязыковое содержание лингвокультуремы, между ними диалектические отношения, состоящие в сложном противоречивом процессе намека, одновременно равенства и неравенства языкового и мыслительного содержания» [Воробьев 1994, с. 76]. Лингвокультурема аккумулирует в себе как собственно языковое понятие, как и тесно связанную с ней внеязыковую культурную среду. Лингвокультурема может быть представлена словом (*копейка, грош, гривна, соборность, хлестаковщина, обломовщина*), словосочетанием (*русский человек, русский характер*), абзацем или

несколькими абзацами, строкой или стихотворением, литературным произведением («*Русский характер*» А.Л. Толстого). В отличие от коннотативных имен (собственных или нарицательных) имя как лингвокультурема больше связано с понятийно-предметным отражением, поэтому некоторые слова или словосочетания, являясь лингвокультуремой, могут быть не иметь коннотации, например, *соборность, русский характер*.

Рассмотрим термин «логоэпистема». В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова в антропологической парадигме на стыке с такими дисциплинами, как социология, этнография и культурология предложили термин «логоэпистема» (от греч. *logos* – ‘слово’ и *episteme* – ‘знание’). С их точки зрения, «логоэпистема – это языковое выражение закреплённого общественной памятью следа отражения действительности в сознании носителей языка в результате постижения (или создания) ими духовных ценностей отечественной и мировой культур» [Костомаров 2000, с. 91]. По их мнению, к логоэпистемам могут быть отнесены разноуровневые лингвострановедчески ценные единицы (слова-понятия, крылатые слова, известные всем афоризмы, фразеологизмы, прецедентные тексты, «говорящие» имена и названия), являющиеся стандартным типом языковой реакции носителя языка на внешние стимулы. Она полностью соответствует идее сообщения культурного знания через язык и предоставляет возможности для решения соотношения языка и культуры [Бурвикова 2006, с. 16]. Таким образом, можно прийти к выводу, что логоэпистема и коннотация представляют собой продукт решения проблемы соотношения языка и культуры, их пересечение состоит в так называемых ассоциативно-фоновых знаниях говорящих на данном языке (В.Н. Телия), или знаниях культурного характера (в терминологии В.Г. Костомарова и Н.Д. Бурвиковой). Однако коннотация в основном ориентирована на прагматический компонент плана содержания единицы, и ассоциативно-фоновые знания, и эмоционально-оценочный компонент, и стилистический регистр, и национально-культурный компонент служат окончательному результату коннотации: воздействие на слушающего или адресата. Таким образом, к логоэпистемам можно отнести антропонимы с коннотативным

значением, так называемые В.Г. Костомаровым и Н.Д. Бурвиковой «говорящие» имена, но для нашего исследования важен прагматический аспект рассматриваемых единиц, поэтому термин «логоэпистема» мы здесь не используем.

Рассмотрим термин «прецедентное имя». Теория прецедентности впервые была предложена и теоретически обоснована Ю.Н. Карауловым, который рассматривал прецедентные тексты. На наш взгляд, основоположник трактует этот термин слишком широко: «значимые для личности в познавательном и эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 1987, с. 216]. Далее автор называет способы введения указаний на прецедентные тексты: цитату, название текста, имя автора или персонажа [Караулов 1987, с. 218].

И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков и Д.В. Багаева разграничивают четыре типа прецедентных феноменов (прецедентные имена, прецедентные высказывания, прецедентные тексты и прецедентные ситуации), которые являются наиболее авторитетной современной концепцией прецедентности [Захаренко, Красных, Гудков, Багаева 1997, с. 83]. Прецедентным именем (ПИ) авторы называют индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным (например, *Печорин*, *Теркин*), или с прецедентной ситуацией (например, *Иван Сусанин*); это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не собственно к денотату, а к набору дифференциальных признаков данного ПИ; может состоять из одного (*Ломоносов*) или более элементов (*Куликово поле*, *“Летучий голландец”*), обозначая при этом одно понятие [Захаренко, Красных, Гудков, Багаева 1997, с. 83-84]. «Прецедентное имя обладает определенной структурой, ядро которой составляют дифференциальные признаки, а периферию – атрибуты» [Захаренко, Красных, Гудков, Багаева 1997, с. 88]. «Дифференциальные признаки определяют специфические признаки данного имени и противопоставляют его другим именам. Эти признаки во многом похожи на дифференциальные признаки имен нарицательных, хотя это лишь

относительное сходство» [Нахимова 2007, с. 50]. Атрибуты прецедентного имени – это «элементы, тесно связанные с означаемым прецедентного имени, являющиеся достаточными, но не необходимыми для его сигнификации, например, *кепка Ленина, бакенбарды Пушкина, маленький рост Наполеона*» [Красных 2002, с. 80-82]. «Прецедентные имена – это важнейшая часть национальной культуры в ее историческом развитии, тесно связанная с национальными ценностями и традициями. Система прецедентных феноменов – это один из инструментов трансляции «культурной памяти» народа от одного поколения к другому и одновременно способ объединения народа вокруг его культурных ценностей и нравственных идеалов. Прецедентные феномены часто выступают как нравственные эталоны нации, фиксирующие ее оценку реальности» [Нахимова 2007, с. 12].

Таким образом, на наш взгляд, прецедентное имя и антропонимы с коннотативным значением не полностью совпадают. Во-первых, в понятие «прецедентное имя» входят не только антропонимы, но и другие имена собственные. Во-вторых, коннотация антропонимов ориентирована на прагматически ориентированный компонент плана содержания языковой единицы. а самое важное для прецедентного имени – это прецедентность.

2.2 Общие сведения о культурно маркированных антропонимах

2.2.1 Коннотативные антропонимы как лингвокультурная единица

Антропонимам свойственна культурная коннотация, что, вероятно, можно отнести к антропонимическим универсалиям. Приведем несколько примеров из ряда европейских и восточных языков. Так, в английском языке антропоним *Quisling* (Квислинг /'kwɪslɪŋ/, [kvislɪŋ]) норвежского происхождения используется для называния лица, сотрудничающих с вражескими оккупационными силами или, в более общем плане, как синоним слова *предатель*, например, «*He had used a false name to insult elderly constituents and label unionists as quislings, the cybernat insult of choice* (Он использовал вымышленное имя, чтобы оскорбить пожилых

избирателей и навесить на юнионистов ярлык “квислинги” – излюбленное кибернетическое оскорбление)» [Times, Sunday Times, 2015]. Под влиянием Библии *Иуда* стал синонимом предателя во многих языках (английском, французском, немецком, русском и т.д.), сравните: «*Это Иуда-предатель и даже хуже того*» [Достоевский Ф.М. Униженные и оскорбленные]; *It's because it is you, Judas (Это потому, что это ты, Иуда)*. [Reverso Context <https://context.reverso.net/%E7%BF%BB%E8%AF%91/%E8%8B%B1%E8%AF%AD-%E4%B8%AD%E6%96%87/judas#%E5%8F%9B%E5%BE%92> (дата обращения: 17.05.2022)]. В китайском и русском языке *Дядя Сем* (анг. *Uncle Sam*) – символ Соединенных Штатов Америки, подобный *Джону Буллу* (анг. *John Bull*) для Англии, например, “*山姆大叔*”还趁机向欧洲兜售天然气 («*Дядя Сэм*» также воспользовался возможностью продать природный газ в Европе) [«Всемирная сеть» 02.04.2022]; «*Мнение Дяди Сэма по этому поводу в Москве уже никого не волнует*» [«Репортёр» 12.04.2022]. В китайском языке антропоним *Цинь Хуэй* (кит. 秦桧, пиньинь qín huì, сановник времен династии Сун (960-1279 гг.), предавший генерала Юэ Фэя (岳飞)) – это предатель родины, например, *他敏锐地察觉到“党内出了奸贼, 国家出了秦桧”* (Он прекрасно осознавал, что «в партии есть предатели, а в стране есть Цинь Хуэй») [«Жэньминь Жибао» 27.03.1980]. Когда шедевр Бальзака «Евгения Гранде» был представлен в Китае, образ скряги Гранде глубоко укоренился в сердцах людей и часто использовался в публицистическом дискурсе и литературе. Например: *也不要见着“非生产性开支”就像葛朗台一样吝啬, 或许它无形之中会带来经济效益呢!* (Не относитесь к «непроизводительным затратам» так же скупно, как Гранде, может быть, они принесут незримую экономическую выгоду!) [«Жэньминь Жибао» 09.12.1993]. В русском языке также есть свой классический образ скряги – это гоголевский персонаж Плюшкин: «*И к тому же жадны, как Плюшкин*» [Татьяна Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений» 2010].

Все элементы коннотативных антропонимов взаимосвязаны и неразделимы, в следствие этого антропонимы с культурной коннотацией, как культурно маркированные единицы, являются эффективным и экономичным способом

выражения мысли и отношения говорящего к обозначаемой реалии, объединяющий множество элементов в одном коннотативном антропониме. Ассоциативно-фоновое знание является принципиальным основанием для возникновения коннотативного значения. При упоминании коннотативного антропонима у индивида социального сообщества сознательно или бессознательно возникает ассоциация со стоящим за ним фоновым знанием. Это более характерно, когда речь идет о воплощенных антропонимах, указывающих на конкретных лиц, либо реально существующих в истории, либо искусственно созданных в литературном, мифологическом или религиозном пространстве; фоновые знания также являются основой эмоционально-оценочного элемента антропонима. Коннотативный антропоним положительных фигур, как правило, имеет коннотативное значение с мейоративным оттенком, и говорящий упоминает такие антропонимы в речевой деятельности или в тексте, чтобы выразить свою положительную оценку и одобрительное отношение к обозначаемой реалии. И наоборот, культурно маркированный антропоним отрицательных персонажей обычно обладает значениями с пейоративным оттенком и выражает отрицательную оценку и неодобрительное отношение к обозначаемой реалии.

Рассмотрим фамилию *Ломоносов* из заголовка и предложения в новости «*Донецкий Ломоносов: 15-летний интеллектuala поборется за звание «Человек года»; 15-летний Михаил – настоящий донецкий Ломоносов»* [«Комсомольская правда» 16.11.2019]: 1) по фоновым знаниям, антропоним *Ломоносов* является воплощенным антропонимом, закрепленным в российской истории науки, и называет известного ученого Михаилу Васильевича Ломоносова (1711–1740 гг.), а не обозначает другого человека по фамилии Ломоносов. 2) М.В. Ломоносов – первый крупный русский ученый-естествоиспытатель мирового значения, что является фоновым знанием коннотативного антропонима *Ломоносов*, на основе данного знания создано коннотативное значение антропонима *Ломоносов* с мейоративным оттенком ‘великий ученый, достигший успеха во многих науках’. 3) Культурно маркированная фамилия *Ломоносов* в этом предложении выступает как шкала измерения заслуг великого ученого и актуализирует в тексте фоновые

знания о трудах М.В. Ломоносова, на основе которых у журналиста сформирована самая высокая положительная оценка другого, будущего ученого – *«хорошо, что 15-летний Михаил – настоящий донецкий Ломоносов»*. 4) Положительная оценка 15-летнего Михаила также выражает радостную эмоцию и одобрительное отношение к этому молодому человеку, чтобы привлечь к нему внимание и воздействовать на читателя. 5) Одинаковое имя у школьника и ученого также играет роль в ассоциации фоновых знаний и выражении отношения говорящего к субъекту.

Антропоним как языковая единица приобретает коннотативное значение, и многие из коннотативных антропонимов оказываются многозначными. Кроме того, культурно маркированные антропонимы могут вступать в синонимические и антонимические отношения на уровне антропонимической системы русского языка.

Известный лингвист Д.Н. Шмелев писал, что фундаментальное свойство языка состоит в многозначности слова, его способность «ограниченными средствами передавать безграничность человеческого опыта», проявляется именно в его многозначности [Шмелев 1973, с. 75]. Явление полисемии можно наблюдать и у антропонимов с коннотациями, т.е. один антропоним может иметь более одного значения за счет наличия коннотаций.

Рассмотрим три примера с именем *Альфонс*: 1) *«Да ему нужна не абы какая, а чтобы и богатая, и с квартирой, и чтобы ему трусы покупала. Альфонс он. Видеть не могу его больше...»* [М. Трауб «Ласточ...ка»]; 2) *«Три месяца я кормлю его, пою и воспитываю, и этот альфонс становится теперь в третью позицию и заявляет, что он...»* [И. Ильф, Е. Петров «Двенадцать стульев»]; 3) *«Я-то, например, уверен, что Петербург не получает денег от Москвы только потому, что ему стыдно быть альфонсом»* [Панюшкин В. Мысли Панюшкина // «Столица» 06.10.1997.]. В первом примере значение имени *Альфонс* ‘это мужчина, живущий за счет женщины, находящийся на содержании у любовницы’, во втором – ‘дармояд’, в третьем – ‘что-то существующее за чужой счет’.

Приведем другой пример. В предложении *«Так что была у Саши своя Арина Родионовна»* [В. Конецкий «Начало конца комедии» (1978)] антропоним *Арина*

Родионовна интерпретируется как заботливая няня, воспитательница, а в предложении *«Рядом села идеальная русская старушка, истинный оплот этой культуры, Арина Родионовна»* [В.П. Аксенов «Московская сага»] этот антропоним означает ‘пожилая женщина, носительница «русского начала»’.

Семантическое наполнение имени *Наполеон* в следующих пяти предложениях:

- 1) *«Через тебя, подняв кровавый меч, Всех врагов прошли наполеоны»* [И.К. Савельев «Ключ-земля»];
- 2) *«Ваш братец, Платон Михайлович, говорят, отличный хозяин: о Константине Федоровиче — что уж говорить! Это Наполеон своего рода»* [Н.В. Гоголь «Мертвые души»];
- 3) *«“Нашей милости”, Белоручки! Ученые! — выкрикивал майор, — нашей милости — мужицкие бороды, а им великие дела! Наполеоны!»* [Н.Н. Златовратский «Золотые сердца»];
- 4) *«Мне бы в военной служить-с, право-с. Наполеоном-то, может быть и не сделался бы, ну а майором бы был-с, хе-хе-хе!»* [Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание»];
- 5) *“Наполеоны” проснулись* (название рубрики в газете «Аргументы и факты» (№ 13, 03.2003), где помещена заметка, озаглавленная «Вешний зов», — о сезонных (весенних) психических обострениях у москвичей), последовательно интерпретируется как 1) ‘единоличный властитель, диктатор’; 2) ‘человек, замечательно проявивший себя в какой-то сфере деятельности’; 3) ‘надменный, самоуверенный человек, амбициозный выскочка’; 4) ‘полководец, выдающийся военачальник’; 5) ‘сумасшедший, умалишенный’.

Русский язык – это язык с очень богатым словарным составом, одна и та же действительность часто представлена разными словами, и это явление синонимии также встречается в коннотативных антропонимах.

Удачно созданы знаменитые образы скряги в русской и мировой литературе, это *Плюшкин*, описанный русским писателем Н.В. Гоголем, *Гарпагон* в комедии Ж.Б. Мольера «Скупой» и *Гобсек*, созданный рукой французского гения О. Бальзака, в современном русском языке выступают как синонимы скупердя. Рассмотрим примеры в предложениях *«Такой, извините меня, обобщённый тип даже описан в литературе. Вы – Плюшкин! Гарпагон!»* [И. Ильф, Е. Петров «Широкий размах»]; *«Жадная она – спасу нет. Прямо Гобсек в юбке. Вера*

сообразила, что он шутит, и рассмеялась одновременно смущенно и озорно» [А. Маринина «Не мешайте палачу»].

Во множестве легенд царь Израильско-Иудейского царства в 965-938 гг. до н.э., сын Давида, *Соломон* выступает как мудрейший из людей и справедливый судья. Герой *Одиссей* в поэме Гомера «Илиада» и «Одиссея» участвовал в Троянской войне, а на десятом году войны завоевал город хитростью, используя троянского коня. Эти антропонимы составляют часть общеевропейской культуры. В связи с этим антропонимы *Соломон* и *Одиссей* в русском языке выступают как синонимы мудрого, умного человека. Приведем примеры. «*Раздумывая и колеблясь, Спартак поступал мудро, как Соломон: он устраивал собрания равно для с. -р. и с. -д., а сам, присутствуя на них, слушал, сравнивал и решал*» [А. Грин «Автобиографическая повесть»]; «*А все потому, что был так же умен, как Одиссей, и греки прислушивались к его советам еще охотней, чем к Одиссею*» [А. Кушнер «С Гомером долго ты беседовал один...»].

Кроме синонимии, в русском языке феномен антонимии часто используется для создания коннотаций и передаче оценочных смыслов.

Антропоним *Моцарт* употребляется в русском языке в коннотативном значении ‘человек с ярким талантом’, а антропоним *Сальери* – ‘бесталантный человек’. Приведем пример. «*Про Стасика и Леню мать говорила, что это Моцарт и Сальери*» [З. Масленикова «Близкие Бориса Пастернака»], «мать» давала такую оценку Стасику и Лене, потому что она считала Леню бездарностью, а Стасик блистательно играл на рояле.

Ир – это нищий в поэме Гомера «Одиссея», от него в русском языке появился уже устаревший сегодня фразеологизм в книжном стиле – *беден как Ир*. Другой исторический персонаж *Крез* – последний царь Лидии, страны на западе Малой Азии, известный своими несметным богатством; в русском языке антропоним *Крез* означает очень богатого человека. Приведем примеры: «*Молодой человек с литературным образованием и радикальным образом мыслей, он из провинции явился в Париж, бедный, как Ир, и просил работы в редакции “Реформы”*» [А.И. Герцен «Былое и думы. Часть шестая. Англия»]; «*Он был богат, как Крез, и*

зарабатывал в какие-нибудь полтора часа по пятидесяти тысяч рублей» [Н.А. Лейкин «Из записной книжки отставного приказчика Касьяна Яманова»].

2.2.2 Типы оценки коннотативного значения антропонимов

Коннотация представляет собой способ выражения оценки. Оценочный компонент коннотации, т.е. положительная или отрицательная оценка, является основным в коннотативном значении антропонимов. Особенностью оценки в любом национальном языке является асимметрия между положительной и отрицательной зонами «хорошо/плохо» [Вольф 1985, с. 19], о чем мы писали в п. 2.1. кроме того, к шкале оценки можно добавить ещё зоны и/или «больше нормы / меньше нормы». В.Н. Телия отмечает, что «коннотативная модальность имеет другой логический порядок, нежели первая (денотативная. – Чжан Хунин): она ориентирована не на то, что является собственно предметом обозначения, и что имплицитно денотативную модальность, а на экстенционал аналогии (сравнения, метафоры и т.п.)» [Телия 1986, с. 26-27]. Выражение «Ты умен, как *Соломон*» [Ф.К. Сологуб «Мелкий бес»] содержит денотативную модальность ‘хорошо, что ты умный’ (относительно среднего уровня интеллекта), и коннотативную модальность (которая ориентирована на сравнение, привлекаемое для квалификации обозначаемого ‘умный’) – ‘хорошо, что ты схож по уровню интеллекта с Соломоном, что выше нормального уровня интеллекта для простого человека’. Отсюда получилась форма модальности ‘хорошо/плохо и/или больше нормы / меньше нормы, что А обладает свойством В’. При составлении признаков двух объектов взаимодействуют два плана – обозначаемое и образное – его представления.

На основе положительной и отрицательной зон «хорошо/плохо и/или больше нормы/меньше нормы» оценки разделены коннотативные антропонимы с пейоративной и мейоративной оценкой. Встречаются случаи, когда коннотация антропонима выражает и пейоративную и мейоративную оценку в разных контекстах.

Рассмотрим первый тип: коннотативные антропони́мы с пейоративной оценкой. Для анализа были отобраны русские коннотативные антропони́мы из следующих источников: «Словарь коннотативных собственных имен» (Е.С. Отин, 2004), «Россия. Большой лингвострановедческий словарь» (2007) под общ. ред. Ю.Е. Прохорова.

Приведем примеры в русском языке. В предложении *«Много у меня бывало соображений, только и Манилова из меня не вышло — ни одного из прожекторов я иначе, чем привык, иначе, как на кухне, не высказывал»* [А. Битов «Усталость паровоза»] значение ‘прожектёр’ относительно фамилии *Манилов* восходит к характеру этого отрицательного образа в произведении Н.В. Гоголя «Мертвые души», а целое предложение выражает положительную оценку ко «мне» при помощи структуры двойного отрицания (не выйти – одно отрицание, *Манилов* – другая пассивная оценка). В предложении *«Герцог Орлеанский запишет имя свое в истории, как Герострат: гений его есть злой дух разрушения»* [Н.М. Карамзин «Письма русского путешественника»] автор сравнивает герцога Орлеанского с греком *Геростратом*, который поджег храм Артемиды в Эфесе для прославления своего имени и тем самым создаёт пейоративную оценку.

Здесь приведем два примера в китайском языке. В примере «*《夫妻的世界》很像中国陈世美的故事》* (Сериял «Мир мужа и жены» очень похож на историю китайского Чэнь Шимэй (кит. 陈世美, пиньинь *chén shìměi*, персонаж китайского театра; обр. вероломный муж; коварный изменник)) [«Жэньминь жибао» он-лайн 08.06.2022] муж как главный герой – этот южнокорейский «Чэнь Шимей» обладает всеми характеристиками коварного изменника из предыдущих сериалов – у него нет карьеры, он живет за счет доходов жены, он не питает любовь и преданность к своей матери и не содержит ее, и, что важнее всего, он проводит время в кутежах и распутстве и изменяет жене. В понимании этого предложения ассоциативно-фонические знания персонажа театра Чэнь Шимэй (после того, как он сдал экзамен первым на степень цзиньши, он бросил жену и женился на принцессе) становятся основой для сравнения героя сериала с ним. Выражение ‘этот южнокорейский

«Чэнь Шимэй» содержит два плана выражения — обозначаемое (герой сериала) и образное его представление (персонаж театра) при метафоре на основе сходства поведения двух человек (изменить жене). В тексте при выражении отношения говорящего к герою сериала актуализирует значение антропонима Чэнь Шимэй ‘вероломный муж; коварный изменник’, обладающее пейоративной оценкой и выражающее неодобрительное отношение говорящего к герою сериала. Приведем другой пример. «国台办：绝大多数台湾民众不是“阿斗”，终有一天会在沉默中爆发 (Канцелярия по делам Тайваня при Госсовете Китая: подавляющее большинство тайваньцев не «Адоу» (кит. 阿斗, пиньинь ādǒu, детское имя исторического лица Лю Шаня (刘禅, 207-271 гг.)), и однажды они вспыхнут в тишине)» [«Жэньминь жибао» он-лайн 29.12.2021]. Благодаря роману «Троецарствие» фоновые знания антропонима «Адоу, которому не можешь помочь (扶不起的阿斗)» широко известны китайцам. На основе этих знаний сформировалось коннотативное значение этого детского имени Адоу ‘тряпка; растяпа, неудачник’, выражающее пейоративную оценку. А в приведенном предложении при помощи структуры двойного отрицания (тайваньцы не Адоу, т.е. тайваньцы не тряпки) говорящий усиливает мейоративную оценочную модальность к субъектам (хорошо, что тайваньцы не Адоу).

В приведённых примерах видно, что отрицательные оценки, негативное отношение к типичным отрицательным персонажам в литературных произведениях и к историческим лицам, хорошо известным в истории человечества своими недостойными делами, закреплены в языке и передаются из поколения в поколение при помощи антропонимов с культурной коннотацией.

При анализе оценочного компонента русских коннотативных собственных имен Е.С. Отин отмечает, что стилистическая коннотация в словах обладает признаком асимметричности: большинство оценок – пейоративного (неодобрительного), меньшинство – мейоративного (положительного) планов. Этот закон распространяется и на коннотативные антропонимы: большинство из них чаще всего употребляется как пейоративные оценочные слова [Отин 2004, с. 7].

Это утверждение хорошо иллюстрируется пословицей и в китайском, и русском языках «Добрая слава лежит, а худая бежит» (кит. 好事不出门, 坏事传千里, букв. хорошее дело не выходит за дверь, плохое дело распространяется на тысячу ли; обр. добрая слава лежит, а дурная бежит).

Кроме антропонимов в приведенных примерах, множество других культурно маркированных антропонимов приобретает пейоративный признак и выражает отрицательную оценку. Вот некоторые из этих групп антропонимов:

– вымышленные литературные персонажи: *Альфонс, Аника (Аника-воин, Аника-смотрок), Бендер, Вральман, Гаврош, Гамлет, Гарпагон, Гобсек, Держиморда, Добчинский, Дон-Жуан, Квзимодо, Ловелас, Лолита, Манилов, Митрофан (Митрофанушка), Монтеки и Капулетти, Молчалин, Ноздрев, Обломов, Остап, Отелло, Печорин, Плюшкин, Поручик Киже, Раскольников, Скалозуб, Собакевич, Тарзан, Фигаро, Хлестаков, Чичиков, Швондер, Шариков;*

– реальные исторические лица: *Балакирев, Езон, Ирод, Казанова, Малюта Скуратов, Мамай, Мессалина, Павлик Морозов, Салтычиха и Сальери.*

– персонажи из Библии: *Иуда, Каин, Магдалина (Мария Магдалина, Мария из Магдалы), Марфа, Молох, Хам.*

Политическая обстановка и обстановка времени оказывают влияние на оценку персонажа. Иногда существует несоответствие между общепринятой, общенародной оценкой названной личности и её официальным имиджем. Со временем её официальный имидж был проигнорирован миром, и стала преобладать общенародная оценка, воплощающая общечеловеческие ценности. Так, в Советском Союзе *Павлик Морозов* официально пропагандировался как герой и служил образцом для подражания, а то, что он доносил на своего отца в ОГПУ, не было признано в народе, по этой причине в современном русском языке *Павлик Морозов* стал синонимом доносчика и предателя и выражает пейоративную оценку к обозначаемой реалии.

Рассмотрим второй тип: коннотативные антропонимы с мейоративной оценкой.

Приведем два примера в русском языке. *Робин Гуд* был легендарным английским народным героем, и его имя употребляется в примере «*Этот Робин Гуд вскоре после гражданской войны Севера и Юга грабил магнатов железной дороги и помогал бедным фермерам*» [Как весна, так все коты // «Домовой» 04.03.2002.] в коннотативном значении ‘народный заступник; благородный разбойник, защитник обездоленных бедняков’. Оно выражает положительную оценку на основе сходства поведения двух человека.

В примере «– *Слушай, пан! – сказал Янкель, – нужно посоветоваться с таким человеком, какого еще никогда не было на свете. У-у! то такой мудрый, как Соломон; и когда он ничего не сделает, то уж никто на свете не сделает*» [Н.В. Гоголь «Тарас Бульба»] антропоним *Соломон* – это имя царя Израильско-Иудейского царства в 965-938 гг. до н.э., который отличался необычайной мудростью и умением принять разумное решение в безвыходных ситуациях, выступает как эталон мудрости в русском языке, а сравнение *мудрый, как Соломон* выражает положительную оценку.

Приведем два примера в китайском языке. Рассмотрим первый пример «*电力工匠邓昭辉：从“变电小白”成长为“变电扁鹊”* (Мастер-электроэнергетик Дэн Чжаохуэй: от «Мисс Бай» до «Бянь Цюэ» в области электроэнергетики)» [«Жэньминь жибао» он-лайн 04.11.2020]. *Бянь Цюэ* (кит. 扁鹊, пиньинь biǎn què) был знаменитым врачом, жившим в эпоху Воюющих царств (476/403–221 гг. до н. э.), откуда получилась его коннотация ‘лучший врач’. Оценочная модальность к мастеру выражается с помощью метафоры на основе сходства достижений в своей области и характеристики работы (Бянь Цюэ решает проблемы со здоровьем человека, Дэн Чжаохуэй – проблемы с электроэнергией) в отношении двух человек. Фоновое знание и коннотативное значение Бянь Цюэ актуализируется в понимании этого предложения и выражении мейоративной оценки этого мастера-электроэнергетика.

Рассмотрим другой пример в китайском языке. В китайском народном эпосе «Песни о Мулань» *Хуа Мулань* (кит. 花木兰, пиньинь huā mùlán) – это девушка,

переодевшаяся мужчиной и ушедшая в армию вместо своего отца. Её антропоним употребляется в примере *«经过 10 余年岗位历练, 邵斐非从一名普通护士成长为一名卫勤尖兵, 是名副其实的军中“花木兰” (После более чем 10 лет опыта НА рабочем месте, Шао Фэйфэй выросла из обычной медсестры в прекрасного солдата-медика, настоящую «Хуа Мулань» в армии)»* [«Жэньминь жибао» он-лайн 20.10.2021] в коннотативном значении ‘героиня’, которое актуализирует в выражении мейоративную оценку медсестры Шао Фэйфэй на основе сходства отличной работы в армии двух женщин.

По вышеуказанным примерам, видно, что в случае, когда литературные персонажи или исторические лица, внесшие свой вклад в развитие человеческого общества во всех направлениях, оцениваются положительно, сопутствующие им культурные коннотации, вытекающие из типичных качеств, поведения, профессии этих персонажей, также оказываются положительными.

Коннотативных антропонимов с мейоративной оценкой меньше, чем коннотативных антропонимов с пейоративной оценкой. Вот несколько групп мейоративных антропонимов:

– реальные исторические лица: *Ален Делон, Арина Родионовна, Бельмондо, Вольтер, Высоцкий, Гагарин, Гоголь, Достоевский, Колумб, Крез, Кутузов, Лев Толстой, Кулибин, Ломоносов, Матросов, Менделеев, Меценат, Моцарт, Нестор, Пинкертон, Потемкин, Пушкин, Репин, Рокфеллер, Ротшильд, Сократ, Стаханов, Сусанин (Иван Сусанин), Тимирязев, Феликс, Цицерон, Чехов, Шаляпин, Шолохов, Эдисон;*

– вымышленные литературные персонажи: *Гулливер, Джульетта, Дядя Степа, Илья Муромец, Левша, Одиссей, Пенелопа, Пимен, Санчо Панса, Тёркин Шерлок Холмс;*

– персонажи из Библии: *Голиаф, Мафусаил;*

– антропонимы из кино и телесериалов: *Гюльчатай, Штирлиц.*

Существует третий тип коннотативных антропонимов, у которых трудно определить оценочную модальность. Но есть некоторые причины оказывают влияние на разделение их на группы.

Первая причина – это стиль речи. Иногда коннотативно положительное значение имени лица выражает отрицательную оценку. Приведем пример: *Иван Сусанин* был героем освободительной войны русского народа, который зимой 1613 года завел отряд поляков в непроходимую топь, за что был убит ими. В современной разговорной речи *Сусаниным* в шутку могут назвать человека, который неправильно указал дорогу.

Вторая причина – это полисемия. Некоторые из приводимых здесь по мерам мы приводим их с другой целью – для того, чтобы проиллюстрировать такое явление: иногда один и тот же антропоним выражает и положительную и отрицательную оценку в своих различных коннотативных значениях.

Приведем примеры в русском языке. Три значения имени *Наполеон* 1) ‘единоличный властитель, диктатор’, «*Через тебя, подняв кровавый меч, Всех врагов прошли наполеоны*» [И.К. Савельев «Ключ-земля»]; 2) ‘надменный, самоуверенный человек, амбициозный выскочка’, «*“Нашей милости”, Белоручки! Ученые! – выкрикивал майор, – нашей милости – мужицкие бороды, а им великие дела! Наполеоны!*» [Н.Н. Златовратский «Золотые сердца»]; 3) ‘сумасшедший, умалишенный’, «... *В эстонскую армию отныне совершенно официально будут призывать людей с легким расстройством психики. После этого одна эстонская газета поместила такую карикатуру – офицер в камуфляже рапортует министру обороны, кивая на взвод солдатиков, откровенно дебильного вида: “Сегодня, как обычно, все Наполеоны”*» [«Комсомольская правда» 05.11.1996] выражают отрицательную оценку. А другие два значения имени *Наполеон* 4) ‘выдающийся личность; человек, замечательно проявивший себя в какой-то сфере деятельности’, «*Я сам больше всего нравился себе тогда, когда нельзя еще было сказать, что из меня выйдет: Наполеон, Магомет или прохвост, а теперь, когда наверно известно, что я не буду прохвостом, но зато не буду и Наполеоном – теперь я мало для себя интересен*» [Л. Андреев, из письма М. Горькому 26...28 дек. 1902 г.] и 5) ‘полководец, выдающийся военачальник’, «*Мне бы в военной служить-с, право-с. Наполеоном-то, может быть и не сделался бы, ну а майором бы был-с, хе-хе-хе!*»

[Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание»] обладают положительной оценкой.

Рассмотрим другой случай. В примере *«Когда ушел из жизни дирижер Карл Элиасберг, Вы дали его жене телеграмму: “Не стало еще одного Дон-Кихота”. Вы написали, что более принципиального человека, человека кристальной честности, не терпевшего ни малейшей фальши, пока что не встречали...»* [«Комсомольская правда» 11.11.1986] *Дон Кихот* употребляется в коннотативном значении ‘благородный мечтатель, человек кристальной честности’ и имеет положительную оценку, а во втором примере *«Но Назарбаев никогда не был диссидентом или донкихотом. Он всегда демонстрировал классический стиль политика, который делает ставку только на трезвый расчет»* [«Огонек» № 10, 1992 г.] коннотативное значение имени *Дон-Кихот* ‘наивный и бесплодный мечтатель, наивный идеалист’ обладает отрицательной оценкой.

Русские читатели ассоциируют культурно маркированный антропоним *Анна Каренина* с ее классическим поведением в романе «Анна Каренина»: броситься под поезд и уладить семейный конфликт брата с женой. Первая коннотация оказывается более известной русским, часто употребляется в речи и выражает отрицательную оценку, а вторая коннотация менее известна, редко встречается в речи и имеет положительную оценку. Приведем примеры. *«Под поезд? Как Анна Каренина. Об этом думает тот, кто сомневается»* [Е. Белкина «От любви до ненависти»]; *«Тогда Варя приезжала, как Анна Каренина, – мирить брата с женой»* [И. Грекова «Фазан»]

Третья причина – это субъект оценки. Выражение пейоративной или мейоративной оценки на основе культурной коннотации антропонимов зависит от субъекта оценки. Личная позиция, субъективные эмоциональные факторы, жизненный опыт, знания, личные увлечения, стандарты «хорошо/плохо и/или больше нормы/меньше нормы» и другие факторы субъекта оценки влияют на результат оценки коннотативного антропонима. Например, нам легко определить оценочную модальность имени *Иуда* в коннотативном значении ‘предатель’, но трудно сказать, что имя *Клеопатра* в коннотативном значении ‘обольстительная,

сексапильная женщина' обладает положительной или отрицательной оценкой. Мужчина может сделать женщине такой комплимент, а женщина может назвать другую женщину с отрицательной оценкой.

2.2.3 Классификация культурно маркированных антропонимов по видам антропонимов в русском языке.

Коннотативные антропонимы в русском языке очень разнообразны. В нашем исследовании мы анализировали так называемые воплощённые антропонимы. Этот термин ввёл в научный обиход А. Гардинер, который считал, что все имена собственные можно разделить на «развоплощенные» и «воплощенные» [Gardiner 1954, с. 73-74]. Таким образом, мы разделяем коннотативные антропонимы на два больших разряда: 1) «развоплощенные» и 2) «воплощенные». Развоплощенные коннотативные антропонимы – это культурно маркированные имена вне связи с конкретными личностями (*Ванек, Василий Иванович, Дунька, Иван, Фриц, Дядя Сем*). Воплощенные коннотативные антропонимы – это те же самые культурно маркированные антропонимы, прикрепленные к определенным конкретным индивидам (*Кутузов, Нестор, Стаханов, Шаляпин*).

Рассмотрим первый разряд: развоплощенные коннотативные антропонимы.

В русском и китайском языках принято использовать фамилию или имя как символ нации или страны. В обоих языках *Дядя Сем* (анг. *Uncle Sam*, кит. *山姆大叔*) – символ Соединенных Штатов Америки, подобный *Джону Буллу* (анг. *John Bull*) для Англии. Приведем примеры. «*山姆大叔“制裁大棒”六亲不认 (Дядя Сэм с «палкой санкции» отказывается признать своих родственников)*» [«Жэньминь жибао» он-лайн 25.08.2020]; «*Вот так украинцы опять хотят спрятаться за чужую спину, того же дяди Сэма*» [В.И. Максимов. «Дневник научного сотрудника» (2005)]; «*В последние полтора десятилетия появляется все больше научных работ о британском художнике, гравере и сатирике Уильяме Хогарте, которые, по отдельности и в совокупности, оспаривают расхожее мнение о его националистических взглядах, тесно связанное с образом Джона Булля*» [«The Art

Newspaper Russia» 12.04.2022]. В русском языке *Иван* – вообще русский человек, русский народ, а *Фриц* – немец, *Хачик* – армянин и др. Сравните: «*А уже сколько примитивных легенд, анекдотов и расхожих мифов с науськивания официальной пропаганды укрепились за эти века в обыденном сознании обоих народов друг о друге! О глупых и расчетливых “Фрицах” и диких и ленивых “Иванах”*» [«Известия» 05.06.1993]; «*На рынке в ларьках – одни хачики. Там весь район вокруг армянский*» [«Большой словарь русского жаргона»]. Антропоним *Иван Иванович* в современном русском языке употребляется как символ всякого мужчины. Например, «*Но теперь оперетка грозила плохим, и уже не шароварам, не московским, не Ивану Ивановичу какому-нибудь, а грозила она самому Сергею Ивановичу Тальбергу*» [М. Булгаков. «Белая гвардия»].

Принимая во внимание отсутствие явной мотивированности порождения культурной коннотации в развоплощенных антропонимах и сложности объяснения ассоциативно-фоновых знаний, стоящих за развоплощенными антропонимами, мы не будем анализировать их в данной диссертации.

Рассмотрим второй разряд: воплощенные коннотативные антропонимы в современном русском языке.

В данном исследовании собрано 127 воплощенных антропонимов знаменитых реальных и вымышленных индивидов из таких русских словарей, как «Словарь коннотативных собственных имен» (Е.С. Отин, 2004), «Россия. Большой лингвострановедческий словарь» / под общ. ред. Ю.Е. Прохорова (2007). Мы отобрали культурно маркированные антропонимы, которые, на наш взгляд, часто актуализируются в современном русском языке, подтверждение этому мы находим в многочисленных публикациях современных СМИ и в художественной литературе. Наш список носит несколько субъективный характер. Он составлен исходя из уровня общего образования и знания русской культуры автором диссертации, а также его уровня владения русским языком. Мы допускаем, что такой список может варьироваться в зависимости от возраста, пола, образования его составителя.

Во второй разряд входят личные имена, фамилии, сочетание имени и фамилии, сочетание имени и отчества, псевдонимы и прозвища реальных лиц или вымышленных персонажей.

Количество разных видов коннотативных антропонимов в русском языке показано в диаграмме на Рис. 1 (составлена автором).

Диаграмма 1

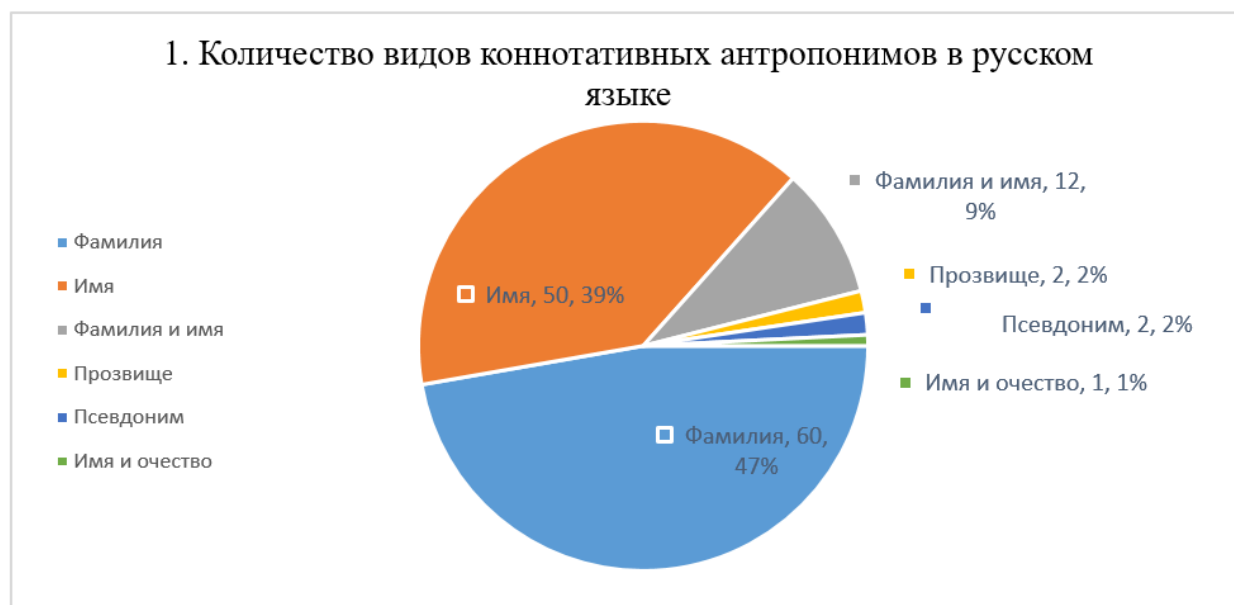

Рисунок 1 – Диаграмма «Количество видов коннотативных антропонимов в русском языке»

Таким образом, в наше исследование вошла 60 фамилий известных реальных и вымышленных индивидов, которые приобрели культурную коннотацию, что составляет 47 % от общего числа отобранных нами антропонимов. В эту категорию вошли:

- фамилии исторических лиц российской и мировой истории (*Аракчеев, Балакирев, Ротшильд, Колумб*);
- фамилии персонажей русской и зарубежной литературы (*Молчалин, Скалозуб, Плюшкин, Монтекки и Капулетти*).

Среди воплощённых антропонимов 50 личных имен знаменитых реальных и вымышленных индивидов имеет культурную коннотацию, это 39% от общего числа:

- имена персонажей русской и зарубежной литературы (*Митрофан, Остап, Альфонс, Гаврош*);
- имена исторических деятелей российской и мировой истории (*Нестор, Феликс, Меценат, Наполеон*);
- имена персонажей из Библии (*Адам, Иуда, Каин, Хам*);
- имена персонажей из кино и телесериалов (*Гюльчатай, Пат и Паташон, Штирлиц*).

В данное исследование вошло 12 сочетаний имени и фамилии русских и иностранных личностей с культурной коннотацией, что составляет 9%: *Анна Каренина, Лев Толстой, Робин Гуд, Санчо Панса* и др.

Прозвища *Малюта Скуратов* и *Салтычиха* также имеют культурную коннотацию. Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский получил прозвище *Малюта* за малый рост, настоящее имя *Салтычихи* – Дарья Николаевна Салтыкова.

Псевдоним *Вольтер* тоже приобретают культурную коннотацию: *Вольтер* – псевдоним великого французского писателя и философа-просветителя Мари Франсуа Аруэ (1694–1778 гг.). Сочетание имени и отчество *Арина Родионовна* также имеет культурную коннотацию.

Обычно полный антропоним одного человека состоит из несколько частей, и разные виды антропонимов одного индивида могут употребляться отдельно или вместе. В предложении *«И я над этим образом задумался: кто же это такой, современный **Остап Бендер**? Конечно, чиновник. Все эти парни в штиблетах на босу ногу, которые пытались урвать немного денег, дети по сравнению с чиновниками, с масштабами коррупции на всех уровнях власти в нашей стране»* [С. Слепаков, В. Бабицкая. «Иногда я чувствую себя грустным неприкаянным слоном» // «Сноб» 2018] имя *Остап* и фамилия *Бендер* употребляются вместе, как в предложениях *«В Брянске раскрыт современный “Бендер” – кандидат технических наук, бывший преподаватель одного из вузов. За два последних года он умудрился завладеть векселями крупных предприятий на 2 миллиарда «старых» рублей. Причем в одиночку»* [«Комсомольская правда», 10.01.1998], *«Он продается в фабричной упаковке (160-180 руб. 1 литр) и часто “остапами”»* [«Аргументы

и факты», № 35, 1992 г.] имя Остап и фамилия Бендер употребляются отдельно, но оба они обозначают Остапа Бендера, который является главным персонажем романов И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок».

2.3 Классификация культурно маркированных антропонимов по ассоциативно-фоновым знаниям

Ассоциативно-фоновые знания являются основой порождения культурной коннотации антропонимов. Они могут происходить из самых разных сфер человеческой жизни. Источники отобранных нами 127 коннотативных антропонимов мы объединили в четыре большие группы: литературные, исторические, религиозные знания и знания о кино и телесериалах. Источники, количество и процент ассоциативно-фоновых знаний воплощенных коннотативных антропонимов показаны в диаграмме на Рис. 2 (составлена автором).

Диаграмма 2

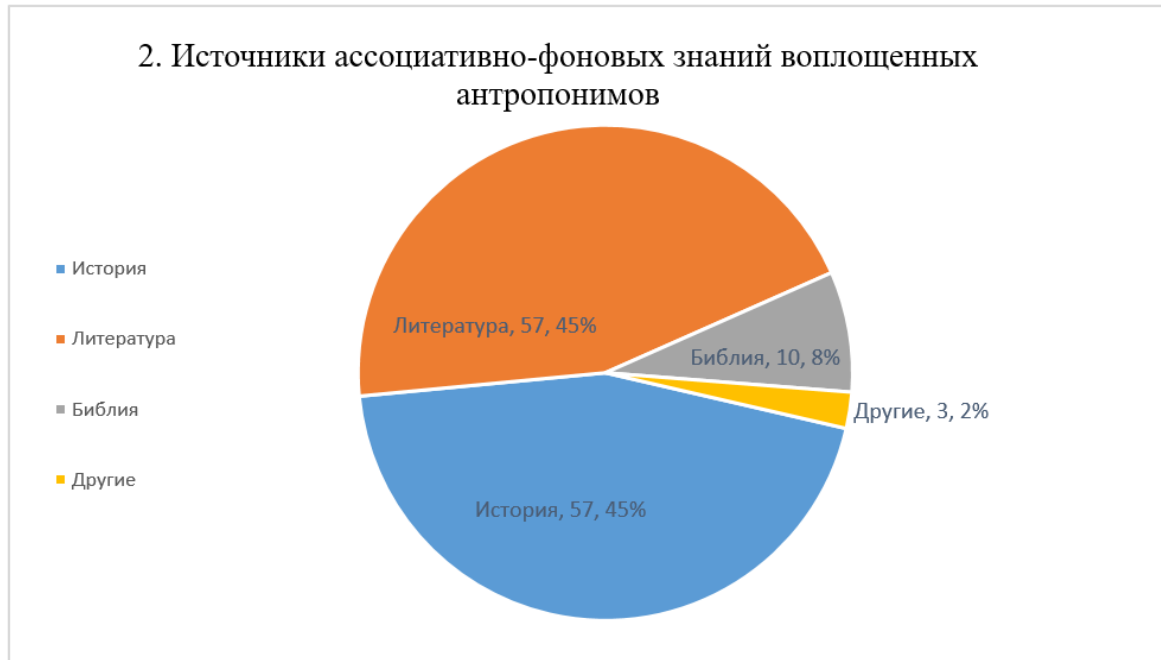

Рисунок 2 – Диаграмма «Источники ассоциативно-фоновых знаний воплощенных антропонимов»

Рассмотрим первую группу источников ассоциативно-фоновых знаний воплощенных антропонимов.

Диаграмма 2 показывает, что российская и мировая история являются самым богатым источником коннотативных антропонимов. В наше исследование вошло 57 антропонимов реальных исторических лиц, что составляет 45%. Почему такой большой процент?

Известное крылатое выражение французского социолога, историка А. Токвиля «История – это картинная галерея, где мало оригиналов и много копий» [Токвиль 2008, с. 66] может стать хорошим объяснением. Здесь также подойдёт крылатое выражение М. де Сервантес об истории: «История – сокровищница наших деяний, свидетельница прошлого, пример и поучение для настоящего, предостережение для будущего» [М. де Сервантес. «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский»]. В связи с этим не будет преувеличением сказать, что нет ничего нового под солнцем. Исторические лица имеют широкое общественное влияние. Одни люди прославились тем, что способствовали развитию исторического процесса, содействовали научно-техническому прогрессу и культурному процветанию, другие творили зло, совершали преступления, попирали человеческие ценности, наносили вред Родине и людям, так их пригвоздили к позорному столбу в истории. Язык является орудием общения и носителем национальной духовной культуры, поэтому то, что исторические лица оставили в истории, является основой порождения культурной коннотации антропонимов исторических личностей, образ и отличительные черты этих исторических личностей закрепляются в национальной языковой картине мира и становятся эталоном и стереотипом какого-либо феномена или качества через культурную коннотацию этих антропонимов, которая многократно воспроизводится в коммуникации.

Отобранные нами коннотативные антропонимы личностей из российской и мировой истории мы собрали в Таблице 2 (составлена автором).

Таблица 2. Коннотативные антропонимы исторических лиц

История	Антропоним	Число
Российская	Аракчеев, Балакирев, Высоцкий, Гагарин, Гоголь, Достоевский, Куинджи, Кулибин, Кутузов, Левитан, Ломоносов, Малюта Скуратов, Мамай, Матросов, Менделеев, Нестор, Павлик Морозов, Потемки, Пугачёв, Пушкин, Арина Родионовна, Репин, Салтычиха, Стаханов, Степан Разин, Суворов, Сусанин, Тимирязев, Лев Толстой, Феликс, Чехов, Шаляпин, Шолохов,	33
Мировая	Ален Делон, Бельмондо, Бонапарт, Вольтер, Герострат, Езоп, Ирод, Казанова, Клеопатра, Колумб, Крез, Магомет, Мессалина, Меценат, Моцарт, Наполеон, Пинкертон, Рокфеллер, Ротшильд, Сальери, Сократ, Соломон, Цицерон, Эдисон,	24
Всего:		57

Антропонимы исторических личностей в разных сферах обладают культурной коннотацией:

– важные личности в области политики и экономики, в том числе правители государства: *Ирод, Мамай, Крез, Клеопатра, Соломон, Наполеон, Бонапарт*; член семьи императора: *Мессалина*; чиновники и приближенные императора: *Аракчеев, Меценат, Потемки, Кутузов, Феликс, Цицерон*; шут *Балакирев*; предводитель восстания *Пугачев*; основатели группы *Рокфеллер, Ротшильд*;

– личности в области гуманитарной науки, литературы, искусства: летописец *Нестор*, философы *Сократ, Вольтер*, писатели *Гоголь, Достоевский, Казанова, Лев Толстой, Пушкин, Чехов, Шолохов, Езоп*, художник *Репин*, композиторы *Моцарт, Сальери*, певцы *Высоцкий, Шаляпин*, актеры *Ален Делон, Бельмондо*;

– личности в области естественных наук: ученые *Кулибин, Ломоносов, Тимирязев, Менделеев*, космонавт *Гагарин*, изобретатель *Эдисон*; мореплаватель *Колумб*;

– простые люди: няня *Арина Родионовна*, солдат *Матросов*, крестьянин *Иван Сусанин*, шахтер-ударник *Стаханов*, помещица *Салтычиха*, председатель пионерского отряда *Павлик Морозов*, грек *Герострат*, сыщик *Пинкертон*.

Рассмотрим вторую группу источников ассоциативно-фоновых знаний воплощенных антропонимов.

Русская и зарубежная литература также является важным источником ассоциативно-фоновых знаний коннотативных антропонимов, их количество насчитывает 57, занимает 45%.

Эти вымышленные литературные антропонимы часто представлены в классической русской и зарубежной литературе. Нельзя отрицать, что современное отношение к литературной классике различно. Некоторые считают, что в наши дни литературная классика приносит нам большую пользу как раньше, а некоторые думают, что литературная классика уже далека от нашей жизни, и, может быть, не каждый может прочитать все ее произведения. Однако, эта разница в отношении еще не может позволить нам отрицать ценность и значение литературной классики. В качестве квинтэссенции литературы, классика воплощает в себе различные культурные достижения и реальные жизненные ценности этой эпохи, является изображением жизни этой эпохи. В эпоху Интернета индивидуум в определенном социуме может быть не в состоянии прочитать полные тексты всей классики, но все же активно или пассивно узнает их основное содержание, главных и типичных персонажей и основные сюжеты по различным каналам. И россияне не могут не знать *Анну Каренину*, *Плюшкина* и *Хлестакова*, и нет китайцев, которые не знали бы *Линь Дайюй* (кит. 林黛玉, пиньинь *lín dàiyù*, героиня романа Цао Сюэциня «Сон в Красном тереме» (红楼梦)), *Ли Куй* (кит. 李逵, пиньинь *lǐ kuí*, персонаж романа «Речные заводи») и *Хун-нян* (кит. 红娘, пиньинь *hóngniáng*, служанка героини в драме «Западный флигель» (西厢记)). Типичные персонажи с ярко выраженной индивидуальностью демонстрируют характеристики времени и часто выходят за пределы созданных времен и имеют определенную вечную природу, ввиду этого они имеют широкое символическое и репрезентативное значение. Таким образом, антропоним типичного персонажа вместе со связанной с ним символической и репрезентативной характеристикой или ситуацией включаются в нашу языковую систему наподобие кода и становятся самой маленькой единицей языка с

культурной коннотацией. Когда подобная характеристика или ситуация повторяется, этот код активируется и становится одним из наших вариантов выражения мысли говорящего к обозначаемой реалии.

Отобранные нами коннотативные антропонимы персонажей из русской и зарубежной литературы продемонстрированы в Таблице 3 (составлена автором).

Таблица 3 – Коннотативные антропонимы из литературных произведений

Литература	Антропоним	Число
Русская	Алёша Попович, Аника (Аника-воин, Аника-смотрок), Анна Каренина, Алёнушка, Бендер, Вральман, Держиморда, Добрыня Никитич, Добчинский, Дядя Степа, Илья Муромец, Левша, Манилов, Митрофан, Молчалин, Наташа Ростова, Ноздрев, Обломов, Остап, Печорин, Пимен, Плюшкин, Поручик Киже, Простакова, Раскольников, Скалозуб, Скотинин, Собакевич, Тёркин, Фигаро, Хлестаков, Чичиков, Шариков, Швондер, Штольц,	35
Зарубежная	Альфонс, Гаврош, Гамлет, Гарпагон, Гобсек, Гулливер, Джульетта, Дон-Жуан, Дон-Кихот, Ир, Квзимодо, Ловелас, Лолита, Монтекки и Капулетти, Одиссей, Отелло, Пенелопа, Робин Гуд, Робинзон, Санчо Панса, Тарзан, Шерлок Холмс	22
Всего:		57

Источниками ассоциативно-фоновых знаний воплощенных коннотативных антропонимов в русском языке являются такие литературные произведения, как комедия Д.И. Фонвизина «Недоросль», комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума», комедия Н.В. Гоголя «Ревизор», и поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души», роман Льва Толстого «Анна Каренина», роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», трагедию В. Шекспира «Гамлет», комедию А. Дюма-сына «Мосье Альфонс», комедии Ж.Б. Мольера «Скупой», роман В. Гюго «Отверженные», роман О. Бальзака «Гобсек».

Современные литературные произведения в свою очередь представляют собой источник ассоциативно-фоновых знаний воплощенных антропонимов в русском языке, к примеру, повесть М.А. Булгакова «Собачье сердце», поэма С. Михалкова «Дядя Степа», роман В. Набокова «Лолита».

Нередко бывает, что в одном литературном классическом произведении удачно изображено несколько типичных персонажей, которые имеют культурную коннотацию в современном языке.

Из известной поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» исходит несколько культурно маркированных антропонимов, как *Манилов*, *Ноздрев*, *Плюшкин*, *Собакевич*, *Чичиков*. Культурно маркированные антропонимы *Держиморда*, *Добчинский* и *Хлестаков* происходят из комедии Н.В. Гоголя «Ревизор». Культурно маркированные антропонимы *Джульетта*, *Монтекки* и *Капулетти* – из трагедии В. Шекспира «Ромео и Джульетта». Культурно маркированные антропонимы *Молчалин*, *Скотинин*, *Простакова* и *Скалозуб* являются персонажами комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума», а *Вральман* и *Митрофан* – персонажами комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль», *Шариков* и *Швондер* – персонажами повести М.А. Булгакова «Собачье сердце», имена *Одиссей*, *Пенелопа* и *Ир* – персонажами поэмы Гомера «Одиссея», фамилии *Обломов* и *Штольц* – персонажами романа «Обломов» И.А. Гончарова.

Рассмотрим третий и четвертый источники ассоциативно-фоновых знаний воплощенных антропонимов вместе. Это коннотативные антропонимы из Библии, кино и телесериалов.

После Крещения Руси в 988 году, с тех пор, как появился на Руси перевод библейских книг. Библия оказала большое влияние на русскую культуру, вошла в народное сознание, в повседневный быт и духовное бытие, также оставила свои следы в языковых единицах, имеющих культурную коннотацию. В данном исследовании мы будем отдельно анализировать 10 культурно маркированных антропонимов, происходящих из религии, что составляет 8%.

По сравнению с литературными произведениями фильмы и сериалы оказываются относительно моложе, но и они создают множество ярких и типичных персонажей, имена которых со временем становятся языковыми единицами с культурной коннотацией и остаются в языке. В данное исследование входит 3 антропонима из кино и телесериала, что составляет 2%.

Антропонимы из перечисленных групп мы поместили в таблицу 4 (составлена автором).

Таблица 4. Другие коннотативные антропонимы

Источник	Антропоним	Число
Библия	Адам, Голиаф, Иуда, Каин, Магдалина (Мария Магдалина, Мария из Магдалы), Марфа, Мафусаил, Молох, Понтий Пилат, Хам	10
Кино, телесериал	Гюльчатай, Пат и Паташон, Штирлиц	3
Всего:		13

Проанализировав источники ассоциативно-фоновых знаний воплощенных коннотативных антропонимов в области истории и литературы, обладающей культурной коннотацией, мы отметили яркий интернациональный характер русской антропонимической системы. В области литературы 22 культурно маркированных литературных антропонима происходят из зарубежной литературы, в области истории 24 антропонима реальных иностранцев обладают культурной коннотацией. Что касается воплощенных библейских антропонимов, по происхождению Библия для русской культуры оказывается иностранной. *Пат и Паташон* также является датским дуэтом актёров-комиков эпохи немого кино. Таким образом в данном исследовании собрано 57 иностранных воплощенных антропонимов, что составляет 45%.

В Таблицах 5 и 6 мы распределили коннотативные антропонимы с точки зрения страны, из которой они пришли в русский язык.

Таблица 5. Коннотативные антропонимы из зарубежной литературы

Литература	Коннотативные антропонимы
Английская	Робин Гуд, Гамлет, Джульетта, Монтеки и Капулетти, Отелло, Гулливер, Ловелас, Робинзон, Шерлок Холмс
Французская	Альфонс, Гарпагон, Гаврош, Гобсек, Квазимодо
Американская	Лолита, Тарзан
Испанская	Дон-Кихот, Санчо Панса
Греческая	Одиссей, Пенелопа, Ир
Европейская	Дон-Жуан

Таблица 6. Коннотативные антропонимы из мировой истории

История	Коннотативные антропонимы
Французская	Ален Делон, Бельмондо, Бонапарт Наполеон, Вольтер
Античная	Герострат, Езоп, Мессалина, Меценат, Сократ, Цицерон
Испанская	Колумб
Итальянская	Казанова, Сальери,
Древнего Египта	Клеопатра
Австрийская	Моцарт
Арабская	Магомет
Американская	Пинкертон, Рокфеллер, Эдисон
Иудеи	Ирод
Израильско-Иудейских царств	Соломон
Лидии	Крез

Античная история и культура являются началом европейской цивилизации, поэтому они стали источником многочисленных культурно маркированных антропонимов в разных более поздних культурах, в том числе и русской. Грек *Герострат* вошел в историю из-за поджога храма Артемиды, а имя Герострат обладает культурной коннотацией в русском языке. *Езоп* был древнегреческим баснописцем. *Мессалина* – это жена римского императора, прославившаяся распутством. *Меценат* – один из приближенных римского императора Августа (1 в. до. н.э.), покровительствовавшего поэтам. *Сократ* (470–399 гг. до н.э.) – древнегреческий философ. *Цицерон* – знаменитый римский политический деятель, имевший выдающиеся ораторские способности. Культурно маркированные антропонимы *Одиссей*, *Пенелопа* и *Ир* происходят от поэм «Илиада» и «Одиссея» Гомера.

Британская и французская литературы занимают важное место в мировой культуре и дали ей множество классических литературных образов. Русский язык не стал исключением и впитал в себя английские и французские антропонимы. Коннотативные антропонимы *Гамлет*, *Отелло*, *Монтекии* и *Капулетти*, *Джюльетта* – это персонажи классики В. Шекспира, *Гулливер* – персонаж романа английского писателя-сатирика Д. Свифта, *Робин Гуд* – легендарный английский народный герой, *Робинзон* – главный персонаж приключенческого романа

английского писателя Д. Дефо, *Ловелас* – имя персонажа романа английского писателя С. Ричардсона, *Шерлок Холмс* – главный герой детективных рассказов английского писателя Артура Конан Дойла. *Культурно маркированный* антропоним *Альфонс* – имя персонажа комедии А. Дюма-сына, *Гарпагон* – имя персонажа комедии Ж.Б. Мольера, *Гаврош* и *Квазимодо* – имя персонаже романа В. Гюго, *Гобсек* – фамилия героя одноименного романа О. Бальзака. Антропонимы реальных французских лиц тоже является источником культурно маркированными антропонимами. *Ален Делон* и *Бельмондо* – это французские актеры, *Бонапарт Наполеон* был французским императором.

В русском языке также немало коннотативных антропонимов из других стран и культур. *Колумб* – испанский мореплаватель, в 1492 году открывший Америку. Известный сыщик *Пинкертон* (герой пользовавшихся широкой популярностью романов и рассказов о нем), изобретатель *Эдисон* и представитель финансовой группы Рокфеллеров *Рокфеллер* были американцами. *Казанова* – итальянская писатель, в своих произведениях запечатлевший собственные любовные и авантурные приключения. *Сальери* – итальянский композитор, а по сюжету трагедии «Моцарт и Сальери» А.С. Пушкина он завидовал успеху и таланту австрийского композитора *Моцарта*, обе фамилии стали культурно маркированными антропонимами. *Ротшильд* был основателем банкирского дома Ротшильдов. *Клеопатра* – имя царицы древнего Египта, отличавшейся искусством обольщать мужчин. *Соломон* – царь Израильско-Иудейского царства в 965–938 гг. до н.э., сын Давида, обладал необычайной мудростью. *Магомет* – устаревшая форма имени основателя ислама Мухаммеда, почитаемого пророком. *Ирод* – царь Иудеи (74–4 гг. до н.э.). Библия говорит, что он был очень жестоким человеком, убил свою семью и множество раввинов. *Крез* – последний царь Лидии (595–546 гг. до н.э.).

Кроме античной, британской и французской литературы, литературные произведения других стран также служат регулярными источниками коннотативных антропонимов в русском языке. *Дон-Кихот* и *Санчо Панса* – персонажи романа испанского писателя Сервантеса Сааведра. *Дон-Жуан* –

персонаж многих произведений мировой литературы. *Лолита* – личное имя главного персонажа романа американского писателя В. Набокова «Лолита», *Тарзан* – главный персонаж романа американского писателя Эдгара Берроуза «Тарзан, царь обезьян» (1912).

Проанализировав состав и источники русских коннотативных антропонимов, мы можем предпринять попытку порассуждать о дальнейших тенденциях развития этой части русской антропонимии.

Рассмотрим то, что остается постоянным и неизменным.

Активность разных видов коннотативных антропонимов в русском языке остается неизменной, фамилия по-прежнему занимает первое место. Сегодня в разных документах, в разговорной речи, в языке СМИ часто употребляют сокращенный антропоним в формате «инициал+фамилия» или просто фамилию вместо полного имени (фамилия, имя, отчество) знаменитого человека по экономным принципам языка, например, в заголовке «*Путин наградил главу Минюста орденом “За заслуги перед Отечеством”*» [«РИА Новости» 20.09.2022] фамилия Путин представляет президента РФ Владимира Владимировича Путина, в названии «Государственный Институт русского языка им. А.С. Пушкина» А.С. Пушкин – это антропоним великого русского поэта в формате «инициалы+фамилия». Такое языковое явление может оказать влияние на оформление новых коннотативных антропонимов.

Основные источники ассоциативно-фоновых знаний (исторические, литературные и религиозные) коннотативных антропонимов остаются неизменными. В современной России среднее образование является обязательным и общедоступным, а история и литература представляют собой необходимые предметы для учащихся, т.е. знакомые нам сегодня антропонимы литературных персонажей и исторических лиц не могут быть незнакомыми для будущего поколения. А нация не может легко изменить свое вероисповедание, т.е. Библия как прежде остается наиболее знакомым религиозным текстом для будущего поколения русских, и антропонимы из Библии сохраняют своё место в его лексиконе.

Коннотативные антропонимы в русском языке приобретают яркий интернациональный признак, многие из них оказываются заимствованными. Эта особенность будет сохраняться и в дальнейшем. Экономическая глобализация, культурный обмен между разными странами и межкультурная коммуникация по-прежнему являются основной тенденцией мирового развития. Благодаря информатизации приобретение базовых знаний человеческой цивилизации, таких как мировые исторические и зарубежные литературные знания, стало проще. Язык обладает аккумулятивной функцией, он запоминает, накапливает и сохраняет самый процесс глобализации и информатизации, коннотативные антропонимы – это значительная часть языка, поэтому интернациональный признак был, есть и будет ярким в культурно маркированных антропонимах.

Конкретный список коннотативных антропонимов изменчив и динамичен.

Школьная программа по литературе сильно изменилась, изменяется и будет изменяться, и многие антропонимы из классической литературы остались за пределами новой программы, и новые литературные произведения входят в программу. С советскими фильмами, иностранными сериалами, популярными в XX в., молодое поколение уже плохо знакомо. И сегодня каждый год выходят на экран многочисленные фильмы и сериалы, которые быстро исчезают из поля зрения публики, способы развлечения современных людей более разнообразны, но трудно найти новый классический образ, который хорошо известен всем. Например, после выхода в Китае фильма «Путешествие на запад: сокровища» (1994) антропоним Танский монах получил коннотативное значение ‘многословный человек’, которое остается незнакомым для китайского молодого поколения нового века.

Еще важная тенденция – это экстралингвистические факторы в употреблении коннотативных антропонимов. Начиная с 20-го века, российское общество претерпело кардинальные изменения. Это социальное явление четко отражено в языке, особенно в языке СМИ. Антропонимы более влиятельных фигур в политической и экономической сферах, активных общественных активистов и знаменитостей, связанных с крупными внутренними и международными

событиями в российском обществе, обладают значительным коннотативным потенциалом: *Ельцины, гайдары, жириновские*. В то же время всевозможные активисты могут быть активными в течение ограниченного времени, и их антропонимы с культурными коннотациями вскоре станут устаревшими, что является воплощением быстрых социальных изменений в языке.

Выводы по главе 2

1) Значение антропонимической языковой единицы складывается из ее денотативного содержания и культурной коннотации, которая базируется на прагматических сведениях разного рода. Эти сведения могут быть связаны с ассоциативно-фоновым знанием носителей данного языка о свойствах или проявлениях обозначаемой реалии или ситуации, с реально-оценочным или эмотивным отношением говорящего к обозначаемой реалии, со стилистическими регистрами, характеризующими условия речи или сферу языковой деятельности, социальные отношения между участниками дискурса и т.д. Таким образом, в объем содержания коннотации входят такие компоненты, как денотативный, эмоциональный, оценочный, стилистический и национально-культурный.

2) Антропонимы обладают культурной коннотацией, как вид культурной маркированности, что можно отнести к антропонимическим универсалиям. Коннотативные антропонимы являются типичными представителями коннотативных языковых единиц и эффективным и экономным способом выражения мысли и оценки говорящего к обозначаемой реалии, так как отношения между различными типами прагматических сведений – это не отношения «или», а отношения «и».

3) На уровне коннотативных значений русские антропонимы могут иметь синонимические и антонимические связи. Многие культурно маркированные антропонимы обладают полисемией и могут в разных контекстах актуализировать противоположные коннотативные значения.

4) Оценочный компонент часто входит в структуру коннотативного значения антропонима. С точки зрения оценки коннотативные антропонимы можно

разделить на два типа: пейоративные и мейоративные. В некоторых случаях трудно определить оценочную модальность культурно маркированного антропонима из-за его полисемии, стиля речи и субъекта оценки. Признаком асимметричности оценки обладают русские коннотативные антропонимы: большинство оценок – пейоративного (неодобрительного), меньшинство – мейоративного (положительного) планов. Как правило, эмоциональный, оценочный и стилистический компоненты культурно маркированных антропонимов тесно связаны друг с другом.

5) По принадлежности к определенному индивиду коннотативные антропонимы можно разделить на развоплощенные и воплощенные. В первый разряд входят антропонимы, не связанные с конкретными личностями (*Иван, Франц, Дядя Сем*), в связи с чем анализ мотивированности их коннотативного значения и ассоциативно-фоновой нагрузки сильно затруднён. К воплощённым культурно маркированным антропонимам относятся имена, прикрепленные к определенным конкретным индивидам (*Кутузов, Нестор, Стаханов, Шаляпин*). В русском языке большую часть таких антропонимов составляют фамилии, далее идут личные имена, значительно меньше – сочетаний имени и фамилии, совсем мало псевдонимов, прозвищ и сочетаний личного имени и отчества.

б) Коннотативное значение воплощённых антропонимов базируется на культурно обусловленных ассоциативно-фоновых знаниях. По этому признаку среди русских коннотативных антропонимов можно выделить: а) имена реальных исторических лиц (известные личности в области политики, экономики, гуманитарных и естественных наук, литературы, искусства и простые люди); б) имена персонажей из русской и зарубежной литературы; в) имена из религиозных текстов, главным образом из христианской литературы и др.

7) Антропонимическая система в русском языке имеет ярко выраженный интернациональный характер, т.к. многие коннотативные антропонимы являются заимствованными. Большая часть таких слов пришла из античной, иудейско-израильской, английской, французской и других европейских культур.

ГЛАВА 3. Идеографическая классификация русских антропонимов на фоне китайской лингвокультуры

3.1 Идеографический подход к изучению и описанию языковых единиц

Идеографическое описание системы языка, как свидетельствует внутренняя форма самого термина (греч. *idea* + *grapho* 'описание понятий'), – это описание в направлении «от смысла к форме». Основной вопрос, на который призвано ответить идеографическое описание: как средствами данного языка можно выразить те или иные обобщённые смыслы – понятия, лежащие в основе языковой картины мира [Фильцова 2015, с. 603]. Подобному анализу общей и русской идеографии посвящены работы «Общая и русская идеография» Ю.Н. Караулова (1976), «Идеографические словари» В.В. Морковкина (1970) и «Опыт идеографического описания лексики (анализ слов со значением времени в русском языке)» В.В. Морковкина (1977). При разработке системности лексики и ее изучения, как пишет Т.В. Козлова, «Ю.Н. Караулов (2010) предлагает их теоретическое обоснование на основе синтеза теории семантического поля и принципов ономаσιологического подхода к изучению лексики. Ю.Н. Карауловым были также определены лингвистические приемы установления иерархических зависимостей при создании идеографической классификации. По его мнению, классификация должна создаваться, двигаясь снизу, от слова, от исходного списка слов, без обращения к априорным смехам, привносимым извне» [цит. по: Козлова, 2003, с. 28].

Идеографический подход к изучению и описанию языковых знаков уже имеет длительную историю в русской и мировой лексикологии и лексикографии. В.В. Морковкин в работе «Идеографические словари» (1970) обобщил историю составления идеографических словарей и проанализировал целый ряд идеографических словарей и сравнил их синоптические схемы. Вклад в эту область знаний в своё время внесли директор Александрийской библиотеки Аристофана Византийского Attikai Lexeis (умер в 180 г. до н. э.), лексикограф и софист Ю. Поллукс (настоящее имя Полидевк, II в. н. з.), древнеиндийский поэт, грамматик

и лексикограф Амара Сина (по другим источникам Амара Дэва, между II и III вв. н. э. санскритский словарь «*Amarakośa, ou Vocabulaire d'Amarasiriha* (Амаракоша)»), испанский философ и богослов Р. Луль (1235–1315 гг., «Великое искусство»), епископ Джон Уилкинс («*An Essay towards a Real Character and a Philosophical Language* (Опыт о реальном выражении и философском языке)» 1668).

Существует три типа идеографического словаря: тезаурус, аналогический словарь и учебный идеографический словарь. Составлением идеографических тезаурусов занимались британский лексикограф Питер Марк Роже («*Thesaurus of English words and phrases* (Тезаурус английских слов и фраз)» 1852), французский лексикограф П. Буассьер («Аналогический словарь французского языка» 1862), профессор Лионского католического университета Эли Блан (*Elie Blanc*) («Логический словарь французского языка, или естественная и философская классификация слов, понятий и предметов» 1885), Ф. Дорнзайф («*Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen* (Немецкий словарный состав по предметным группам)» 1934), испанский языковед Х. Касарес («*Diccionario ideológico de la lengua española* (Идеологический словарь испанского языка)» 1959), английский языковед Н. Льюис («*The Comprehensive Word Guide by Norman Lewis* («Всеобъемлющий путеводитель по словам английского языка» Нормана Льюиса) (1958); перевод наш. – Ч. Х.).

Что касается идеографического словаря русского языка, то И.А. Гульянов, И.И. Срезневский, Л.Б. Щерба писали о необходимости его создания, О.С. Баранов, С.П. Васильева, Е.Н. Гуц, Т.В. Козлова, В.В. Леденёва, Т.В. Леонтьева, М.Ш. Мусатаева и другие ученые превратили эту идею в реальность.

Необходимо кратко охарактеризовать наиболее важную для нас работу Р. Халлига и В. фон Вартбурга «*Begriffssystem als Grundlage für die Lexicographie* (Система понятий как основа лексикографии)». При разработке принципов классификации «Р. Халлиг и В. фон Вартбург исходят из того, что: а) классифицироваться должны не слова определенного языка, а понятия, что обеспечивает универсальность системы; б) классифицируются понятия исходные, лежащие в основе языка, а не привнесенные в язык наукой; в) направляющим

принципом классификации является осознание системы понятий как определенным образом организованного единства, расчленение которого должно вестись в естественной последовательности» [Морковкин 1970, с. 34]. «Они сравнивают взаимоотношения значения слова и понятия: каждое слово имеет общее значение, которое при употреблении слова реализуется в окказиональных значениях, в процессе функционирования слова как коммуникативной единицы из его значения вычленяется некое ядро, постоянное для всех употреблений, которым является логическое понятие. Классификация понятий, созданная Халлигом и Вартбургом, весьма разумна, убедительна и достаточно эффективна при практическом применении ее к живому языку (в данном случае французскому). Смысловой континуум, согласно мнению авторов, включает в себя три основных понятийных класса: а) Вселенная (без человека); б) Человек; в) Человек и Вселенная. Далее классы разбиваются на подклассы, подклассы на группы, а те на подгруппы, с которыми соотносятся серии соответствующих слов» [Морковкин 1970, с. 35]. Приведём схему В.В. Морковкина, где он рассматривает понятийный класс «Человек». Схема (Рис. 3) частично основана на классификации понятий по Р. Халлигу и В. фон Вартбургу.

Рис. 3 – Схема «Понятийный класс «Человек» (часть классификации понятий по Р. Халлигу и В. фон Вартбургу)»

Т.В. Козлова отмечает, что «если данная В.В. Морковкиным оценка принципов идеографической классификации имеет операционную направленность и представляет интерес в связи с изучением возможности создания универсального философского языка, то Ю.Н. Караулов рассмотрел в своей работе и вопрос о том, в какой степени структура словаря отражает “картину мира”» [Козлова 2003, с. 31]. В то же время, «подводя итог рассмотрению структуры идеографических словарей с точки зрения ее взаимоотношений с “картиной мира”, Ю.Н. Караулов подчеркивает, что структура идеографического словаря составляет, особенно в своей инвариантной части, один из компонентов “картины мира”, а именно статический ее элемент, который включает принципы членения лексического

состава данного языка и отражает наиболее общие, доминантные грамматические категории, определяющие его структурный тип» [Караулов 2010, с. 259].

Таким образом, накоплен серьезный опыт составления идеографических словарей, при этом системный подход к анализу семантических особенностей коннотативных антропонимов создает стимул для идеографического описания этих языковых единиц. Цель создания нашей классификации заключается в том, что, во-первых, идеографическое описание коннотативных антропонимов, реализуя идею системного и целостного описания фрагмента языка, позволяет показать круг наиболее существенных в жизни отдельного народа понятий, отраженных в культурно маркированных антропонимах, более ярко продемонстрировать семантическую избирательность и коннотативную направленность русских антропонимов; во-вторых, идеографическое описание культурно маркированных антропонимов позволяет представить их в виде системы семантических полей, которые образуют сложную и специфическую языковую картину мира; в-третьих, обладание культурно-значимой информацией в плане содержания культурно маркированных антропонимов и, соответственно, выполнение ими роли знаков языка культуры могут быть обнаружены при лингвокультурологическом анализе на достаточно представительных массивах идеографических полей.

Что касается идеографического подхода к описанию семантики коннотативных антропонимов, то такая работа почти не осуществляется. Можно найти работы, посвященные анализу культурно маркированных антропонимов по источникам происхождения и составлению словарей по алфавитному принципу. При идеографическом же подходе к семантике объединение культурно маркированных антропонимов происходит на основе общности категориального значения, независимо от их структурно-грамматической организации. Поэтому в пределах одной понятийной группы культурно маркированные антропонимы располагаются не по алфавиту, не по источникам происхождения, не по близости оценки, а на основе семантической близости. В связи с этим можно наблюдать такое явление, когда один многозначный антропоним располагается в различных понятийных группах.

При помощи данной идеографической классификации коннотативных антропонимов представлена часть языковой картины мира, собранной воедино по коннотативным значениям антропонимов. Идеографическое описание культурно маркированных антропонимов проводилось нами на основе понятийной схемы, предложенной Р. Халлигом и В. фон Вартбургом. Эта схема является наиболее универсальной и оптимальной для лексических описаний, в том числе и для описания антропонимической лексики. Как отмечает Т.В. Козлова, «она достаточно компактна и представляет собой продуманную, логически законченную систему» [Козлова 2003, с. 37]. Но при этом система обозначений, принятая в нашей классификации коннотативных антропонимов, упрощена, потому что в большинстве случаев семантика культурно маркированных антропонимов касается понятийного класса «Человек» согласно классификации, предложенной Р. Халлигом и В. фон Вартбургом. Принятая за основу понятийная система позволяет опустить некоторые отдельные подклассы и группы и провести частичную адаптацию. В целом следование понятийной системе дает возможность описать культурно маркированные антропонимы наиболее адекватно.

Коннотативные значения русских антропонимов касается двух понятийных классов, человек и вселенная (точнее вещи), согласно классификации понятий по Р. Халлигу и В. фон Вартбургу.

Стоит отметить, что совсем мало число коннотативных значений русских антропонимов относится не к понятийному классу «человек», а к классу «Вещи». В русском языке *Альфонс* употребляется в коннотативном значении ‘что-то, существующее за чужой счет’, например, *«Приняв от него деньги, государство само становится обыкновенным альфонсом»* [«Известия» 17.02.1996]; имя *Молох* – ‘нечто безжалостное, требующее жертв’, например, *«Под хозяйский молох деловых друзей “Менатена” попал и несправедливо, в угоду ведомственных интересов уволенный со своего поста главный редактор журнала “Люди” Борис Утехин, и не получивший от Березовского права выбора инвестора редактор “Огонька” Лев Гуцин»* [«Комсомольская правда» 11.03.1998], *Поручик Кижэ* – ‘что-то нереальное, но влияющее на ход событий’, сравните: *«Стоит, может*

быть, в связи с этим напомнить, что нынешний долг Советского Союза Чехословакии составляет более 4 миллиардов передовых рублей, этих “поручиков Киже” финансовой системы СЭВ» [«Известия» 04.09.1990]. В китайском языке антропоним знаменитого оружейника эпохи Чуныцю (770–476/403 гг. до н. э.) *Гань-цзян* (кит. 干将, пиньинь gānjiàng) употребляется в коннотативном значении ‘меч-кладенец’, говорящий антропоним *Ли Гуй* (кит. 李鬼, пиньинь Lǐ guǐ) из романа «Речные заводы» – ‘контрафактный товар’, антропонимы *Цзы-сюй* (кит. 子虚, пиньинь zǐxū) и *У-ю* (кит. 乌有, пиньинь wūyǒu) из поэмы Сыма Сянжу (司马相如) «Ода о Цзы Сюй» (子虚赋) – ‘фикция; небылица, вымысел; ложь, навет’.

В результате наша схема (Рис.4) идеографической классификации русских коннотативных антропонимов выглядит следующим образом:

Рис. 4 – Схема «Идеографическая классификации русских коннотативных антропонимов»

Рассмотрим идеографическую классификацию коннотативных значений русских антропонимов на фоне китайской лингвокультуры как способ описания фрагмента картины мира «Человек».

3.2 Идеографическая классификация русских коннотативных антропонимов как способ описания фрагмента картины мира «Человек»

3.2.1 Человек как живое существо

Внешний облик

1) Общая характеристика

Под общей характеристикой внешности мы понимаем то общее впечатление, которое внешний вид человека производит на других людей: в частности, его привлекательность или непривлекательность.

В народном сознании существуют стандарты красивой и уродливой внешности человека: отдельно образец мужской красоты и отдельно образец женской.

Эталон мужской красоты в русской культуре – это физически сильный человек, богатырского сложения, как *Илья Муромец*, красивый и видный мужчина, как актер *Ален Делон*, а *Бельмондо* в русском языке – эталон мужской красоты, мужественности, смелости – именно таких героев играл этот актер. Приведем примеры. «– Ну, брат, – сказали разбойники, подымаясь на ноги и потирая ребра, – кабы ты тогда в пору осерчал, не отбили бы у тебя невесты! Вишь, какой *Илья Муромец!*» [А.К. Толстой «Князь Серебряный»]. «Странно, конечно, что, имея довольно большой выбор, Катя остановилась на парне не своего круга, но, с другой стороны, может, он хорош собой, как молодой *Ален Делон?*» [Дарья Донцова «Доллары царя Гороха»] «Ты на себя в зеркало глянь, *Бельмондо* нечесаный» [Словарь московского арго (материалы 1980-1994): 38]. В китайской культуре символом мужской красоты стал *Пан Ань* (潘安), его антропоним употребляется в коннотативном значении ‘красивая юноша, мужчина’.

Что же касается эталона женской красоты, то это *Клеопатра* (обольстительная, сексапильная женщина). «Она сидела у стола С блестящей Ниной Воронскою, Сей *Клеопатрою Невы*» [А.С. Пушкин «Евгений Онегин»]. Символ женской красоты – это четыре великие красавицы древнего Китая *Си Ши* (кит. 西施, пиньинь xīshī, красавица из княжества Юэ в период Чуньцю), *Ван Чжаоцзюнь* (кит. 王昭君

пиньинь wáng zhāojūn), *Дяочань* (кит. 貂蝉, пиньинь diāochán, персонаж романа, повествующего о событиях эпохи Троецарствия (220–264 гг. н. э.), «Троецарствие»), *Ян-гуйфэй* (кит. 杨贵妃, пиньинь yáng guīfēi, Ян Юйхуань, второстепенная жена Тан Сюань-цзуна), а ее антоним – это *У Янь* (кит. 无盐, пиньинь wúyán, Чжунли Чунь, некрасивая, но мудрая жена циского Сюань-вана), *Дунши* (东施). Обращение *Сюйнян* (кит. 徐娘, пиньинь xúniáng, второстепенная жена императора Сяо И при династии Южная Лян (502–557 гг.)) обозначает привлекательную женщину средних лет.

В русской культуре эталон некрасивого мужчины – это *Квзимодо* и *Эзон*, хотя они некрасивы по-разному.

Горбатый, хромой, с огромной бородавкой, закрывавшей левый глаз *Квзимодо* в «Соборе Парижской Богоматери» В. Гюго сочетает в себе многие элементы очень некрасивого человека с отталкивающим видом: невысокий рост, без прямой осанки (сгорбленный), здорового тела, правильных черт лица. «*Нет того Квзимодо, который не был бы глубоко убежден, что парой ему может быть только красивая женщина*» [А.П. Чехов «О женщинах»]. Из-за своей некрасивой внешности имя *Квзимодо* употребляется в русском языке в коннотативном значении ‘человек, вызывающий отвращение, антипатию’. «*Это было чудовище, нравственный Квзимодо*» [Ф.М. Достоевский «Записки из мертвого дома»]. В русском языке древнегреческий баснописец *Эзон* – некрасивый, безобразный человек, сравните в эпиграмме «На К. Дембровского», приписываемой А.С. Пушкину: «*Когда смотрю я в зеркало, то вижу, кажется, Эзона, Но стань Дембровский у стекла, Так вдруг покажется там жопа*» (ответ на эпиграмму К. Дембровского, танцовщика кордебаллета, в которой говорилось о некрасивой внешности поэта) [Отин 2004, с. 138]. Но о внешности Эзона мало известно современному носителю русского языка.

В примере «*Но я опять забежал несколько вперед в своём рассказе – в общем, соседом у меня был мужчина, если можно так сказать, наружности Чичикова: не молод – не стар, не низок – не высок, не полон – не худ...*» [Л.Б. Усыскин «Сосед»]

Л.Б. Усыскин сравнивает внешность «соседа» с внешностью Чичикова, главного героя «Мертвых душ» Н.В. Гоголя, подчеркивая его неопределенность, обычность внешности, отсутствие примечательных черт. Для носителя русского языка такая характеристика, скорее, будет негативной.

В кинофильме «Белое солнце пустыни» восточная девушка по имени *Гюльчатая* запомнилась и полюбилась зрителям, поэтому её имя стало употребляться в коннотативном значении ‘восточная девушка’, сравните: «Сложность в осмотре, например, автобусов, была в том, что женщин ни в коем случае нельзя осматривать “по полной программе”, заглядывать под параджу. Сколько таких псевдо-Гюльчатая проехало, одному Аллаху известно...» [«Комсомольская правда» в Украине 2003.02.15]

2) Частная характеристика

Коннотативные значения антропонимов могут указывать на частную характеристику внешнего облика человека: черты лица, особенности телосложения, волосы, рост, возраст и т. д.

Борода

В русской речи можно встретить описание бородатого человека при помощи культурно маркированных антропонимов русского писателя *Льва Толстого* (1828–1910 гг.) или исторического лица *Пугачева* (предводитель Крестьянской войны 1773–1774 гг. в России). Приведем пример. «Он оброс, как *Лев Толстой*, совсем седой и почти не слышит» [Н. Щербак «Роман с филфаком»]. Иногда образ Льва Николаевича Толстого оказывается не только с густой бородой, но и босым, например, «Вот и Ортье из какой-то такой деревни, и отец его был сказителем, я и снимок с него видел — стоит босой, бородатый, совсем как *Лев Толстой*, только на поясе нож в ножнах» [Ю. Казаков «Калевала» 1962]. А фамилия *Пугачев* имеет коннотацию ‘мужчина с чёрной густой бородой’. Приведем пример. «Между тем у самого бородища черная-пречерная: *Пугачев* живой!» [А.В. Амфитеатров «Марья Лусьева за границей»]. Мужчина с красивыми бакенбардами называют *Мэйжаньгу* (кит. 美髯公, пиньинь měirángōng), который является прозвищем Гуань Юй (кит. 关羽, пиньинь guānyǔ, военачальник царства Шу эпохи Троецарствия и

персонаж романа «Троецарствие»).

Рост

Коннотативное значение антропонимов может указывать на рост человека. Нередко к указанию на рост добавляются другие атрибуты, характеризующие фигуру человека.

В представлении русского народа положительно оценивают человека высокого роста, но лучше, когда мужчина не только высокий, но и сильный. Культурно маркированный антропоним *Дядя Степа* из стихотворения С. Михалкова «Дядя Степа» и «Дядя Степа-милиционер» стал в русском языке эталоном очень высокого мужчины, например, *«Часто отставание в росте является семейной особенностью. Если мама с папой не переросли полутора метров, не ждите появления на свет у них дяди Степы»* [«Аргументы и факты Здоровье», № 28, 10.07.2014].

В первой части «Путешествия Гулливера» Дж. Свифта судовой врач Лемюэль *Гулливер* после кораблекрушения попадает в страну Лилипутию, в которой живут маленькие люди, в 12 раз меньше обычных людей, так что в глазах лилипутов Гулливер великан. В русском языке сохранился этот образ героя, и высокого человека также могут назвать *Гулливером*. Приведем примеры. *«Росту, если память не изменяет, метра два с приличным гаком – то ли восемь, то ли аж двенадцать сантиметров. Огромный костистый Гулливер. И особенно пугало большое ее, странное лицо, широкое, но с множеством углов и плоскостей»* [Д. Рубина «На солнечной стороне улицы»]; *«Русский Гулливер. Советский баскетболист-гигант был известен на весь мир. Почему он умер в забвении и нищете?»* [«1k. news» 19.09.2021].

В Библии *Голиаф* – это великан, побежденный Давидом, и коннотативное значение этого имени ‘великан, сильный человек высокого роста’ сочетает в себе высокий рост с могучей силой, например, *«Когда мало-помалу это почтенное общество лиц отступило в голове Бельтова на второй план и все они слились в одно фантастическое лицо какого-то колоссального чиновника, насупившего брови, неречистого, уклончивого, но который постоит за себя, Бельтов увидел, что ему*

не совладать с этим Голиафом и что его не только не собьешь с ног обыкновенной пращей, но и гранитным утесом, стоящим под монументом Петра I» [А.И. Герцен «Кто виноват?»].

Пат и Паташон – датский дуэт актёров-комиков в немом кино. Пат – высокий, худой, задумчивый; Паташон – низенький толстяк, шустрый и энергичный. Коннотативное значение этих культурно маркированных антропонимов (они всегда употребляются вместе) может служить для характеристики двух чем-то связанных друг с другом людей (не обязательно оба – мужчины), один из которых – высокий и худой, а другой – низкорослый и полный. В примере *«Они были, как Пат и Паташон. Анатолий Борисович – длинный, с длинным лицом, длинными конечностями, а папа – маленький, толстенький, с брюшком и чаплинскими усиками на круглом лице»* [М. Козаков «Актерская книга»] Анатолий Борисович и папа противоположны друг другу по чертам лица, росту и фигуре. Аналогично в примере *«Я знал, что Щепкина-Куперник живет вместе с дочерью Ермоловой в ее квартире, и подумал про высокую женщину, что это она, – очень уж была похожа на Ермолову. Так и оказалось. В соседней комнате меня встретила Татьяна Львовна – небольшая круглая старушка. (Когда потом пришла высокая Ермолова, они выглядели как Пат и Паташон.)»* [В. Катанян «Лоскутное одеяло»] два связанных друг с другом по росту и фигуре человека были женщинами.

Возраст

В русском языке есть коннотативные значения антропонимов, которые касаются и возраста человека. Два культурно маркированных антропонима в русском языке отражают стремление к долголетию.

В Библии **Мафусаил** прожил 969 лет, отсюда получился фразеологизм *Мафусаилов век*, а имя **Мафусаил** в русском языке стало символом человека преклонных лет, ветхого старика, долгожителя. Приведем например. *«Когда на его просьбу сделать что-нибудь немедленно получал ответ: сделаю завтра, – он говорил раздраженно: Лет через двести? Черта в стуле! Разве я Мафусаил?»* [Л.Ю. Брик «Из воспоминаний»]

По данным Росстата, средняя продолжительность жизни, независимо от пола,

выглядит следующим образом: в России с 1926 по 1930 реальная продолжительность жизни составляла всего лишь 43 года, с 1961 по 1980 – 68 лет, только с 2014 года продолжительность жизни у обоих полов составила больше 70 лет [<https://rosinfostat.ru/prodolzhitelnost-zhizni/> (дата обращения: 25.05.2022)]. Великий русский писатель Лев Толстой прожил 82 года, поэтому справедливо сказать, что он прожил долгую жизнь, и даже сегодня, в XXI веке, продолжительность его жизни превышает среднюю продолжительность жизни в России, в связи с чем вполне резонно считать этот антропоним символом человека преклонных лет в русском языке. Приведем пример. *«Он пишет: если я буду таким же долголетним, как Лев Толстой (он жил на хорошем воздухе), то мне осталось тридцать семь месяцев»* [Г. Козинцев «Тут начинается уже не хронология, но эпоха...»].

Известно, что образ няни А.С. Пушкина *Арины Родионовны* в русском языке используется как символ пожилой женщины, носительницы «русского начала», пример в 2.2. В примере *«Рядом села идеальная русская старушка, истинный оплот этой культуры, Арина Родионовна»* [В.П. Аксенов «Московская сага»] антропоним Арина Родионовна употребляется для характеристики возраста женщины с положительной оценкой.

Наташей Ростовой из романа Л.Н. Толстого «Война и мир» сегодня могут назвать молодую, восторженную и обаятельную девушку. *«Не правда ли, она прелестна со своим по-детски большим ртом и длинными руками, настоящая Наташа Ростова»* [В.П. Катаев «Трава забвенья»]. Коннотативное значение данного антропонима содержит четыре элемента – пол (женский, она девушка), возраст (молодая), настроение (восторженное), женская красота (обаятельная).

В китайской культуре культурно маркированный антропоним *Пэн Цзу* (кит. 彭祖, пиньинь péng zǔ, внук мифического императора Чжуань-сюя, якобы проживший около 800 лет) является символом долголетия.

Голос

Ф.И. Шаляпин (1873—1938 гг.) – великий русский оперный певец. В современном русском языке существует выражение *шаляпинский бас*. Так, в

качестве комплимента, могут сказать о певце, обладающем низким сильным и красивым голосом [Россия. Большой лингвострановедческий словарь 2007: 623], безусловно, с мейоративной оценкой. А в примере «*Пропустите его, – раздался шаляпинский бас из-под маски*» [Е. Евтушенко «Волчий паспорт»] шаляпинский бас указывает в основном на характеристику голоса, но не выражает какую-либо оценку.

В.С. Высоцкий (1938—1980 гг.) – русский поэт, актер, автор и исполнитель песен. В современной русской разговорной речи можно услышать выражения: *петь под Высоцкого; голос, как у Высоцкого (о сильном хриповатом голосе)* [Россия. Большой лингвострановедческий словарь 2007: 119]. В примере «*Самым популярным видео, которое до сих пор находит отклик в сердцах пользователей, это репортаж о саратовском музыканте-самоучке с голосом как у Владимира Высоцкого*» [«Саратов 24» 14.02.2022] выражение «голос, как у Владимира Высоцкого» выражает мейоративную оценку (хвалу).

Улыбка

Коннотативное значение, характеризующее улыбку человека, может передавать фамилия первого в мире космонавта **Ю.А. Гагарина**. В русском языке существует выражение *улыбка Гагарина*. Так называют широкую, открытую улыбку, которая, действительно, была свойственна Гагарину и которую считают типично русской [Россия. Большой лингвострановедческий словарь 2007: 121]. В примере «*Человек улыбнулся широко и радостно, совсем как Гагарин*» [Сэ. Слава «Ева»] сравнение улыбки человека с улыбкой Гагарина выражает положительную оценку.

Таким образом, культурная коннотация китайских антропонимов касается эталона женской и мужской красоты, возраста, бороды, в том числе, культурной коннотации китайских антропонимов об эталоне женской красоты больше, чем русских, а кроме них, культурная коннотация русских антропонимов еще касается голоса, фигуры, улыбки человека.

Условия проживания человека

Главный персонаж приключенческого романа английского писателя Д. Дефо «Робинзон Крузо» **Робинзон** много лет жил один на необитаемом острове, и все необходимое для жизни добывал собственным трудом, поэтому в русском языке называют Робинзоном а) ‘отшельника; человека, добровольно решившегося на уход от других людей, общественной жизни, связанного с ней стресса,’ например, *«Наталкиваясь везде на совсем другие интересы, на мелких людшек, он начал дичать, привык хмурить брови, говорить без нужды горькие истины и истины всем известные, старался жить каким-то лафонтеновским “Зондерлингом”, каким-то “Робинзоном в Сокольниках”»* [А.И. Герцен «Белое и думы»]; или б) ‘человека, живущего в экстремальных условиях, где он мог надеяться только на себя, полностью лишенный поддержки со стороны,’ например, *«Этой очень короткою историей восьми сахалинских Робинзонов исчерпываются все данные, относящиеся к вольной колонизации Северного Сахалина»* [А.П. Чехов. «Остров Сахалин»]. Эти коннотативные значения отражают состояние жизни и отчужденные межличностные отношения. Это имя еще употребляется в русском языке в коннотативном значении ‘одинокий житель (чаще человек, но также зверь, животное) необитаемого острова’, указывающее место и условия проживания человека (зверя). В примере *«На необитаемых островах Северного Каспия появились первые “робинзоны”. Среди них экологи и геологи, крановщики и смотрители»* [«Труд» 08.09.1999] слово Робинзон употребляется для обозначения первых жителей — одиноких ученых — на необитаемых островах. Во втором примере *«Стали оглядывать островок и обнаружили кошку. Она пережидала тут половодье, промышляя мышей и, может быть, птиц. Большие тетерева были этому робинзону, конечно, не по зубам»* [В. Песков «Кошачий остров»] слово «Робинзон» иронически и окказионально употребляется для обозначения ‘кошки на так называемом островке’. Культурно маркированное имя **Робинзон** также употребляется в русском языке в коннотативном значении ‘человек, по своей воле или не по своей воле попавший на какой-либо непригодный для жизни остров, на оторвавшуюся от берега льдину и т.п.’, указывающее на условия и место

проживание человека, например, «Основную массу потребных ему материалов Турксиб перевез на самом себе. Турксибовские робинзоны разрешили важнейшую проблему транспортирования огромных количеств материалов в стране, почти лишенной населённых пунктов, в стране кочевников» [А.П. Чехов «Остров Сахалин»].

Парижский бездомный подросток в романе «Отверженные» В. Гюго *Гаврош* в русском языке тоже стал представителем несовершеннолетнего бомжа, подростка-бродяги, беспризорника. В статье на тему «От суммы бомжа не зарекайся» обсуждалась судьба беспризорных детей и для обсуждения этого явления был придуман такой заголовок – «МАЛЕНЬКИЕ ГАВРОШИ РОССИИ» [«Профессионал» №70, 1.07.1998]. Благодаря жизненному опыту писательницы Сань Мао (кит. 三毛, пиньинь sānmáo, псевдоним писательницы Чэнь Маопин (陈懋平)) и известному китайцам литературному персонажу *Сань Мао* в романе «Приключения беспризорника Сань Мао» появилось коннотативное значение этого антропонима ‘беспризорник’.

Имя *Тарзан* главного персонажа романа «Тарзан, царь обезьян» употребляется в русском языке в коннотативном значении ‘одичавший человек’. «Если 60-летнего Альгимантаса Арцимавичюса встретишь в лесу, то и впрямь подумаешь, что перед тобой настоящий *Тарзан*» [Литовский «Тарзан»// «Труд»13.07.2000].

Таким образом, коннотативных антропонимов, характеризующих условия проживания человека или состояние его жилища, в русском языке больше, чем в китайском языке.

Здоровье

Коннотативных значений антропонимов, характеризующих здоровье человека, в китайском и русском языке очень мало.

Для указания на психическое состояние человека в русском языке употребляется фамилия французского императора *Наполеона* в коннотативном значении ‘сумасшедший, умалишенный; пациент психиатрической клиники’. Например, «Писарь. Стучат. Это санитары. Санитары, возьмите ее в ваш

*сумасшедший дом. (В дверь стучат, входят санитары). Санитары. Кого взять – этого **Наполеона?**» [А. Введенский «Елка у Ивановых»].*

В русской литературе известны три богатыря *Илья Муромец*, *Добрыня Никитич* и *Алеша Попович*, а в русском языке закрепились разные их черты, в том числе могучий – это один способ выражения состояния здоровья человека. Рассмотрим их черты в примере «*Все русские мужчины могучие, как Илья Муромец, вдумчивые, как Добрыня Никитич, и нежные, как Алёша Попович*» [Т. Соломатина «Акушер-ХА! Байки»].

В китайском языке культурно маркированный антропоним *Линь Дайюй* (кит. 林黛玉, пиньинь lín dàiyù, героиня романа «Сон в Красном тереме») употребляется в коннотативном значении ‘физически слабый, болезненный человек’.

Таким образом, коннотативных антропонимов, характеризующих здоровье, в русском языке больше, чем в китайском языке.

Потребность в одежде

Коннотативного значения антропонимов, характеризующего потребность в одежде, точнее, манеру одеваться, в китайском языке не существует, и в русском языке тоже мало.

В русском языке человека, одетого неряшливо, некрасиво, не по моде могут называть *Квазимодо*. Приведем пример. «*Вам грустно, блюстители моды, Какие мы все квазимоды?*» [Е. Евтушенко «Карликовые березы»].

Очевидно, что при характеристике внешности человека коннотативные значения антропонимов встречаются регулярно и более глубоко отражают сущность того или иного компонента описания внешности.

3.2.2 Человек как разумное существо.

Способности человека

1) Интеллект

«В характеристике различных способностей одно из центральных мест занимает интеллект» [Лебедев 2001, с. 88]. Интеллектуальные способности

человека разделяются на разные уровни. В языке для обозначения высокого уровня интеллекта человека употребляются такие слова, как *умный, мудрец* и др., а для низкого уровня – *дурак, глупый, неразвитый интеллект* и др. Одаренность, талант и гениальность представляет собой самый высокий уровень способностей людей. Глупость человека часто связана с невежественностью.

Самый высокий уровень интеллекта личности, т.е. талант, гениальность и одаренность

В.А. Моцарт – один из самых известных композиторов в мире, представитель классического периода в истории музыки, мировая популярность и актуальность его произведений и в наши дни говорят о величине его музыкального таланта. В связи с этим в русском языке могут назвать Моцартом человека с ярким талантом, выдающуюся личность. *«Ведь если ты Моцарт – живи сегодняшним днем, и творчество из тебя польется!..»* [«Аргументы и факты», № 30, 1996].

В русском языке также можно назвать именем императора Франции *Наполеона* человека, замечательно проявившего себя в какой-либо сфере деятельности. *«– Да еще с кем спорит-то! – С гением. Аристарх Владимиров гений... гений, Наполеон. Ума необъятного, быстрого, смелость в делах»* [А.Н. Островский «Доходное место»].

Обеспокоенный тем, что младший брат Цао Чжи (кит. 曹植, пиньинь cáo zhí, 192-232 г., второе имя Цзы Цзянь, поэт и каллиграф) угрожает его трону, император-основатель династии Вэй (в эпоху Троецарствия) Цао Пи (кит. 曹丕, пиньинь cáo pī) приказал Цао Чжи написать стихотворение за семь шагов, иначе его казнят. Поэт смог вовремя сочинить стихотворение «Плач бобов» о бобах, которые варили на их же ботве: *«Мы исходим от одного корня, так зачем же нам убивать друг друга?»* (кит. 本是同根生, 相煎何太急)» (перевод из словаря 大 БКРС). После этого случая его имя стало часто упоминаться в китайской культуре в качестве образца таланта и остроумия и вошло во фразеологизм *превзошедший талантами Цзы Цзяня* (才过子建, обр. талантливый человек).

Высокий уровень интеллекта личности

Выдающийся полководец, главный командующий русской армией в Отечественную войну 1812 г. **М.И. Кутузов** (1745–1813 гг.) был известен как человек умный, мудрый, спокойный, проницательный, а успех и широкая известность романа Л.Н. Толстого «Война и мир» сделали этот образ популярным. В связи с этим в русском языке можно встретить антропоним Кутузов в качестве характеристики умного человека, как в примере *«Всегда лучше притвориться дураком, чем умным, как **Кутузов**, ввести противника в заблуждение, а потом ударить всеми наличными силами, когда противник думает, что уже взял тебя голыми руками»* [Михаил Панин. Камикадзе // «Звезда», 2002]; иронично **Кутузовым** на жаргоне называют человека, который всех обхитрил, проделав казавшийся ранее неудачным, но принесший успех маневр, например, *«Ну ты Кутузов»* [В.С. Елистратов, Словарь московского аргю, 1994, с. 220].

К.А. Тимирязев (1843–1920 гг.) – заслуженный профессор Московского университета и член-корреспондент Петербургской академии наук, европейски известный ученый (ботаник-физиолог), материалист, прославившийся своей пропагандой и популяризацией естественно-научных основ материализма и дарвинизма. В русском языке этим культурно макированным антропонимом могут назвать умного человека: *«Или возьми цвет нации – водопроводчиков, когда они сидят в своем подвале и играют в домино – каждый из них умный, как академик **Тимирязев»*** [Д. Каралис. Любовь странная // «Невское время», 2002]. Здесь ирония. Водопроводчик не может быть умным как академик, хотя может считать себя и вести себя так, как будто он умнее всех остальных.

Одиссей – главный герой поэм Гомера «Илиада» и «Одиссея» (между X-VIII вв. до н.э.), а также многих трагедий и поэм. 10-летнее захватывающее морское приключение Одиссея демонстрирует его остроумие и храбрость, ввиду этого в русском языке с ним сравнивают хитроумного человека, например, *«Гольдберг был чрезвычайно собой доволен, ему показалось, что он сумел заинтересовать следователя своими идеями и теперь, как хитроумный **Одиссей**, уже планировал, как было бы удачно привлечь эту могущественную организацию на свою сторону...»* [Л. Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света

// «Новый Мир», № 8-9, 2000]

Знаменитый античный философ **Сократ** является воплощенным идеалом истинного мудреца в исторической памяти человечества. Благодаря мудрости третьего еврейского царя **Соломона** его государство достигло своего наивысшего торгово-экономического развития. В современном русском языке Сократом и Соломоном (нередко с иронией) называют мудрецов, например, «Он знал цену **Снайберсу**: свойский парень, отнюдь не **Сократ**...» [Ю. Семенов «Экспансия»]; «**Тарас** посмотрел на этого **Соломона**, какого еще не было на свете, и получил некоторую надежду» [Н.В. Гоголь «Тарас Бульба»].

Под влиянием романа «Троецарствие» в китайском народе укоренился образ **Чжугэ Лян** ((кит. 诸葛亮, пиньинь zhūgě liàng, 181–234 гг., государственный деятель царства Шу) как воплощение мудрости и вошел во фразеологизмы «*три простых сапожника лучше одного мудреца Чжугэ Ляна; обр. один ум хорошо, а два лучше*» (三个臭皮匠, 胜过诸葛亮), «*после события (случившегося) умный, как Чжугэ Лян; обр. задним умом крепок*» (事后诸葛亮). Персонаж романа «Речные заводи» У Юн носит прозвище **Звезда-умник** (кит. 智多星, пиньинь zhìduōxīng, в китайском языке 星 – это звезда, образно обозначает появившуюся выдающуюся личность в какой-либо области, 多 – много, 智 – ум, мудрость, т.е. умник), которое стал нарицательным именем в значении ‘умник, умный, хитроумный человек’.

Низкий уровень интеллекта личности

В повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» известный профессор медицины Преображенский, пытаясь найти в человеческом теле тайну молодости, провел смелый эксперимент, в ходе которого бездомному псу Шарикку были пересажены гипофиз и семенники недавно умершего человека. Однако неожиданно результаты эксперимента привели к гуманизации животного. Собака, ставшая человеком, несмотря на свою человеческую внешность и языковые способности, не имела нравственного чувства и развитого интеллекта. Этот человек получил фамилию **Шариков**, которая вошла в русский язык в коннотативных значениях: а)

‘вышедший из социальных низов невежественный, агрессивно настроенный человек, не способный к созидательной деятельности, умеющий только отнимать и делить между подобными’, например, «Еще свежо воспоминание о том, как в начале 90-х годов едва ли не большую часть российского населения демпресса обзывала **шариковыми**» [«Литературная газета» 20.05.2003]; б) ‘примитивно мыслящий коммунист, с неразвитым интеллектом’, например, «В Воронеже похожий на священника хозяин молокозавода **Аркадий Пономарев** не сдал партбилет члена КПСС, разочарован в Зюганове, говорит, что от **шариковых** нет проходу, уважает Чубайса» [«Комсомольская правда» 29.12.1998]; в) в жаргоне в значении ‘дурак, невежа; нахал; примитивный человек’, например, «И что, какой-то **Шариков** может так вот, сидя в тепле, глумиться безнаказанно?» [газета «Публика» (г. Мариуполь), № 20, 2003]

В комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» **Скалозуб** не любит книги, он рад, что в правительстве разрабатывают проект о том, чтобы в школах почти не использовать книги. Ввиду этого эта фамилия вошла в русский язык в коннотативном значении ‘человек с неразвитым интеллектом, узким кругозором, бесцеремонный ретроград’. Приведем пример. «*Опасения эти подхватили конъюнктуристики от пропаганды. Особенно усердствовали – по дремучести своей – доморощенные скалозубы разных рангов, недалеко ушедшие в своем “духовном” развитии от небезызвестного полковника из грибоедовской комедии*» [«Советская культура» 18.08.1988]. В этом примере фамилия Скалозуб стала именем нарицательным и употребляется во множественном числе. Иными словами, имеет место деонимизация (Викисловарь: лингв. переход имени собственного (онима) в апеллятив в ономастике без аффиксации. [<https://www.karta-slov.ru> (дата обращения 20.11.2022)])

Простакова – «говорящая» фамилия персонажа комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль», образованная от слова «простой». Она представляет собой яркий собирательный образ помещиков того времени, она груба, не воспитана и жестока ко всем окружающим, ввиду чего её фамилия приобрела коннотативное значение ‘обычные простаки, малоумные и необразованные’. **Скотинин** – также

«говорящая» фамилия персонажа этой комедии, образованная от слова «скот». В соответствии с его образом (готовый пойти на все ради своей выгоды, невежественный человек, который не уважает как посторонних, окружающих его людей, так и родных и близких) эта фамилия получила коннотативное значение ‘грубый, невежественный человек, хам’. Приведем пример. *«Короче говоря, культурная, интеллигентная семья. Не Скотинины, не Простаковы. Так вот, в этой просвещенной, интеллигентной семье отец войдет однажды в комнату младшей дочери Марии и скажет: «Там, внизу, князь Волконский Сергей Григорьевич»»* [Л. Кабо «Наедине с другом. Беседы»]. **Митрофан** – говорящее имя персонажа той же комедии, вариант Митрофанушка, молодой человек – невежа и невежда, недоросль, его девиз «Не хочу учиться, хочу жениться», отсюда произошло коннотативное значение ‘необразованный, невежественный человек; неуч, недоучка; нерадивый ученик’. *«Наши школьные реформаторы взглянули на Россию, как на Простакову, на русских детей, как на Митрофанов»* [П.Б. Струве «Романтика против казенщины»].

В России имя Сальери стало широко известно благодаря трагедии А.С. Пушкина «Моцарт и Сальери». Поэт показывает Сальери как коварного завистника, который в итоге убивает талантливого Моцарта. В связи с этим за культурно макированным антропонимом Сальери закрепилось коннотативное значение ‘бесталанный человек, консерватор; посредственность, завидующая дарованию’. В примере *«“Серпионовы братья” – не Моцарты, конечно, но Сальери есть и у них, и все это, разумеется, чистейший сальеризм: писателей, враждебных революции, в России сейчас нет – их выдумали ...»* [Е. Замятин «Новая русская проза»] Моцарты означают талантливых людей, а Сальери – бесталанных людей, при помощи антонима Е. Замятин выражает отрицательную оценку таланта *“Серпионовых братьев”*. А в примере *«В каждом из них живет завистливый Сальери, которого раздражает проявление самобытности и оригинальности в ком-то другом»* [В.А. Швец «Дневник»] антропоним Сальери употребляется в значении ‘посредственность, завидующая дарованию’. В русском языке появилось антитеза в словосочетании «Моцарт и Сальери»: *«Про Стасика и Леню мать*

говорила, что это *Моцарт и Сальери*» [З. Масленикова «Близкие Бориса Пастернака»]. *«Лебединовские Моцарт и Сальери»* – название статьи в «Учительской газете» (31.07.1986), где сообщается о двух педагогах, одного из которых незаслуженно назвали Моцартом (он, якобы, энергичный, с передовыми взглядами учитель), а другого – Сальери (стандартно мыслящий администратор) [Отин 2004, с. 246].

2) Инновационный потенциал

Христофор *Колумб* четыре раза пересек Атлантический океан и открыл Новый Свет (Америку). Путешествия Колумба привели к первому устойчивому контакту между Европой и Америкой и открыли великую эру европейских исследований и колонизации. Благодаря неизмеримому влиянию Колумба на историческое развитие современного западного мира, его фамилия также осталась в русском языке в коннотативном значении: а) ‘тот, кто совершает географические открытия’, например, *«Много у этого таежного “Колумба” всяческих впечатлений. Как ни странно, не самолет, а поезд больше всего ее поразил»* [«Комсомольская правда» 25.10.1986]; б) ‘те, кто делают открытия, ведут научный поиск, участвуют в экспедициях, экспериментируют и т.д.’, как название книги *«“Колумбы” российских древностей»* В.П. Козлова об ученых XIX в., собиравших документальные памятники российской истории; в) ‘выдающаяся личность, влияющая на ход истории’, например, *«Я гения противопоставляю массе, личность – толпе. Меня интересует вопрос: куда бы человечество пришло, если б у него не было своих Колумбов?»* [В. Шишков «Угрюм-река»]; г) ‘тот, кто впервые что-то сделал, произнес, отметил; пионер; зачинатель чего-то’, например, *«Кривелев прав, находя в Библии множество противоречий, хотя он отнюдь в этом не Колумб»* [В. Евтушенко «Источник нравственности – культура»].

3) Мастерство в работе/ремесле

Левша – прозвище мастера в повести Н.С. Лескова «Левша», который по поручению атамана Н.П. Платова подковал блоху и получил за это награду. Государь Николай I распорядился отослать подкованную блоху Левши в Англию, чтобы продемонстрировать умение русских мастеров, а прозвище *Левша* вошло в

русский язык в коннотативном значении ‘народный умелец; мастер на все руки’. «Оказавшись в Украине, он воплотил теорию в практику – из любой “железки” начал изготавливать настоящие, даже с “заводскими номерами”, пистолеты. Согласно Уголовному кодексу Украины, за изготовление и сбыт оружия донецкому “Левше” светят семь лет лишения свободы» [«Факты» (Украина) 03.10.2000]. В китайской культуре покровитель плотников и строителей *Лу Бань* (кит. 鲁班, пиньинь lǔ bān) в период Чуныцю (770–476/403 гг. до н. э.) стал символ искусного мастера.

4) Языковая способность

Знаменитый римский политический деятель *Цицерон* отличался выдающимися ораторскими способностями, ввиду этого в русском языке могут назвать красноречивых ораторов, краснобаев Цицероном. В примере «– *Вы знаете, Павел Петрович, – внезапно сказала Софья, – а вы, оказывается, умеете очень красиво говорить. Я и не знала, что вы такой оратор. Десять лет рядом с вами провела, а и не подозревала, что вы прям-таки Цицерон*» [Т. Соломатина «Девять месяцев, или “Комедия женских положений”»] показано, что по мнению Софьи, Павел Петрович умеет красиво говорить, поэтому она назвала его Цицероном.

Таким образом, видно, что в русском и китайском языках существуют коннотативные значения антропонимов, которые касаются разных уровней интеллекта, но таких русских антропонимов гораздо больше китайских; коннотативные значения русского и китайского антропонимов могут характеризовать мастерство в ремесле, кроме этого, коннотативные значения русских антропонимов еще касаются языковой способности.

При описании и анализе интеллектуальных способностей человека коннотативные значения антропонимов позволяют образуют шкалу, фиксируя максимальное и минимальное проявление интеллекта. Однако в русском и китайском языке данные коннотативные смыслы распределяются неравномерно: в русском языке они более разнообразны и количество больше, чем в китайском языке.

Черты характера

«Характер (от греч. ‘черта, печать’) – это совокупность устойчивых черт человека, составляющих его индивидуальность и проявляющихся в отдельных психических состояниях, манере поведения, привычках, складе ума, эмоциональных и волевых свойствах. Такая совокупность черт определяет все стороны поведения человека, обуславливает его устойчивое отношение к окружающему миру, другим людям, труду, самому себе и выражает индивидуальное своеобразие личности в деятельности и общении» [Лебедев 2001, с. 33].

А.В. Лебедев отмечает, что «данная совокупность представлена рядом черт, которые классифицируются по группам: 1) группа интеллектуальных черт (гибкость и логичность мышления, восприятие, воображение, наблюдательность, рассеянность и др.); 2) группа нравственных черт (чувство долга, коллективизм, честность, человечность, индивидуализм, лживость и др.); 3) группа эмоциональных черт (жизнерадостность, бодрость, уверенность, уныние, сарказм, пессимизм и др.); 4) группа волевых черт (инициативность, выдержка, самостоятельность, решительность, мужество, целеустремленность, пассивность, трусость, нерешительность и др.); 5) группа черт, связанных с темпераментом (экстраверсия – интроверсия; спокойствие – тревожность; сдержанность – импульсивность; лабильность – ригидность); 6) группа черт, определяющих поступки человека (рациональность, расчетливость, обоснованность и полярные им свойства)» [Лебедев 2001, с. 33-34].

Коннотативные значения русских антропонимов касаются несколько групп по классификации А.В. Лебедева.

1) Группа волевых черт

Нерешительность

Поведение главного героя *Гамлета* в одноименной трагедии В. Шекспира и его знаменитое выражение «Быть или не быть, вот в чем вопрос» хорошо показывает его негативную волевою черту – нерешительность, поэтому имя *Гамлет* получило коннотативное значение ‘терзаемый сомнениями человек’,

сравните: «Сомнения, колебания Сталин считал серьезным человеческим пороком – *Гамлет* был тем образом в мировой литературе, к которому он чувствовал наибольшую неприязнь» [А. Чаковский «Блокада»].

Смелость

Коннотативное значение антропонима народного богатыря *Ильи Муромца* (сильный и смелый человек, способный совершить то, что другим не под силу, бесстрашно борется за правое дело и сражается с врагами Родины.; крупная фигура, авторитет) выражает такие положительные качества, как смелость, сила, борьба за правду и патриотизм, например, «Для Германии – план Маршалла. Для Японии – план Макартура, для Советского Союза, для России авторы пока в секрете. Но всё выполняется точно и в срок. А ты приехал, *Илья Муромец*... Испугались они тебя, аж трясутся... ЦРУ! Точная работа» [Б. Екимов «Пиночет»].

Выносливость

За твердость решений и силу духа советский партийный и государственный деятель с 1917 г., председатель ВЧК *Феликс Дзержинский* (1877–1926 гг.) получил прозвище *Железный Феликс*, коннотативное значение имени *Феликса Дзержинского* ‘выносливый человек’ выражает волевою черту – выносливость. Приведем пример. «– *Ираида* всегда была такой. Если что-то решит – должно выполняться. Мы так и называли ее – “*Железный Феликс*”» [А. Терехов «Каменный мост»].

Усердие

Коннотативное значение фамилии *Аракчеев* (Алексей Андреевич Аракчеев, 1769–1834 гг., российский государственный деятель, всемогущий временщик при Александре I) ‘усердный исполнитель’ выражает волевою черту – дисциплинированность, сравните: «В мануфактурном деле г. Ратч не смыслил ничего, и Семен Матвеевич знал, что ничего не смыслит; но зато мой вотчим был ‘исполнитель’ (любимое тогдашнее слово), “*Аракчеев*”» [И.С. Тургенев «Несчастливая»].

А коннотативное значение китайских антропонимов только характеризует упорство. По преданию, перед домом Юй Гуна (кит. 愚公, пиньинь yú gōng) дорогу

преграждали две большие горы, и он был полон решимости передвинуть их с земель. Ввиду этого предания это имя часто используется в китайском языке для обозначения человека, который обладает упорством и настойчивостью и не боится трудностей.

2) Группа нравственных черт

Хвастливость

Из языка фольклора происходит коннотативное значение имени *Аника* (см.: *Аника-воин, Аника-смотрок*), т.е. ‘хвастун, неудачник в делах, переоценивающий свои скромные возможности’, сравните: «– Ты меня не учи, – вскипел отец, быстро наливаясь кровью. – Подумаешь, *Аника-воин*... Я в семьдесят седьмом в штыковую ходил, когда тебя и на свете не было!» [С. Бабаян «Господа офицеры»]

В комедии «Ревизор» Н.В. Гоголь успешно сформировал из *Хлестакова* классический литературный образ. Он сочетает в себе такие отрицательные качества, как хвастовство и ложь, отсюда появилось коннотативное значение этой фамилии ‘непомерный хвастун; человек, любящий пустить пыль в глаза’. В примере «*Минаев необыкновенно тщеславен. Он – состоявшийся Хлестаков. Его любимое слово – «я», у него сорок тысяч одних курьеров, и с Бегбедером он на дружеской ноге*» [М. Калужский. Сергей Минаев: я – неудавшийся лузер // «Русский репортер», № 3 (33), 31.01–07.02.2008] Минаев, как и Хлестаков, является очень хвастливым человеком, а во втором примере «*Так по-современному въехал в провинциальный Лексингтон современный американский Хлестаков*» [В. Николаев. От грёз к ужасам // «Огонек», № 47, 1975] человек, как и *Хлестаков*, любит пустить пыль в глаза.

Честолюбие

Герострат был греком из Эфеса (Малая Азия), который с честолюбивой целью обессмертить свое имя сжег в 365 г. до н.э. храм Артемиды, отсюда получилось коннотативное значение этого антропонима ‘безнравственный, не останавливающийся ни перед чем честолюбец’, сравните: «*Таких дворянчиков, как ты, вместе с матрасами – в прорубь! Нет, посмотрите, какой Герострат! Академия ему уже не нужна*» [Ю.П. Анненков (Б. Темирязов) «Повесть о

пустынях»].

Среди русских коннотативных антропонимов, характеризующих нравственные черты человека, мы нашли только указывающие на хвастливость и честолюбие. В китайском языке таких коннотативных значений у культурно макированных антропонимов не существует.

А.В. Лебедев отмечает, что «при определении структуры характера, исходя из учета системы отношений, принимаются во внимание отношение человека к другим людям, к труду, к собственности, материальным ценностям, отношение человека к самому себе» [Лебедев 2001, с. 34]. Поэтому коннотативные значения антропонимов, характеризующие черты, разделяются на следующие группы: 1) черты характера, отражающие отношение к другим людям, 2) черты характера, отражающие отношение к труду, 3) черты характера, отражающие отношение к собственности, материальным ценностям, 4) черты характера, отражающие отношение к себе.

3) Черты характера, отражающие отношение к другим людям

Жестокость

В Библии Царь Иудеи *Ирод* описан как очень жестокий человек, отсюда получились коннотативные значения антропонима: а) ‘злодей, мучитель’, «*Да, конечно, я – Ирод, а ты и твой папенька – египетские младенцы*» [А.П. Чехов. «Черный монах»]; б) ‘черт, нечистая сила’, «*Вишь дьявольское место! Вишь сатанинское наваждение! Впугается же Ирод, враг рода человеческого!*» [Н.В. Гоголь «Заколдованное место»]

В Библии *Каин* убил своего брата Авеля, из-за этого поступка в русском языке Каином называют злодеев, убийц, сравните, «*А второй оказался последним гадом. Не помню уже фамилию, но по силам его звали Каин. И вправду был Каин, много бед принес людям*» [В. Быков «Обелиск»].

Салтычиха – народное имя жестокой помещицы Подольского уезда Московской губернии Дарьи Салтыковой (1730–1801 гг.), замучившей многих своих крепостных, ввиду этого её прозвище получило коннотативное значение ‘женщина с жестоким, крутым нравом; истязательница’, которое выражает

жестокое отношение к другим людям и отрицательную оценку к обозначаемой реалии. *«Ворчим мы по углам, конечно, хотя мой муж утверждает, что я типичная Салтычиха»* [П. Осетинская. Газонокосильщица // «Русская жизнь» 2012].

Малюта Скуратов – прозвище Г.Л. Скуратова-Бельского (?–1573 гг.), думный дворянин, приближенный Ивана IV, глава опричного террора, который участвовал в убийстве князя Владимира Старицкого, митрополита Филиппа и др. Его прозвище означало «маленький», «низкорослый», в сознании русских он был одним из зловещих личностей русской истории, поэтому этот антропоним стал символом средневековой жестокости, отсюда получилось его коннотативное значение ‘грубый человек с садистскими, палаческими наклонностями; палач, злодей, мучитель’. *«Единовластный правитель “Советского писателя” Николай Васильевич Лесючевский – сталинский сокол, Малюта Скуратов, всех женщин, включая уборщиц, принимал на работу самолично»* [С. Каледин. Аллея Руж // «Огонек» 2013].

Грубость, неучтивость и консервативность

Собакевич – говорящая фамилия персонажа поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души». В русском языке так называют человека, являющегося носителем одного или нескольких качеств этого литературного героя – грубости, консерватизма, угрюмости, неуклюжести. В примере *«Лева мне рассказывает ее монолог обо мне: а) я Собакевич, на всех раздражен, всех браню, никого не люблю; б) я сталинист и это проповедую... И далее такой же вздор»* [А.К. Гладков «Дневник»] актуализируется коннотативное значение ‘грубый человек’, а во втором пример *«Уже упомянутый мною директор народных училищ Д. Ильченко – истый Собакевич наружностью и нравом – не раз требовал, чтобы школа оставалась только школой грамоты»* [В.М. Чернов «Записки социалиста революционера»] – ‘консервативный человек’.

Хам – имя одного из сыновей Ноя в Библии, он оказался непочтительным к Ною, в результате чего подвергся отцовскому проклятию. Это культурно макированное имя вошло в русский язык в коннотативном значении ‘грубый,

невоспитанный, неучтивый человек, грубиян, наглец’, которое отражает неучтивость, грубость и наглость в отношении к другим людям. Например, «— *Лёгко ли что! – ответила Аркадия. – Сам-то хуже всякого Хама. Хоть бы камилавку-то получше на башку свою дурацкую вздел, а то, гляди-ка, какая*» [П.И. Мельников-Печерский «В лесах»].

В китайской культуре честного, храброго и грубого человека могут сравнить с *Ли Куи* (кит. 李逵, пиньинь lǐ kuí, персонаж романа «Речные заводи»), слишком грубого и самоуправного – с *Сян Юй* (кит. 项羽, пиньинь xiàng yǐ, генерал, разрушивший династию Цинь; правитель западного Чу), бравого и грубого – с *Чжан Фэй* (кит. 张飞, пиньинь zhāng fēi, полководец и воин времён Троецарствия, популярный герой романов), консервативного и ностальгирующего – со старухой *Цзюцзинь* (кит. 九斤, пиньинь jiǔjīn) в рассказе «Волнение» из сборника «Клич» Лу Синя.

Нахальность

В поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» *Ноздрев* всегда врет, задирает всех без разбору, готов разыгрывать лучшего друга без какой-либо цели, он ничего не планирует и не задумывает, когда он появляется в обществе, то обязательно происходит скандальная история. В русском языке Ноздревым называют нахала, необузданного буяна, негодяя, сравните: «*Из Америки эстонские функционеры, вроде «застенчивого негодяя Туронка», казались не менее вымышленными, чем Ноздрев или Манилов*» [А. Генис «Довлатов и окрестности»].

Любитель повеселиться и повеселить других

И.А. Балакирев (1699–1763) – это доверенный слуга императора Петра I и его супруги Екатерины I, впоследствии придворный шут императрицы Анны Иоанновны, отсюда имя *Балакирев* употребляется в коннотативном значении ‘весельчак, балагур’. Приведем пример. «*Я ей нужен и – неужели, неужели только как шут Балакирев?*» [Ф.М. Достоевский «Игрок»].

Таким образом, в русской речи можно встретить коннотативные значения русских антропонимов, которые касаются таких черт характера, отражающих

отношения к другим людям, как нахальный, злой, грубый, неучтивый, консервативный, жестокий и др. Эти коннотативные значения содержат неодобрительную оценку к обозначаемой реалии. Коннотативные значения китайских антропонимов тоже характеризуют некоторые из этих черт.

4) Черты характера, отражающие отношение к труду

Лень и предприимчивость

Помещик **Обломов** в одноименном романе И.А. Гончарова получил хорошее образование, но считает труд и государственную должность непосильным бременем. Хотя он представлял себе огромный план действий, он ничего не смог добиться, и в конце концов ему оставалось только лежать в постели и проводить свои дни, становясь полным бездельником и ленивым человеком. В русском языке культурно макированная фамилия Обломов получила коннотативное значение 'ленивый, безвольный человек, равнодушный к жизни'. Наоборот, его лучший друг **Штольц**, также получивший хорошее образование, помогал отцу в работе, сам ездил с поручениями, помогал другу. Эта фамилия вошла в русский язык с коннотативным значением 'делец'. Приведем примеры. «*Неделю может лежать на кровати, как незабвенный Обломов, пить чай, грызть сухарики и ни о чем не волноваться...*» [В. Голованов «Остров, или оправдание бессмысленных путешествий»] «*В нашей семье я немного Обломов, зато он – настоящий Штольц...*» [М. Токарева. «Петербургские тайны» семьи Петровых» // «Общая газета» 04.02.1998]

В 1874 г. в Московском Малом театре была поставлена пьеса под названием «Красавец» по комедии А. Дюма-сына «Мосье Альфонс». Когда **Альфонс** со своей любовницей жили вместе на окраине Парижа, у них не было никаких финансовых источников, им пришлось закладывать украшения и другие средства любовницы, поэтому культурно макированное имя **Альфонс** стало широко употребляться в русском языке в значении 'мужчина, живущий за счет женщины, находящийся на содержании у любовницы'. Например, «*Женщины не должны на него тратиться, он же не альфонс какой-нибудь*» [А. Маринина «Не мешайте палачу»].

Активность

Стаханов (1905-1977 гг.) – известный шахтер-ударник, зачинатель массового движения новаторов производства – «стахановцев», коннотативное значение этой фамилии ‘активный человек, ведущий большую работу; энтузиаст’ выражает активное отношение к труду. Приведем пример. *«Что я тебе, горбатый стахановец, что ли, в магазин переть! Вот и работай, если Стаханов»* [Словарь московского арго, с. 450].

5) Черты характера, отражающие отношение к собственности, материальным ценностям

Марфа – персонаж в Библии, сестра Лазаря и Марии из Вифании. Это культурно макированное имя вошло в русский язык с значением ‘женщина с практичным характером; заботливая хозяйка, на первое место ставящая не духовное, а материальное начало в жизни; воплощение земного пути служения’. В примере *«Христианство слишком изнежило семейную жизнь, оно предпочло Марию – Марфе, мечтательницу – хозяйке...»* [А.И. Герцен «Белое и думы»] Мария употребляется в коннотативном значении ‘возвышенная мечтательница’, а Марфа – ‘заботливая хозяйка, на первое место ставящая не духовное, а материальное начало в жизни’.

В отношении человека к собственности, материальным ценностям входит скупость, характеризующая скрягу. Несколько образов скряг ярко отражены в литературе: **Гарпагон** в комедии Ж.Б. Мольера «Скупой», **Гобсек** в одноименном романе О. Бальзака и **Плюшкин** в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». Все эти имена получили коннотативное значение ‘скупец, скряга, скупердяй’. **Иуда** в Библии из-за 30 серебряников предал Иисуса Христа, имя **Иуда** стало символом предателя, еще в русском языке можно называть Иудой жадных, скупых людей, скряг. Приведем примеры. *«Самый обыкновенный скупердяй. Такой, извините меня, обобщённый тип даже описан в литературе. Вы — Плюшкин! Гарпагон! Да, да, и, пожалуйста, не возражайте. У вас тяжёлая привычка всегда возражать. Вы Плюшкин, и всё»* [И.А. Ильф, Е.П. Петров «Широкий размах»]; *«Он-то как раз человек влиятельный, хотя и скуп, как Гобсек»* [В.А. Каверин «Перед зеркалом»]; *«Один, как перст, ни ближних, никого; нищему копейки не подаст; алчность*

проклятая! Иуда искаротский! И куда? Умрет, как собака, в казну возьмут» [А.И. Герцен «Кто виноват?»]. В китайской литературе самый известный скряга – это культурно макированный антропоним *Янь Цзяньшэн* (кит. 严监生, пиньинь yán jiànshēng) из романа У Цзинцзы (吴敬梓) «Неофициальная история конфуцианцев (儒林外史)».

А скупость персонажа в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» *Коробочки* показана другим способом: «...Одна из тех матушек, небольших помещиц, которые плачутся на неурожаи, убытки... а между тем набирают понемногу деньжонок в пестрядевые мешочки, размещенные по ящичкам комодов. В один мешочек отбирают все целковики, в другой полтиннички, в третий четвертачки, хотя с виду и кажется, будто бы в комоду ничего нет, кроме белья...» [Н.В. Гоголя. «Мертвые души»], отсюда выводится коннотативное значение антропонима *Коробочка* ‘скопидом, человек, живущий интересами накопительства и мелочной экономии’. Приведем пример. «Авдотья, как баба, как *Коробочка*, по жадности все уговаривала меня заказать рожи, т.е., запретить в них брать грибы» [А.Н. Энгельгардт «Письма из деревни»].

Коннотативное значение антропонимов, характеризующее черты характера, отражающие отношение к собственности, материальным ценностям, в русском языке оказывается больше, чем в китайском языке.

б) Черты характера, отражающие отношение к себе

Коннотативное значение антропонима *Наполеон* (надменный, самоуверенный человек, амбициозный выскочка) отражает высокомерное, самодовольное отношение амбициозного человека к окружающим и самому себе. Например, «Ох уж мне эти нынешние наполеоны из бывших статских фельдшеров и полицейских исправников!» [В. Максимов «Заглянуть в бездну»]. В русском языке называют *Бонапартом* человека с непомерно развитым самомнением, стремящегося к подавлению других и при этом ведущего себя неестественно. Приведем пример. «Кричит, рычит, ломается, корчит из себя какого-то Бонапарта, не дает слова сказать ... черт его знает. Какие-то величественные жесты, генеральский смех,

снисходительный тон!» [А.П. Чехов «Именины»]

У главного персонажа романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» **Печорин** байронический склад характера, его особенности – неудовлетворенность жизнью, скепсис, поиск себя в этой жизни, страдание от непонимания со стороны окружающих и одновременно презрение к ним (ирон.), поэтому в русском языке Печориным называют человека этого типа. Приведем пример. «*Ей, видите ли, «скушно»! Тожэ мне ещэ, **Печорин** новый выискался!*» [Э.В. Лурье «Дневник»].

Сознание человека

Мечта принадлежит к сознанию человека. В русском языке некоторые антропонимы употребляются в коннотативном значении ‘мечтатель’, которое может выражать положительную или отрицательную оценку, хорошее или плохое отношение к обозначаемой реалии.

Характер **Дон-Кихота** в романе Мигеля де Сервантеса (1547–1616 гг.) «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» двоякий: с одной стороны, он бредовый, сумасшедший и смешной, но именно он олицетворяет высокую степень моральных принципов, бесстрашный дух, героическое поведение, твердую веру в справедливость, верность любви и так далее, т.е. он смешон, но также является воплощением идеализма, поэтому в русском языке появились такие коннотативные значения: а) ‘благородный мечтатель, человек кристальной честности’, например, «*Печать – это пулемет, из которого стреляет идиотический унтер. И сколько Док-Кихотов он перестреляет, пока они доберутся до него*» [В.В. Розанов «Уединенное»]; б) ‘наивный и бесплодный мечтатель, наивный идеалист’, например, «*Как-то так, роковым образом выходило, что начинал он мягко, ласково, с добрыми намерениями, называя себя старым студентом, идеалистом, Дон-Кихотом...*» [А.П. Чехов «В усадьбе»]; в) ‘фанатик’, например, «*Он – Дон Кихот, упрямый фанатик, маньяк, – думал Петр Михайлович, – а она такая же рыхлая, слабохарактерная и покладистая, как я ...*» [А.П. Чехов «Соседи»]

Мария – это имя сестры Лазаря и Марфы из Вифании в Библии. Это культурно макированное имя употребляется в русском языке в значении ‘женщина-

идеалистка; возвышенная мечтательница, романтик'. Приведем пример. «*Синий цвет подходит к шарфу, И равна в вас благодать, как, В одной признавши Марфу, В вас Марии не узнать?*» [М. Кузмин «Петь начну я в нежном тоне»]

Манилов – классический литературный образ, созданный Н.В. Гоголем в произведении «Мертвые души». Ему в голову приходят разные фантастические проекты, например, провести подземный ход от дома или выстроить через пруд каменный мост, отсюда в русском языке *Маниловым* называют прожектора, сентиментального мечтателя, сравните: «*Иногда он злился, обзывал меня Маниловым и уподоблял идеалы тульским самоварам, что до тех пор блестят, пока новы, а чуть подадут в руки кухарки – и конец их блистанию*» [А.И. Эртель «Записки Степняка»].

Коннотативного значения антропонимов, характеризующего сознание человека, в китайском языке не существует.

Очевидно, что многообразие черт характера и их важность в языковой картине мира различаются в русском и китайском языке по своему коннотативному потенциалу, что в полной мере отражено в коннотативных значениях антропонимов обоих языков.

3.2.3 Человек как общественное существо

Характеристика по роду деятельности

В языке существует феномен использования культурно макированных антропонимов для характеристики человека по роду деятельности. Данной функцией обладает не любой антропоним, обычно это антропонимы известных деятелей в какой-либо сфере жизни. Это могут быть выдающиеся личности в определенной отрасли или примеры, которые получили признание или подвергаются критике со стороны других. Они могут быть как реальными историческими лицами, так и вымышленными персонажами из различных литературных произведений.

1) Деятельность в области литературы, искусства и музыки

Русская литература, особенно классическая, является одним из величайших

творческих наследий в области мировой литературы. «Золотой век» русской литературы, начавшийся с А.С. Пушкина и закончившийся А.П. Чеховым, был не только вершиной русской литературы, но и – вершиной мировой литературы. Антропонимы тех поэтов и писателей, кто внес свой вклад в русскую литературу, Н.В. *Гоголя* (1809–1852 гг.), Ф.М. *Достоевского* (1821–1881 гг.), А.С. *Пушкина* (1799–1837 гг.), Л.Н. *Толстого* (1828–1910гг.), А.П. *Чехова* (1860–1904 гг.) и М.А. *Шолохова* (1905–1984 гг.), сегодня могут употребляться как синонимы писателя с высокой положительной оценкой. Рассмотрим следующие примеры: «А, может, среди них есть и будущий *Пушкин*, да пока сам он об этом не знает, и никто ему не помогает в этом разобраться. А ведь, кто знает, может быть, из него будущий *Пушкин* выйдет» [А.И. Куприн «Юнкера»]; «Я и сам первые годы перестройки пребывал в некотором мороке от чтения андеграунда. Читаю рецензию – новый *Гоголь* явился! Нахожу журнал или книжонку – спотыкач какой-то, как говорил водитель бортового камаза Коля Максимов» [Д. Каралис. Записки ретро-разведчика (Из варяг в греки) // «Нева» 2003]; «Видал? Наш писатель, будущий, так сказать, *Достоевский*, в Москве аж учится, у кого еще такие кадры на службе, а? вот он сидит, улыбается, а сам пишет про тебя» [А. Белозеров. Люди до востребования // «Волга» 2012]; «Зато вышел новый *Чехов*, новый *Толстой* и новая «Сага о Форсайтах», – ехидно сказала я и почувствовала, как она огорчилась там, у телефона» [Е.В. Колина. «Дневник измены»]; «Тришин говорит, что из него вышел *Шолохов*, а Тришин откуда вышел?» [А.П. Платонов. «Записные книжки»]. В этих пяти примерах фамилии *Пушкин*, *Гоголь*, *Достоевский*, *Чехов*, *Толстой* и *Шолохов* с прилагательными «новый или будущий» означают нового или будущего великого писателя, показывают большие ожидания говорящего к обозначаемой реалии и высокое утверждение обозначаемого.

В примере «Ты, смею молвить, поистине новый *Эзоп*-баснетворец» [В.Я. Шишков «Емельян Пугачев»] автор при помощи выражения «новый Эзоп-баснетворец» сравнивает своего собеседника с известным всем миру древнегреческим баснописцем Эзопом и выражает одобрительную оценку к «тебе».

А.И. Куинджи (1842–1910 гг.), *И.И. Левитан* (1860–1900 гг.) и *И.Е. Репин*

(1844–1930 гг.) являются знаменитыми русскими художниками, поэтому их фамилии употребляются как синоним художника с высокой оценкой к обозначаемой реалии. Например, *«И в 7 классе, когда мы писали сочинение на тему: “Кем я хочу стать”, написал: “Хочу быть художником, как Репин, Левитан...”»* [Л.В. Носырев «Подсолнух для “Антошки” я взял из своего детства»] *«– Вот так работаешь, работаешь с человеком, а потом окажется, что был новый Репин там, или Куинджи»* [С. Носов «Грачи улетели»].

Ф.И. **Шаляпин** (1873–1938 гг.) – выдающийся русский оперный певец, в русской культуре его фамилия стала символом талантливого певца. *«Однако сколько бы певец ни упражнял свой голос, его дети не станут Шаляпинными»* [«Комсомольская правда» 11.04.1997].

Меценат был одним из приближенных римского императора Августа (1 в. до н.э.), славился в истории как покровитель поэтов, отсюда получилось коннотативные значения этого антропонима: а) ‘богатый человек, оказывающий материальную поддержку и покровительство деятелям литературы и искусства’, например, *«Император выступал и как коллекционер, и как меценат»* [Ю. Кудрина. «Распространение искусства есть дело государственной важности» // «Знание – сила» 2010]; б) ‘вкладчик капитала в какое-либо дело, предприятие, связанное с искусством’, например, *«Эрнест Коньяк, меценат и филантроп, умер в 1928-м, года не дожив до открытия первого музея, который он устроил в здании своего магазина на бульваре Капуцинок»* [А. Тарханов, А. Асланянц, Д. Бегляров. «Париж»]. Добавим, что в современном русском обществе большинство русских уже не осознает, что слово «меценат» происходит от имени собственного, и воспринимает его как имя нарицательное. Это доказывает переход имени собственного в имя нарицательное, т.е. имеет место процесс деономизации.

2) Деятельность в гуманитарной сфере

Сократ (около 470–399 гг. до н.э.) и **Вольтер** (1694–1778 гг.) были известными всему миру философами, ввиду этого сегодня в русском языке могут назвать философа *Вольтером*, а философа, умение которого пользуется широким признанием, *Сократом*. Приведем примеры. *«Вчера же после обеда был я у*

*славного Канта, глубокомысленного, тонкого метафизика, который опровергает и Малбранша и Лейбница, и Юма и Боннета, – Канта, которого иудейский Сократ, покойный Мендельзон, иначе не называл, как der alles zermalmende Kant, то есть все сокрушающий Кант» [Н.М. Карамзин «Письма русского путешественника»]; «Там мэр — человек широкий, философ, настоящий **Вольтер**» [И.Г. Эренбург «Необычайные похождения Хулио Хуренито»].*

В русском языке можно назвать летописца, объективного историка, хронографа **Нестором**, т.е. именем монаха Киево-Печерского монастыря (в XI – нач. XII вв.), с которым связывают авторство первой редакции «Повести временных лет». Приведем пример. «*Что делать мне? Ведь я свой **Нестор** – Полночный летописец свой*» [Е. Винокуров «Автобиография»].

В русском языке можно употреблять культурно макированный антропоним **Пимен** (центральный персонаж драмы А.С. Пушкина «Борис Годунов», монах-летописец Чудова монастыря) в коннотативном значении: а) ‘летописец или человек, ведущий дневниковые записи или записывающий сведения о событиях, свидетелем или участником которых он был’, например, «*Так и чувствуется, как сидел над ними какой-нибудь архивный **Пимен**, освещая свой труд трепетно горящею сальной свечкою...*» [М.Е. Салтыков-Щедрин «История одного города»]; б) ‘архивист’, например, «*Но час настал – месяц назад, когда забастовал Тульский госархив. Как говорит Прокопенко, терпение **пименов** лопнуло*» [«Известия» 22.02.1990].

3) Деятельность в области естественных наук

Д.И. Менделеев (1834–1907 гг.) – это русский ученый-энциклопедист, химик, физик-химик, созданная им периодическая система химических элементов известна всем, кто имеет среднее образование во всех уголках мира, в народе также приписывают Менделееву изобретение классической русской водки, отсюда получилось коннотативное значение этой фамилии ‘выдающийся ученый; искусный изготовитель разных смесей, алкогольных напитков и т.д., химик’. В примере «*Стратонов налил из черной бутылки в серебряную стопку какой-то пахучей жидкости. – Проглотите-ко. Весьма забавная штука. Клим выпил,*

задохнулся и, открыв рот, сердито зашипел. – Что – яд? У моей дамы старичок буфетчик есть, такой, я вам скажу, **Менделеев!**.. Гуся возьмите...» [М. Горький «Жизнь Клим Самгина»] фамилия *Менделеев* означает искусного изготовителя алкогольных напитков. «**Менделеев от наркомафии**» – название статьи в «Комсомольской правде» (23.01.2001), где рассказывается об одном «талантливом химике», наладившем производство синтетических наркотиков.

Первый русский академик Российской академии наук, ученый-энциклопедист **М.В. Ломоносов** (1711–1765 гг.) внес неоценимый вклад в бурное развитие отечественной науки, таким образом культурно макированная фамилия *Ломоносова* стала символом выдающегося ученого. Приведем пример. «*Выйдя из нее, Северянин, как новый Ломоносов, «отставил от себя академию», с уходом его распавшуюся*» [В.Ф. Ходасевич «Игорь Северянин и футуризм»].

Томас Алва Эдисон (1847–1931 гг.) – это знаменитый американский изобретатель, коннотативное значение его фамилии ‘изобретатель, рационализатор производства, новатор’ обладает мейоративной оценкой. Газета «Известия» открыла колонку для изобретателей под названием «*Трибуна для Эдисонов*» [«Известия» 28.02.1985], т.е. имя Эдисон означает изобретателя.

И.П. Кулибин (1735–1818 гг.) – выдающийся русский изобретатель, самоучка из мещан, прозванный «нижегородским Архимедом», член и механик Императорской академии наук. До сих пор его именем называют талантливого изобретателя, новатора, рационализатора. В примере «*Местные кулибины нелегально разработали простой и надежный ‘жучок’.*» [«Комсомольская правда» (19.02.1997)] в результате деономизации *Кулибин* стал именем нарицательным и употребляется в множественном числе.

4) Деятельность в области закона и порядка

В стихотворении С.М. Михалкова **Дядя Степа** является добрым милиционером, помогает пожарным, отсюда следует его коннотативное значение ‘добрый милиционер’ с положительной оценкой и хорошим отношением к обозначаемой реалии. В примере «*Мы жили с мыслью, что дядя милиционер всегда придёт на помощь, защитит. А современный дядя Степа... Внешне-то он вроде*

бы такой же – защитник, а на деле – совсем нет» [«Аргументы и факты», № 48, 17.11.2013] с помощью словосочетания *современный Дядя Степа* говорящий выражает неодобрительное отношение к современному милиционеру.

Прежде чем *Пинкертон* основал «Национальное детективное агентство Пинкертона» в Соединенных Штатах, он служил в Департаменте полиции Чикаго, поэтому его фамилия в русском языке употребляется как символ полицейского, милиционера с мейоративной оценкой. Приведем пример. *«С необычным преступлением столкнулись ровенские пинкертоны. Ночью в одном из сельских магазинов неизвестные украли... государственный флаг»* [«Новая газета», № 33, 1995]. Он был известным американским сыщиком, а также героем, пользовавшимся широкой популярностью романов и рассказов о нем, ввиду этого эта фамилия вошла в русский язык в коннотативном значении ‘сыщик, следователь, разведчик’. Приведем пример. *«Этот занюханый пинкертон даже не знал, что я беспартийный, тоже мне сыщик»* [Олег Глушкин «Анкетные данные» 1990-1999]. В этом примере антропоним *Пинкертон* подвергается деономизации.

Персонаж комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» по имени *Держиморда* является грубым полицейским, подчиненным частного пристава С.И. Уховертова, слепо выполняющим все его указания, и эта фамилия вошла в русский язык в коннотативном значении ‘тупой, грубый полицейский, страж порядка, исполнительный закона’ с неодобрительной оценкой. В примере *«Правильно, Зеленцов, молодец, это они понаехали, чтобы окончательно подавить ребят, здешние держиморды уже не справляются со своей задачей, так им в помощь этого вот румяненького... А-а, привык судить забитых, безропотных»* [В. Астафьев «Прокляты и убиты. Книга первая. Чертова яма»] *держиморда* (снова деономизация) обозначает ‘грубый, бесчеловечный, исполнитель закона, страж порядка’ и выражает неодобрительную оценку к обозначаемой реалии, неудовлетворение действиями исполнителя закона.

Царь Израильско-Иудейского царства *Соломон* был описан в легендах как мудрец и справедливый судья, имя *Соломон* вошло в русский язык в коннотативном значении ‘мудрый судья’ с положительной оценкой. *«– Там уж откуда бы ни была,*

а есть такая клиентка. А кроме того, у меня сегодня третейский суд... как я решу, так и будет! – Соломон! – Соломон не Соломон, а тысячу рублей за решение пожалуйста!» [М.Е. Салтыков-Щедрин «Современная идиллия»].

Главный герой детективных рассказов английского писателя Артура Конан Дойла **Шерлок Холмс** является частным консультантом по уголовным расследованиям, когда другие полицейские детективы или частные сыщики попадали в беду, они часто обращались к нему за помощью. У него спокойный ум, острая наблюдательность, выдающиеся способности к рассуждению, и он хорош в решении проблем с помощью наблюдения, дедуктивного рассуждения и юридических знаний. Таким образом этот антропоним вошел в русский язык в коннотативном значении ‘сыщик; полицейский, детектив’. В примере *«Как ты считаешь, так и есть. Как ты скажешь, так и будет. – А разве тетрадь не свидетельство? – Тетрадь – это тетрадь, – он хочет еще сказать, что плохой из него Шерлок Холмс, но Марина прерывает разговор: – Потом позвоню. Счастливо. Муж, вероятно, пришел»* [С. Носов. «Фигурные скобки»] антропоним Шерлок Холмс означает детектива.

Штирлиц – это главный персонаж популярного телесериала «Семнадцать мгновений весны», а позднее – серии анекдотов, работавший разведчиком-нелегалом в интересах СССР в нацистской Германии и некоторых других странах, поэтому его фамилия стала символом разведчика, шпиона, агента. *«Зоя Воскресенская должна была стать «Штирлицем». После ускоренных курсов подготовки в 1930 году Она отправляется в свою первую заграничную командировку в Харбин»* [«Аргументы и факты»11.12.2014].

По преданию народный герой средневековых английских баллад **Робин Гуд** грабил богатых, отдавая добытое беднякам в Шервудском лесу около Ноттингема, откуда получилось коннотативное значение этого антропонима ‘народный заступник, благородный разбойник, защитник обездоленных бедняков’, выражающее положительное отношение к обозначаемой реалии. Так как в примере *«Так звали чеченского абрека, прославившегося в XIX веке тем, что он в одиночку вел войну с царскими войсками уже после покорения Чечни, грабил почтовые*

кареты и раздавал награбленное бедным соплеменникам. Такой чеченский **Робин Гуд**. Абрек Зелимхан погиб, когда его предал кто-то из близких друзей» [Г. Садулаев «Когда проснулись танки»] поведения абрека Зелимхана в Чечне напоминает английского Робина Гуда, писатель Герман Садулаев назвал его чеченским Робинотом Гудом, выражая положительную оценку к Зелимхану.

Антропоним **Остан Бендер** из романов И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» употребляется в русском языке как синоним нечистого на руку дельца. В примере «Как нас учил **Остан Бендер**, нужно читать Уголовный кодекс» [М. Озерова, Н. Шипицына. «Уголовная революция» // «Московский комсомолец» 11.01.2003] при помощи антропонима *Остан Бендер* (нечистый на руку делец) М. Озерова и Н. Шипицына выражают неодобрительное отношение к преступникам.

5) Деятельность в военной сфере

Имя полководца **Наполеона**, одного из выдающихся деятелей в истории Западной Европы и императора Франции, часто используется в качестве культурно макированного антропонима применительно к выдающимся военачальникам, например. Приведем пример. «Взрывы произошли. Началась война в Чечне. Она должна была показать нашей публике нового **Наполеона**, лидера, который совершил молниеносный маневр и сокрушил главного противника России» [В. Бондаренко. Обсуждение нового романа Александра Проханова в Центральном доме литераторов // «Завтра» 25.12.2001].

Полковник в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» **Скалозуб** быстро сделал военную карьеру, хотя он и не отличается большим умом и не обладает навыками военного, а просто солдафон, поэтому этого в русском языке можно назвать любого солдафона *Скалозубом*. Приведем пример. «Он хотел браками сблизить дворянство пороха с старым дворянством; он хотел оболванить своих **Скалозубов жёнами**» [А.И. Герцен «Былое и думы»].

В знаменитой поэме А. Твардовского «Василий Теркин» главный герой солдат Василий **Теркин** является балагуром, весельчаком и примером для всех в бою во время Великой Отечественной войны. Образ Теркина служит для характеристики

веселых, остроумных и смелых солдат. В примере «*Солдатик смышлён, с юморком, вроде Васи Тёркина*» [В.М. Шапко. Синдром веселья Плуготаренко // «Волга», № 9-10, 2016] автор использует антропоним Василий Теркин с коннотативным значением ‘смышленный и веселый солдат’, выражает одобрительную оценку к солдатику и в целом хорошее отношение к обозначаемой реалии.

В отличие от русского языка, феномен использования культурно макированных антропонимов для характеристики человека по роду деятельности является редким в китайском языке. Причина заключается в том, что в Древнем Китае было мало видов деятельности, и многие из них не получили уважения в обществе. Хотя у врача, плотника и строителя не было высокого социального положения, но они были необходимы в жизни человека и любом обществе, поэтому используют антропонимы известных врачей, плотника и строителя для характеристики человека по его деятельности. Антропонимы знаменитых древних китайских врачей *Бянь Цюэ* и *Хуа То* (кит. 华佗, пиньинь huà tuó) обладают коннотацией ‘лучший врач’ с положительной оценкой. *Лу Бянь* (кит. 鲁班, пиньинь lǔ bān, известный плотник и строитель) – ‘лучший плотник и строитель’ с положительной оценкой. *Баогун* (кит. 包公, пиньинь bāogōng, народное звание государственного деятеля и судьи времени династии Сун *Бао Чжэна* (кит. 包拯, пиньинь bāo zhěng, 999–1062 гг.) – это символ справедливого, неподкупного и мудрого судьи.

Характеристика поведения или поступка

Коннотативные значения антропонимов содержат фоновые знания о поведении человека/персонажа – носителя этого имени. Прежде всего это действия, имеющие негативные результаты и вызывающие отрицательную оценку в обществе, такие как броситься под поезд, убивать старушку, участвовать в бою на баррикадах, покупать для своей цели и другие.

Так, в конце романа Л.Н. Толстого «*Анна Каренина*» главная героиня бросилась под поезд и покончила с собой, поэтому в памяти русских сохранился

этот трагический поступок, и *Анна Каренина* стала олицетворением женщины, бросившейся под поезд. Приведем пример. *«Прокопьевская Анна Каренина бросилась под поезд не из-за Вронского, а от безнадёги»* [«Комсомольская правда» 28.02.2009]

В романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» Раскольников убил старуху-процентщицу, поэтому в русской речи можно встретить культурно макированный антропоним Раскольников, которым характеризуют молодого человека, причинившего вред пожилому человеку. В примере *«Несостоявшегося “Раскольникова” правоохранители задержали “по горячим следам”»* [В Севастополе уголовник со стажем избил палкой пенсионерку // «Город 24» 18.02.2021] уголовник по прозвищу «Раскольников» избил палкой пенсионерку. Если нападавшим была девушка или женщина, то её могут назвать «Раскольниковым в юбке», как в сообщении *«Раскольников в юбке поедет лечиться в психдиспансер»* [«k1news» 20.10.2021]. Здесь Раскольников в юбке – это 22-летняя жительница г. Костромы, которая напала на родную бабушку с топором и ножом.

В романе В. Гюго «Отверженные» парижский бездомный подросток по имени *Гаврош* сражался на баррикадах и погиб в ходе Июньского восстания 1832 года, а в русском языке называют *Гаврошем* подростков, участвующих в боях. Приведем пример. *«Такие Гавроши, как ты, брат Демка, хороши бывают во время уличной войны – патроны на баррикады таскать»* [С.Н. Сергеев-Ценский «Преображение России»].

В поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» *Чичиков* ездит по России и зарабатывает деньги для собственной выгоды невообразимыми способами, т.е. покупает у помещиков «мертвые души» – умерших крестьян, которые числятся живыми только на бумаге. Ввиду этого в русском языке могут назвать Чичиковым человека, занимающегося приобретательством, добивающегося личного благополучия обманом. *«Революционные Чичиковы скупают и перепродают несуществующие богатства, они оперируют с фикциями, а не реальностями, они превращают в фикцию всю хозяйственно-экономическую жизнь России»*

[Н.А. Бердяев «Духи русской революции»].

На известной картине Виктора Васнецова под названием «*Алёнушка*» у пруда грустно, поджав ноги, сидит девушка. Поза и настроение Алёнушки стали основой коннотативного значения этого антропонима. Например, «*Потом сел на окошко печально, как Алёнушка, и стал смотреть на перепуганных служителей, которые стояли у входа с не работавшими ружьями*» [Е. Гончаренко. Звери нашего города // «Столица» 27.05.1997].

Антропонимы *Пугачев* и *Степан (Стенька) Разин* (предводитель восстания 1667-1671 гг. в России) употребляются в коннотативном значении 'предводитель стихийных, разрушительных мятежей'. Приведем пример. «*Пусть приходит новый Пугачев, Стенька Разин, все равно, – вдребезги разбить крепостной костяк...*» [А.Н. Толстой «Хождение по мукам. Книга вторая «Восемнадцатый год»]

В трех пьесах П.-А. Бомарше «Севильский цирюльник», «Женитьба Фигаро» и «Тарар» и созданной на их основе опере «Севильский цирюльник» Дж. Россини *Фигаро* является парикмахером и слугой графа Альмавивы, с лёгкостью придумывает интриги и добивается своих целей. Именно это качество персонажа легло в основу коннотативного значения антропонима Фигаро, и в русском языке его именем можно назвать участвующих в интриге людей, например, «*В первый раз как я был у Гарибальди в Стаффорд Гаузе, придворная интрига около него бросилась мне в глаза. Разные Фигаро и фактотумы, служители и наблюдатели сновали непрерывно*» [А.И. Герцен «Былое и думы. Часть шестая. Англия»]; также можно назвать *Фигаро* парикмахера по его первой профессии, например, «*Переодевшись в лавчонке около Будилова трактира, я уселся на тумбе, и местный седой Фигаро из старых солдат взял с меня за стрижку пятак, заявив, что остриг «под польку»*» [Вл.А. Гиляровский. Друзья и встречи / «Под «Веселой козой»].

Кроме действий, имеющих негативные результаты и вызывающих отрицательную оценку в обществе, коннотативное значение антропонимов (включая уже рассмотренные) может указывать и на другое поведение или поступки.

Первое появление *Анны Карениной* в романе – это поездка в Москву, с целью уладить семейный конфликт брата с женой, ввиду этого данное поведение закрепилось в мейоративном коннотативном значении этого антропонима. «*Тогда Варя приезжала, как Анна Каренина, – мирить брата с женой*» [И. Грекова «Фазан»].

В примере «*А Лена Камбурова обладает героической силой борьбы, она, как Дон Кихот, сражается с этими ветряными мельницами*» [Диалог с Владимиром Дашкевичем: «Великое культурное одичание», или Культурный реквием // «Знание – сила» 2011] при сравнении борьбы Лены Камбуровой с Дон Кихотом, который сражается с ветряными мельницами, метафорически подчеркивается стойкость перед невзгодами, сила духа, выражают положительной оценкой к Лене Камбуровой.

Русский герой *Иван Сусанин* прославился спасением царя Михаила Федоровича Романова от польско-литовского отряда в период русско-польской войны в XVII веке. По одной из версий, зимой 1613 г. он стал проводником польско-литовского отряда и умышленно повел их в чащу леса к болотам, за что был убит ими. Именно поэтому в русском языке могут назвать проводника Иваном Сусаниным, например, «– Эй, *Иван Сусанин*, – крикнул Мокин в грязную спину Тищенко, – притормози» [В. Сорокин «Норма» 2002]; также могут шуточно назвать этим антропонимом экскурсовода в музее, например, «– Эй, *Сусанин*, куда пошел?» [Большой словарь русского жаргона, 575; запись 1999 г.]; в жаргоне летчиков могут назвать так штурмана, например, «*Скоро вылет, где наш Сусанин?*» [Большой словарь русского жаргона, 575; запись 1999 г.]; в современной разговорной речи Сусаниным в шутку называют человека, который неправильно указал дорогу, например, «*Впереди дым, стрельба явно усиливается. Ропот на Хаминова: – Куда он нас ведет? Сусанин нашелся! Прямо в пекло!*» [Н. Амосов «Голоса времен»]. Хотя коннотативное значение антропонима в четырех примерах имеет нюансы, центральное семантическое значение ‘проводник, указание пути’ вытекает из действий героя.

В русском языке называют *Робинзоном* туристов, любителей путешествовать по родному краю, например, «*Карта была чистой, как листок из школьной*

тетрадки. Помечай, не ленись, робинзон, свои маршруты» [«Комсомольская правда» 03.01.1987].

В былинах *Илья Муромец* – крестьянский сын, который знаменит тем, что 30 лет и три года не мог ходить и сидел на печи, поэтому этот поступок вошел в русское устойчивое выражение «сиднем сидеть, как Илья Муромец». В примере «*А прекрасная кухня моя находит в этом созерцании высокое наслаждение, – она готова неделю не есть, не пить, только бы сидеть автоматом и смотреть, как играют в ералаш или даже в три листика; а если ей самой удастся составить партию для ералаша, то она готова, как Илья Муромец, сиднем просидеть за картами месяцы и годы без куска хлеба и стакана воды*» [Т.Г. Шевченко «Прогулка с удовольствием и не без морали»] прямо употребляется это выражение сиднем сидеть, как Илья Муромец в значении ‘заниматься какой-либо длительной, постоянной и однообразной работой, сидя за столом’, точнее долго играть в карты за столом. Во примере «*А дабы никчемность Серафима была очевиднее, я даже могла бы сказать, что и научная его жизнь, которой он очень гордится, протекала безо всякой с его стороны инициативы: он не только закончил институт, но в нем же и остался преподавать. Как Илья Муромец, сорок лет сиднем на одном месте!*» [С. Есин. Стоящая в дверях // «Наш современник», № 4, 1992] употребляется вариант этого выражения в значении ‘оставаться, пребывать где-либо безвыездно’, точнее не менять место работы много лет, с осуждением. В 33-летнем возрасте Илья Муромец начал свою богатырскую жизнь, сел на коня и поехал защищать святую Русь, что стало основанием другого подобного коннотативного значения этого антропонима. В примере «*Я был рыцарем, сидел на коне, как Илья Муромец, в кольчуге и спасал Таню от драконов и других мерзких существ*» [А. Тарасов «Миллионер»] человек сравнивается с рыцарем, богатырем, Ильёй Муромцем, который сидит на коне и спасает девушку.

В восьмой главе «Истории *Пугачева*» А.С. Пушкина поведение главного героя описано следующим образом: «прощаться с народом; кланялся на все стороны, говоря прерывающимся голосом: “Прости, народ православный; отпусти мне, в чем я согрубил пред тобою; прости, народ православный!”» [А.С. Пушкин «История

Пугачева»]. В связи с этим, помимо внешности Пугачева, в коннотативном значении этого антропонима закрепился и такой способ кланяться. Приведем пример. *«Благодарю. Благодарю, господа», – говорил он, кланяясь на все стороны, как Пугачев перед казнью»* [Л. Юзефович «Князь ветра»].

В русском языке с именем *Льва Толстого* ассоциируется человек, который променял удобства и комфорт городской жизни на жизнь в деревне. Например, *«[Агафон Ильич Харитонов, муж, отставной военный] Жить поедем в деревню. [Мила, жен, проститутка] Ты прям как Лев Толстой. [Агафон Ильич Харитонов, муж, отставной военный] А ты откуда про Толстого слышала?»* [А.А. Образцов «Отцовская жилка»]

Чтобы учиться в Москве, *М.В. Ломоносову* пришлось до неё пешком добираться, в коннотативном значении этого антропонима закрепилась информация о таком поступке будущего ученого. Приведем пример. *«– Я, было время, думал: хоть пешком в Москву уйду, как Ломоносов»* [М. Вишневецкая «Вышел месяц из тумана»]. Как и тот факт, что во время учебы нередко ему приходилось голодать, так как он был бедным. *«Не для того он тут голодал, как Ломоносов, чтобы назад, в деревню, в глушь, в Саратов, к тётке!»* [Т. Соломатина «Девять месяцев, или “Комедия женских положений”»]

Няня *Арина Родионовна* рассказывала А.С. Пушкину сказки, которые потом легли в основу его произведений. Эти фоновые знания закрепились за антропонимом няни и вошли в его коннотативное значение. *«Между тем, возобновив хождение по кабинету, он стал рассказывать о своей бабушке в Биробиджане, которая, как Арина Родионовна, еще в детстве прочла ему всего Самуила Яковлевича Маршака»* [В. Слипенчук «Зинзивер»].

Феномен использования антропонимов для характеристики поведения и поступка человека в китайском языке не отмечен. Делать маневр с открытым городом (空城计) – это известное всем китайцам поведение и сюжет в классическом романе «Троецарствие» Чжугэ Ляна (сюжет романа таков: оказавшийся в осаждённом городе с горсткой воинов перед лицом огромной армии, приказал воинам открыть все ворота, взять метлы и подметать улицы, сам же уселся на

городской стене и заиграл на лютне; противник, заподозрив неладное, отступил.), а сегодня в китайском языке это выражение стало устойчивым сочетанием с переносным значением 'обман противника ложной демонстрацией силы', а субъект поведения стал известным всем китайцам фоновым знанием этого выражения и скрывается при употреблении. Таким образом, коннотативное значение русских антропонимов, указывающее на поведение и поступок человека, является отличительной чертой.

Интересно отметить, что воплощение разнообразных типов поведения и поступков человека нашло свое отражение только в русских коннотативных антропонимах.

Отношения в обществе

Отношения в обществе объединяют характеристики отношений между людьми и различные виды этих отношений, которые позволяют людям достигать своих целей.

1) Отношения в обществе между людьми

Личность как член общества связана разными отношениями с другими людьми, как негативным (обман, предательство), так и позитивным (дружба, преданность). Аналогично коннотативные значения русских антропонимов характеризуют такие отношения людей в обществе, как позитивные и негативные отношения между мужчиной и женщиной, обман, ложь, лицемерие, предательство и верность, отношение к значительным особам и руководству, заботливость, вражда и дружба, самоотверженность и героизм.

Рассмотрим коннотативные значения русских антропонимов, характеризующих отношение в обществе, в большой степени негативное отношение.

Отношения между мужчиной и женщиной

В русском языке большинство коннотативных антропонимов характеризуют хаотичные отношения между мужчиной и женщиной.

Дон-Жуан – рыцарь-повеса в средневековой легенде, образ которого получил

развитие во многих произведениях мировой литературы, и в русском языке стали называть *Дон-Жуаном* искателей чувственных наслаждений, жуиров, повес, соблазнительей, искусителей, волокит. Приведем пример. *«Даже ее шафер, известный всей губернии бонвиан и Дон-Жуан, может пощекотать ее гордость ...»* [А.П. Чехов «Драма на охоте»]

Благодаря своей книге «История моей жизни» итальянский авантюрист, путешественник и писатель Джакомо **Казанова** (1725–1798 гг.) настолько прославился своими многочисленными любовными похождениями, что фамилия **Казанова** стала именем нарицательным и теперь употребляется в коннотативном значении ‘ловелас, соблазнитель женщин; неумный любовник’. Например, *«Полина повернула ко мне свое лицо, и я увидел, что она вот-вот заплачет. – Послушай, ты, Казанова недоделанный!.. Где ты был со своим домиком год назад, а?»* [Д. Ульянов. Инопланетяне // «Волга», № 5-6, 2012]

Роман английского писателя С. Ричардсона «Кларисса Гарлоу» (1747–1748 гг.) был очень популярен в своё время. В нем молодой и беспринципный аристократ Роберт **Ловелас** делал вид, что влюблен в бедную девушку Клариссу, но на самом деле у него был коварный план. Ловелас несколько раз пытался завладеть целомудрием Клариссы, но она решительно отвергла его. В конце концов он при помощи снотворного добился своей грязной и бесстыдной цели, ввиду этого его фамилия стала именем нарицательным (произошла деономизация), вошла в словари общеупотребительной лексики русского языка и приобрела коннотативное значение ‘волокита, франт-обольститель’. Например, *«Самое время, чтобы задуматься о состоянии отношений. Ему – 48. Ей-22. Он – владелец самого дорогого ресторана в Нью-Йорке и неисправимый ловелас. Она – будущий, хотя будущего у неё нет, дизайнер. Каждое знакомство он начинает с фразы о том, что не может дать ничего, кроме коротких и приятных отношений»* [А. Ковалева. Миллионы, женщины и смерть // «Известия» 27.12.2002].

Магдалина – это Мария Магдалина в Библии (вариант Мария из Магдалины), в Евангелии нет ни слова о том, что она была продажной женщиной, но клеймо распутницы на Марию Магдалину наложили спустя пятьсот лет после зарождения

христианства. Постоянное внимание художников, композиторов, писателей к сюжету о покаявшейся блуднице Марии Магдалине укрепило этот образ в народной памяти, поэтому имя Магдалина приобрело коннотативное значение в русском языке ‘распутная женщина, падшая женщина; проститутка’. *«У кутил, у этих мужских магдалин, есть тайное чувство сознания невинности, такое же, как и у магдалин-женщин, основанное на той же надежде прощения. “Ей всё простится, потому что она много любила, и ему всё простится, потому что он много веселился”»* [Л.Н. Толстой «Война и мир»].

Мессалина – это третья жена римского императора Клавдия (17–48 гг.), прославившаяся распутством, имя которой приобрело коннотативное значение: а) ‘ветренная, чувственная женщина; жрица любви’, например, *«Вина сына для вас под вопросом, разве только вы недовольны его ночным отсутствием, но вина девочки не вызывает сомнений. Ах эта юная Мессалина! Немедленно все прекратить!»* [Т. Иванова. Первая любовь // «Семейный доктор» 15.05.2002]; б) ‘продажная женщина, проститутка’, например, *«Знаю 33-летнего преуспевающего бизнесмена, который развелся и не намерен жениться. Все что ему нужно (и по заказу, и даже сверх того), он получает от общения с юными мессалинами из фирм с нежными, источающими тревожащий аромат порока, названиями»* [«Труд» 24.05.1994].

Лолита – это короткая и производная (уменьшительно-ласкательная) форма личного имени героини романа В. Набокова «Лолита». У главного героя Гумберта своеобразная страсть – безумно любить девочек в возрасте от девяти до четырнадцати лет. Мишенью стала 14-летняя дочка хозяйки дома **Лолита**, которая в нездоровых отношениях с Гумбертом не является пассивной жертвой, а активно дразнит главного героя, как взрослая женщина, поэтому имя **Лолита** приобрело коннотативное значение ‘легкомысленная девочка-подросток; нимфетка’. Например, *«– Я вам не нимфеточка, я вам не Лолита!»* [Е. Белкина «От любви до ненависти»]

В русском языке можно назвать **Альфонсом** из комедии А. Дюма-сына «Мосье Альфонс» мужчину, которого содержит женщина, он живет на ее деньги, а женщина при этом может заниматься любой работой. Приведем пример. *«Одни утверждают,*

*что ты сутенер и что тебя Циля Яковлевна и Анна содержат, другие – напротив – говорят, что ты содержишь Анну и Цилю Яковлевну, и они заставляют тебя шить брюки, шить все больше брюк... – Боб смеется. – Во-первых, мужчина, живущий за счет женщины, называется **альфонс**, сутенер – это тот, кто заставляет женщину проституировать» [Э. Лимонов «Молодой негодяй»].*

В трагедии В. Шекспира «Отелло» рассказывается трагическая история причинения вреда другим и самому себе из-за слепой ревности главного героя Отелло. В этой связи имя **Отелло** в русском языке получило коннотативное значение ‘слепой ревнивец’ и выражает плохое отношение к другим – ревность. Приведем пример. *«А главное – он был таким ревнивым, что **Отелло** по сравнению с ним просто мальчик! Скорсезе запирали жену дома, не пускали ее одну на улицу, прослушивали телефонные разговоры, мучили допросами, устраивали скандалы...» [Ю. Пешкова. Одиночество Изабеллы // «Домовой», №3, 04.03.2002]*

Пенелопа – это имя жены Одиссея, главного героя поэмы Гомера «Одиссея». После того, как Одиссей ушел на Троянскую войну и исчез, она ждала его 20 лет, не выходя повторно замуж, и пыталась избавиться от всех видов принуждения и соблазна. Ввиду этого Пенелопа стала символом высшей степени супружеской верности, и в русском языке можно назвать Пенелопой верных и преданных жен. Приведем пример. *«А **Пенелопа**, как и прежде, верна, но у него колдовская пелена на глазах, он проваливается глубже и глубже в дурное видение!» [А. Белозеров. Люди до востребования // «Волга», № 3-4, 2012]*

Имя девушки **Джульетта** из драмы В. Шекспира «Ромео и Джульетта» употребляется в русском языке в коннотативном значении ‘пылко любящая девушка’. Например, *«Во второй смене восемнадцатилетний вожатый воспылил чувствами к четырнадцатилетней пионерке и не смог этого скрывать. Расплата последовала немедленно – его уволил, “**джульетту**” пожурили» [«Аргументы и факты», № 31, 1997].* Здесь оно стало нарицательным существительным, произошла деономизация.

В китайском языке есть и **Чэнь Шимэй** как олицетворение коварного изменника, и **Цинь Сянлянь** (кит. 秦香莲, кит. qín xiānglián, жена Чэнь Шимэя) как

борец с коварным изменником, и китайский Дон-Жуан по имени *Дэнту Цзы* (кит. 登徒子, пиньинь dēngtú zǐ, персонаж оды Сун Юя о сексуально одержимых людях) и *Люся Хуэй* (кит. 柳下惠, пиньинь liǔxià huì, VII в. до н. э., государственный деятель, дафу (大夫) княжества Лу (魯)) как мужчина, действующий честно, без грязных мыслей и намерений в отношении женщины, находясь с ней рядом, и *Пань Цзиньянь* (кит. 潘金莲, пиньинь pān jīnlián, женский персонаж в двух романах «Речные заводи» и «Цветы сливы в золотой вазе» (金瓶梅)) как воплощение коварной, похотливой красавицы и неверной жены, и *Симэнь Цин* (кит. 西门庆, пиньинь xīmén qìng, блудник Пань Цзиньянь) как воплощение развратного блудника, и *У Далан* (кит. 武大郎, пиньинь wǔdàláng, муж Пань Цзиньянь) как мужчина, жена которого изменила ему, и *Хун-нян* (кит. 红娘, пиньинь hóngniáng, служанка героини в драме «Западный флигель» (西厢记)) как сводня, и *Цзи-чан* (кит. 季常, пиньинь jìcháng) как символ подкаблучника, прозвище Ванлаоу (кит. 王老五, пиньинь wánglǎowǔ, персонаж одноименного фильма) как воплощение холостяка, *Сяоцяо* (кит. 小乔, пиньинь xiǎoqiáo, жена Чжоу Юя во время Троецарствия) как воплощение милосердной, нежной и красивой невесты.

Обман, ложь и лицемерие

Остап Бендер – самый знаменитый литературный аферист, авантюрист, созданный в романах И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок», ввиду этого он стал олицетворением предприимчивого мошенника, авантюриста. В примере «*Прописка живет и побеждает: человека, которому с точки зрения милиции зарегистрироваться у знакомых «не положено», другой милиционер за некоторую мзду регистрирует у кого-нибудь из пожилых людей, ни сном ни духом об этом не ведающих. Успех дела Остапа Бендера пришелся по вкусу не только милиции*» [«Известия» 12.05.2002] антропоним Остап Бендер используется для обозначения мошенника. Во втором примере «*Впрочем, Олег Романцев – это не Фунт, а скорее, Остап Бендер, такой авантюрист новейшего российского футбола*» [«Совершенно секретно» 07.07.2003] он употребляется в

коннотативном значении ‘авантюрист’.

Когда *Иуда* предавал Иисуса Христа, он поцеловал его и таким образом подал знак солдатам: «кого поцелую, тот и есть», так появилось выражение «поцелуй Иуды», а антропоним стал олицетворением лицемера, ханжи, фарисея. Приведем пример. *«Не верьте этим иудам, хамелеонам!»* [А.П. Чехов. «Двое в одном»]

Говорящая фамилия *Вральман* образована от русского слова *враль* – врун, обманщик, и немецкого слова *mann* – ‘человек’, поэтому происхождение фамилии лежит в основе образа *А. Вральмана* в комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль». Невежественный немецкий кучер стал гувернером недоросля Митрофанушки, сына помещиков Простаковых, его задача состоит в том, чтобы учить Митрофанушку по-французски и всем наукам, на самом деле он ни французского языка, ни каких-либо наук не знает. В связи с этим фамилия *Вральман* стала именем нарицательным и олицетворяет хвастливого, амбициозного лгуна и мошенника: *«Кажется, уж я никому ничего не обещаю, но все артисты всегда мне говорят, что я обещал. Тут, в Москве, поступивши в театр, я сделался вральманом»* [В.А. Теляковский «Дневники Директора Императорских театров»].

Чичиков в романе Н.В. Гоголя «Мертвые души» ездил по России и занимался приобретением так называемых «мертвых душ» для заклада их как живых, чтобы продать их государству и заработать деньги, отсюда получилось коннотативное значение этого антропонима ‘пронырливый карьерист, подхалим, аферист и стяжатель’. *«Все так: герои проявляют «неуемное плутовство, как Чичиков из «Мертвых душ», сюжет прихотлив и извилист (есть даже элементы фэнтези, ох, не люблю я это словечко)»* [В. Пригодич. Очень весёлая книга, или Очень грустная книга // Интернет-альманах «Лебедь», 19.10.2003].

Предательство и верность

Коннотативное значение антропонимов Павлик Морозов и Иуда основывается на фоновых знаниях о поступке этих людей – об их предательстве.

13-летний пионер *Павлик Морозов* (1918-1932 гг.) доносил на своего отца властям и был убит своей семьей, отсюда получилось коннотативное значение этого антропонима ‘доносчик и предатель’. Приведем пример. *«А если твой папа твою*

маму убьет, ты будешь об этом кричать на каждом углу и требовать, чтобы папу к стенке поставили? Я не **Павлик Морозов**. Повисла пауза» [А.А. Голицын. Ящик. История одного шоу // «Волга», № 7-8, 2009].

По легенде в Библии ученик Иисуса Христа **Иуда** за 30 сребреников предал своего учителя, отсюда произошло коннотативное значение имени этого имени ‘предатель, изменник’. Приведем пример. «*Пьер рассказал, как во время путча-1993 договорился взять интервью у Лимонова и целую ночь шлялся вокруг Белого дома, созерцая старушек с лозунгами типа ‘Ельцин — **иуда**, продал Россию!’*» [А. Дельфинов. Лимонка в Лимонова // «Частный корреспондент» 2011].

В китайском языке антропоним *Сыма Чжао* (кит. 司马昭, пиньинь sīmǎ zhāo, 211-265 гг., военачальник и политический деятель времён государств Цао-Вэй, основателя государства Западная Цзинь) употребляется для обозначения честолюбца-предателя, а знаменитый воин и полководец периода Троецарствия *Люй Бу* (кит. 吕布, пиньинь lǚ bù) из-за совершения нескольких предательств стал символом вероломного предателя.

В романе испанского писателя Сервантеса Сааведра «Дон Кихот» **Санчо Панса** является верным слугой Дон-Кихота, поэтому в русском языке можно назвать верных помощников, компаньонов Санчо Пансой, например, «*Снимались у медведя – и вдруг появился Жос, с рюкзаком и гитарой! – Та-ак! – Фома глянул на меня. – Твой Санчо Панса...*» [В. Попов. «Ты забыла свое крыло» // «Октябрь» 2013].

Отношение к значительным особам и руководству

Добчинский – фамилия персонажа комедии Н.В. Гоголя «Ревизор», коннотативное значение его фамилии ‘человек, исполненный мелкого тщеславия, стремящийся быть всегда на виду, вблизи значительных особ’. Коннотативным синонимом этой фамилии является Бобчинский, его постоянный спутник, сравните: «*Виктору и не нужно ничего специально играть – он сам по жизни **Бобчинский** и **Добчинский** в одном лице*» [М. Шишкин. Венерин волос // «Знамя» 2005].

Фамилия секретаря Фамусова в комедии «Горе от ума» А.С. Грибоедова **Молчалин** происходит от глагола *молчать*, очевидно, и выражает его основную

черту – «бессловесность». Этот человек не имеет своего мнения, он подличает перед Фамусовым бескорыстно, подличает из соображений выгоды, поэтому русские читатели презрительно называют **Молчалиным** льстецов, подхалимов, послушных исполнителей всех распоряжений руководства, даже самых нелепых, например, «*Столинский – вполне Молчалин, хотя всегда говорит социалистическими фразами Жореса и пишет в день по фельетону...*» [М.М. Пришвин «Дневники»]

Заботливость

Благодаря стихотворениям и письмам А.С. Пушкина, посвященным няне Арине Родионовне, который на всю жизнь сохранил к ней трогательное и любящее отношение, она стала самой знаменитой няней в русской истории. Для того, чтобы выразить свою положительную оценку, носители русского языка могут назвать заботливых нянь, воспитательниц *Ариной Родионовной*, например, «*Она, как владимирская бабушка или мамка, стояла на выходе из моего детства, будто приехала в столицу присматривать за ним. У всех были свои Арины Родионовны, у меня – эта*» [А. Вознесенский «На виртуальном ветру»].

Вражда и дружба

Монтекки и Капулетти – это фамилии двух враждующих семейств в трагедии В. Шекспира «Ромео и Джульетта». Эти антропонимы закрепились в русском языке с коннотативным значением ‘непримиримые враги, противоборствующие, враждующие стороны’, которое отражает враждебные отношения между людьми, например, «*Строгановы и Демидовы... Оба рода канули в вечность, навсегда оставшись друг против друга, как Монтекки и Капулетти*» [А. Иванов «Message: Чусовая»].

Пат и Паташон – это неразлучная пара друзей в немых фильмах, эстрадных и цирковых номерах 10–20-х гг. XX в. Эти персонажи пользовались широкой популярностью по всей Европе, в том числе в России. Коннотативное значение этих антропонимов ‘неразлучные друзья’ выражает дружеские отношения между людьми. Приведем пример. «*И я тогда, как Пат и Паташон, был неразлучен со*

своей тенью» [Е. Винокуров. «Вдвоем с тенью»]. В период Чуньцю (770–476/403 гг. до н.э.) знаменитый музыкант *Юй Боя* (кит. 俞伯牙, пиньинь yú bóyá) играет на гуцинь (古琴), а дровосек *Чжун Цзыци* (кит. 钟子期, пиньинь zhōng zǐqī) наслаждается, хвалит его музыку. По легенде, когда Чжун Цзыци умер, Юй Боя разбил инструмент и никогда больше не играл. Отсюда появилось выражение *знаток музыки* (知音, люди, которые понимают друг друга и имеют общий язык), которое превратилось в наивысший стандарт оценки близких друзей в Китае, а *Боя* и *Цзыци* стали примерами близких друзей. Таким образом, способ выражения дружбы между *Патом и Паташоном* заключается в близости в пространстве, а способ выражения дружбы между *Боя и Цзыци* – в взаимопонимании.

Самоотверженность, героизм

Герой Советского Союза *Александр Матвеевич Матросов* (1924-1943 гг.) закрыл своим телом амбразуру пулеметного дзота в феврале 1943 году. Ввиду этого в русском языке за антропонимом Матросов закрепился героический поступок человека – броситься вперёд всем телом, чтобы что-то закрыть собой, заблокировать своим телом. Приведем пример. *«Нина, как Александр Матросов, кинулась на амбразуру, прижала отошедшую доску своими голубоватыми пальцами»* [Л. Улицкая «Зверь»]. Благодаря своему героическому поступку А.М. Матросов стал известен во всем Советском Союзе. И сейчас в русском языке можно называть *А.М. Матросовым* самоотверженного человека, героя. *«Но ведь нельзя забывать о колоссальном качестве в русской диаспоре безвестных матросовых – учителях русских школ, актерах русских театров, хранителях музеев, которые, не требуя к себе специального внимания, ежедневно совершают подвиг спасения русского языка, русской культуры, собственно русского этноса там, на чужбине»* [Е. Костин. Россия и русская диаспора. // «Литературная газета» 11-17.06.2003]. В китайской истории было подобное А.М. Матросову лицо – это китайский народный доброволец *Хуан Цзигуан* (кит. 黄继光, пиньинь huáng jìguāng 1931–1952 гг.), который во время сопротивления американской агрессии грудью бросился на пулемёт врага, чтобы остановить стрельбу.

Таким образом, коннотативные значения антропонимов, характеризующие отношения между мужчиной и женщиной, в китайском языке проявляются более, разнообразно, чем в русском языке, в двух языках коннотация антропонимов касается предательства, дружбы, самоотверженности и героизма. Коннотативные значения русских антропонимов еще характеризуют такие отношения людей в обществе, как обман, ложь, лицемерие, верность, отношение к значительным особам и руководству, заботливость, вражда.

2) Человек в политической и общественной жизни

Государственные и общественные деятели

Коннотативные значения антропонимов могут характеризовать человека как политическую фигуру.

Председатель домком *Швондер* в повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» является администратором-чиновником, он выдал документы бывшему псу Шарикю на имя П.П. Шарикова, устроил Шарикова работать в службе отлова уличных животных, принуждал профессора Преображенского прописать Шарикова в квартире. Фамилия *Швондер* в русском языке употребляется в коннотативном значении 'бюрократ'. Например, «*Очень интересно, какой Швондер давал ему рекомендацию в очистку, потому что бежать сейчас на Украину и вступать в тероборону, это нужно быть отъявленным имбецилом*» [Н. Еременко. Пятая колонна. Высокий чин из Газпрома оказался патриотом Украины и вступил там в тероборону // «Политнавигатор» 27.04.2022]

Имя французского императора Наполеона *Бонапарта* употребляется в русском языке в коннотативном значении 'честолюбивый диктатор, завоеватель', «*Кто такой Адылов? Демон, злой гений Гурумсарая, аграрно-промышленный Бонапарт?*» [«Литературная газета» 20.01.1988]; а фамилия *Наполеон* употребляется в русском языке в коннотативном значении 'единоличный властитель, диктатор начальник, распорядитель с диктаторскими замашками', «*Тогда полицейский Наполеон Жерсея велел выехать всем протестовавшим*» [А.И. Герцен «Былое и думы»].

Французский философ *Вольтер* был известен как «Король французской

мысли», «совесть Европы» и выступал за просвещенную монархию и подчеркивал свободу и равенство, отсюда в русском языке его именем могут назвать либерала, вольнодумца. Например, *«Собираюсь его под суд отдать! Хе-хе-хе... Либерал! Вольтер, можно сказать!»* [А.П. Чехов «Герой-барыня»].

Коннотативные значения антропонимов могут отражать роль человека в политической жизни, а в китайской культуре их оказывается гораздо больше, чем в русском языке. В китайской истории были и мудрые императоры, такие, как *Яо* и *Шунь* (кит. 尧舜, пиньинь yáo shùn, легендарные первые императоры Китая), и тираны, такие, как *Цинь Шихуан* (кит. 秦始皇, пиньинь qín shǐhuáng, основатель династии Цинь, 259—206 гг. до н.э.), *Цзе* и *Чжоу* (кит. 桀纣, пиньинь jié zhòu последние правители династии Ся и династии Шан), диктаторы, такие, как *Юань Шикай* (кит. 袁世凯, пиньинь yuán shìkǎi, 1859–1916 гг., военный и политический деятель эпохи Цин, первый президент Китайской республики, император Китая) и *Цинь Шихуан*, мудрые чиновники, такие, как Чжоу-гун (кит. 周公, пиньинь zhōugōng, один из основателей династии Чжоу) и др.

Отношение к родине: патриотизм

А.В. Суворов (1730—1800 гг.) и *М.И. Кутузов* (1745—1813 гг.) являются великими русскими полководцами, они внесли существенный вклад в защиту России, по этой причине в русском языке их именами называют тех, кто защищает родину. Например, *«Есть ли у нас сегодня свои Кутузовы, Суворовы, которые за Россию готовы отдать жизнь? — Есть. Но какой парадокс. У нас если человек патриот, ему сразу прилипают клички “националист”, “шовинист”»* [О. Шаблинская «Интервью с И. Глазуновым. Грядет тоталитарная демократия» // «Аргументы и факты», № 6, 2006].

Коннотативные значения антропонимов, характеризующих отношение к родине, регулярно обнаруживается в китайском и русском языках. Однако в китайском языке известны и антропонимы *Цинь Хуэй* и *Юань Шикай* как символы государственной измены, и антропонимы *Цюй Юань* (кит. 屈原, пиньинь qū yuán, ок. 340–278 до н. э., первый среди великих китайских поэтов), *Юэ Фэй* (кит. 岳飞, ок. 1103–1142, полководец)

пиньинь уиè fēi, 1103–1141 гг. возглавил оборону страны от вторжения чжурчжэней) как эталон патриотизма.

Преступление

Согласно Евангелию, префект Иудеи **Понтий Пилат** несколько раз допрашивал Иисуса и под давлением еврейских религиозных старейшин, которые ненавидели Иисуса, приговорил его к распятию. Пилат умыл руки, чтобы показать, что он не несет ответственности за казнь Иисуса, и неохотно отправил его на распятие. Культурное маркированный антропоним *Понтий Пилат* в русском языке употребляется в значении ‘грешник, который делает грязную работу чужими руками или хочет снять с себя ответственность’. Приведем пример. *«Администрация Свердловской магистрали, как **Понтий Пилат**, прикрываясь мнением коллектива, хочет сводить счеты с неудобными работниками своими руками», — заявил “Ъ” господин Храмов. [Железнодорожникам запретили судить по-товарищески// «Коммерсант» 08.2007]*

Отношение обладания, собственности и богатства

Считается, что последний царь Лидии (страна на западе Малой Азии) **Крез** был одним из первых, кто начал чеканить монету, установив стандарт чистоты металла, поэтому он славился своим богатством. **Ротшильд** – это фамилия одного из представителей финансовой группы Ротшильдов в Западной Европе, основателем которой был М.А. Ротшильд (XVIII в. Франция). **Рокфеллер** – это фамилия представителя финансовой группы Рокфеллеров в США в XIX в., основателем которой был Джон Рокфеллер-старший (1839–1937 гг.). Таким образом, культурно маркированные антропонимы *Крез* и *Ротшильд* стали символами богатства в русском языке, а *Рокфеллером* называют богатых людей, крупных преуспевающих капиталистов. Приведем примеры. *«– Нет, вы только посмотрите на него! – обращалась она за поддержкой к деду. – Какой **Крез** или просто **Ротшильд**» [В. Максимов «Прощание из неоткуда»]. *«Через несколько дней, заняв деньги у знакомых, наш герой заплатил за ремонт автомобиля, чем еще больше поразил губернского **рокфеллера**» [«Комсомольская правда» 30.09.1995].**

В «Одиссее» Гомера был нищий **Ир**, чье имя стал символом нищего, отсюда получилась идиома «беден, как Ир». «Выходя из дому с деньгами или из книжной лавки, куда он являлся для получения денег на крайние домашние нужды, он возвращался бедный, как **Ир**, и всегда довольный» [И.И. Лажечников «Новобранец 1812 года»].

В коннотативные значения русских антропонимов входит стандарт богатства и бедности, а в китайской культуре только стандарт богатства. В китайской истории **Фань Ли** (кит. 范蠡, пиньинь fàn lì, 536–448 до н.э., советник в правительстве царства Юэ, его другое имя – **Тао Чжу-гун** (陶朱公)) был одним из первых теоретиков торговли. Он много работал в своей жизни, был богат как целая страна, смог распределить деньги, чтобы помочь бедным и оставался равнодушным к славе и богатству. Благодаря хорошему имиджу торговца, а также огромному влиянию бизнес-мысли и теории, после его смерти будущие поколения постепенно стали почитать его как «Шан Шэна» ('совершенный мудрец-торговец') и он сделался символом богачей, отсюда получился фразеологизм «богатый, как **Тао Чжу**» (富比陶朱).

Религиозное верование

Магомет – это одна из форм имени основателя ислама **Мохаммеда** или **Мухаммеда**, почитаемого пророком, в силу этого имя Магомет употребляется в коннотативном значении 'мусульманин', указывающем на вероисповедание человека. Приведем пример. «– Прочь, хочу в татар креститься, в **Магометы** хочу, пустите!» [М. Горький «Дело Артамоновых»]

В 1259 г. Золотая Орда отделилась от Монгольской ханства и стала полностью независимой страной, в начале XIV века она перенесла свою столицу в город Сарай-Берке и приняла ислам в качестве государственной религии. **Мамай** (1335–1380 гг.) как правитель Золотой Орды и предводитель татар во время Куликовской битвы в 1380 г. широко известен русским людям, поэтому имя **Мамай** в русском языке приобрело коннотативное значение 'представитель народов, исповедующих ислам (чаще – татар)', указывающее вероисповедание человека. Приведем пример. «Как

и остальных горцев, он всех их назвал “**мамаями**”, словно каких-нибудь казанских или самарских татар» [А. Титов «Лето на водах»].

В русском языке библейское имя **Мария** употребляется в русском языке в коннотативном значении ‘духовное начало в человеке; «небесный путь служения»’. Например, «*Все наше восстание – **Мария** без Марфы, душа без тела. И не мы одни, – все русские люди такие же: чудесные люди в мыслях, а в деле – квашни, размазни, точно без костей мягкие*» [Д.С. Мережковский «Царство зверя»].

Судьба

Потемкин был известным государственным и военным деятелем, фаворитом и ближайшим помощником Екатерины II, поэтому по его достижениям в политической жизни А.П. Чехов окказионально называет его именем баловня судьбы, человека попавшего «из грязи в князи», т.к. **Потемкин** происходил из небогатого рода поместных дворян, например, «*Во-первых, я “счастья баловень безродный”, в литературе я **Потемкин**, выскочивший из недр “Развлечения” и “Волны”, я мещанин во дворянстве ...*» [А.П. Чехов «Из письма А.С. Лазареву-Грузинскому от 20 окт.1888 г»].

Сложность межличностных отношения и разнообразие отношений в политической и общественной жизни обнаруживаются в коннотативных антропонимах обоих языков, только фокус внимания обоих языков разный.

Выводы по главе 3

1) Идеографический подход к изучению и описанию языковых знаков имеет длительную традицию в русской и зарубежной лексикологии и лексикографии. Накоплен большой опыт создания идеографических словарей. Структура идеографического словаря обязательно отражает один из компонентов национальной языковой картины мира.

2) Идеографическая классификация коннотативных антропонимов имеет тематическую ориентацию, т.е. в пределах одной понятийной группы коннотативные антропонимы расположены на основе семантической близости. Описание и идеографический анализ коннотативных значений антропонимов

русского языка имеет своей целью создание таксономической модели культурно-национального мировидения.

3) Коннотативные значения русских и китайских антропонимов в нашем исследовании в основном касаются понятийного класса «Человек», немного – понятийного класса «Вселенная» (в части «Вещи»).

4) Коннотативные антропонимы, входящие в понятийный класс «Человек», целесообразно распределить на такие классы: 1) человек как живое существо (внешний облик, условия проживания и состояние жилища, здоровье и потребность в одежде); 2) человек как разумное существо (способности, черты характера, сознание и чувства); 3) человек как общественное существо (деятельность и отношения человека в обществе). Они отражают сущность человека, способы его жизнедеятельности и отношения в социуме.

5) Понятийный класс «Человек как живое существо» как в русском, так и в китайском языках содержит культурно маркированные антропонимы, характеризующие эталоны женской и мужской красоты, возраст, детали внешности, здоровье, условия проживания и состояние жилища. Только среди русских коннотативных антропонимов найдены такие, которые могут описывать голос, фигуру, улыбку, язык и потребность человека в одежде.

6) Понятийный класс «Человек как разумное существо» содержит коннотативные антропонимы, характеризующие человека с точки зрения интеллекта, отношения к труду, языковой способности, инновационного потенциала и др. Культурно маркированных антропонимов, указывающих на отношение к другим людям, к труду, к собственности, материальным ценностям и к себе, а также характеризующих чувства и сознание человека, в русском языке больше, чем в китайском.

7) К понятийному подклассу «Человек как общественное существо» можно отнести коннотативные антропонимы, характеризующие человека по его роду деятельности, поведению и поступкам, и его отношениям в обществе. Отличительным признаком русских культурно маркированных антропонимов является их способность характеризовать человека по роду деятельности,

поведению и поступкам.

8) Что касается отношений человека в обществе, то здесь у русских и китайских коннотативных антропонимов есть своя специфика. Коннотативных значений антропонимов, характеризующих отношения между мужчиной и женщиной, а также государственных и общественных деятелей, в русском языке оказывается меньше, чем в китайском языке. И в русском, и в китайском языках есть такие коннотативные значения антропонимов, которые характеризуют предательство, дружбу, отношение к родине, стандарт богатства. В отличие от китайского языка, в русском языке культурно маркированные антропонимы могут употребляться для характеристики таких отношений между людьми, как обман, ложь, лицемерие и мошенничество, вражда и ревность; отношения к значительным особам и руководству; стандарта бедности; религиозного верования и судьбы человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Связь языка и культуры естественна и обязательна: национальный язык является носителем национальной культуры. Материальная и духовная культура народа воплощаются в языке. Национальный характер культуры отражен в языке посредством особого видения мира. Двигаясь по пути развития национального языка, мы глубоко воспринимаем и особую национальную ментальность, и современные условия жизни народа, и мировидение предшествующих поколений, и общество, и самих себя. Язык выступает как зеркальное отражение других культур, как инструмент передачи, сохранения и наследования культуры. Мы находим яркие следы и открываем тайны прошедших веков в разных языковых единицах, в том числе и антропонимах. Такое взаимодействие языка, культуры и общества воплощено в теории языковой картины мира и характерны для каждой отдельной языковой каины мира.

Антропоним – это языковой идентификационный признак индивидуума в обществе, предписываемый общественной группой своим членам. Антропонимы появляются и функционируют благодаря национально-культурному фону, их культурные атрибуты отражены в сложных отношениях между историей страны, национальными традициями, культурным сознанием, политикой и языковой модой и др. Всякой антропонимической системе присуща национально-культурная специфика, которая отчетливее проступает сквозь призму антропонимической системы другого народа.

Русская антропонимическая система демонстрирует национально-культурную специфику русского народа, развивается и изменяется по мере развития русской и мировой культуры. Коннотативные антропонимы оказываются культурно маркированными, представляя собой лучшие образцы коннотативных языковых единиц и эффективный и экономный способ выражения мысли и оценки говорящего к обозначаемой реалии, так как очень часто их эмоциональный, оценочный и стилистический компоненты тесно связаны друг с другом.

Сопоставление особенностей зарождения и эволюции русской и китайской

антропонимических систем позволяет нам заметить сходство и уникальность в историческом, социальном и культурном развитии двух народов. Сходство и различия в коннотативных значениях антропонимов в двух языках отражает сходство и различия систем человеческих ценностей двух народов. Разная оценка, например, одного и того же явления или поступка показывает, что у каждого народа есть своя система человеческих ценностей, люди одинаково реагируют на одни обстоятельства жизни и совсем по-разному – на другие. Именно эта разница в историческом, социальном и культурном развитии, в эмоциональной реакции и в жизненных приоритетах делают каждый народ уникальным.

С помощью идеографического анализа русских культурно маркированных антропонимов появляется возможность четко охарактеризовать сложность и многообразие человека как живого, разумного и общественного существа, понять оценочные отношения русского народа к человеку со разных сторон, создать таксономическую модель национально-культурного мировидения русского народа, описать фрагмент «картины мира» русского человека.

Идеографическая классификация коннотативных антропонимов может использоваться при составлении идеографического словаря, в ономастических (включая антропонимические) исследованиях, а также в работах по лингвокультурологии, лингвострановедению, межкультурной коммуникации. Идеографический подход при сравнении русской и китайской антропонимических систем может применяться при изучении русской антропонимики в сравнении с другими иностранными языками, а также при изучении коннотативных значений других типов собственных имен. Практическая часть проведенного исследования может быть интересной и полезной для будущих специалистов по русскому языку – филологов, журналистов, учителей, переводчиков, – как носителей русского языка, так и иностранцев.

Русская антропонимика представляет собой обширное поле для дальнейших исследований. Национально-культурная специфика русских обращений, прозвищ, никнеймов, патронимов, родовых имен, криптонимов, правила наречения именем новорожденного на фоне китайской лингвокультуры, когнитивный и

семантический анализ антропонимов в русских и китайских фразеологизмах – вот лишь некоторые из перспективных направлений дальнейшего изучения этой темы.

В качестве одной из форм реализации идей и результатов настоящего исследования в перспективе мог бы стать национально–ориентированный лингвострановедческий учебный словарь для китайских граждан, изучающих русский язык. Концепцию подобного словаря в частности разрабатывают для граждан Вьетнама, изучающих русский язык, в рамках Гранта РЦНИ совместно с вьетнамскими коллегами, учёные из Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**Научная и учебно-методическая литература**

1. Авдеев, А. Наречение имени в России / А. Авдеев, А. Блюм, И. Троицкая // Историческая демография: Сборник статей / Под ред. М.Б. Денисенко, И.А. Троицкой. – М.: МАКС Пресс, 2008. С. 210–238.
2. Апресян, Ю.Д. Язык. Семиотика. Культура. Т.2. Интегральное описание языка и системная. / Ю.Д. Апресян. – М.: Шк. “Языки рус. Культуры”, б.г. – 766 с.
3. Апресян, Ю.Д. Коннотация как часть прагматики слова / Ю.Д. Апресян // Избранные труды. Том II. Интегральное описание и системная лексикография. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – С. 156–178.
4. Арнольд, И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учеб. для вузов: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 033200 – "Анг. яз." / И.В. Арнольд. – 4-е. изд., испр. и доп. – Москва: Флинта: Наука, 2002. – 383 с.
5. Багана, Ж. Ономастика и культура: социальный аспект значения ономалексем / Ж. Багана, А.Н. Лангнер // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2008. – № 2. – С. 81–84.
6. Беляев, А.Н. Этноязычность в ономастической номинации / А.Н. Беляев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 2 (56). – С. 58–61.
7. Бердяев, Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. / Н. Бердяев. – М.: Мысль, 1990. – 205 с.
8. Богданова, Л.И. Стилистика русского языка и культура речи: Лексикология для речевых действий [Электронный ресурс]: учеб. пособие / Л.И. Богданова. – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2016. – 248 с.
9. Бондалетов, В.Д. Русская ономастика. / В.Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.
10. Бурвикова, Н.Д. Что же такое логоэпистема? / Н.Д. Бурвикова, В.Г. Костомаров // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия:

Русский язык нефилологам, теория и практика. – 2006. – № 7. – С. 13–17.

11. Буркова, Т.А. Функциональный потенциал имен собственных / Т.А. Буркова // Вестник Башкирского университета. – 2016. – № 3. – С. 760–763.

12. Быкова, О.И. Этноконнотация как вид культурной коннотации: на материале номинативных единиц немецкого языка: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 / Быкова Ольга Ильинична; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2005. – 39 с.

13. Варникова, Е.Н. Ономастика Русского Севера: учебное пособие к спецкурсу / Е.Н. Варникова, Е.Н. Иванова, Н.В. Комлева, С.Н. Смольников (отв. ред.); Мин-во образования и науки РФ; Вологодский гос. пед. ун-т. – Вологда: Легия, 2012. – 72 с.

14. Васильев, Е. Тысяча имён: краткая энциклопедия: 600 мужских и 400 женских имён и вариантов: книга-подарок / Е. Васильев. – М.: ОК Принт, 2015. – 261 с.

15. Введенская, Л.А. От собственных имен к нарицательным: Кн. для учащихся ст. классов сред. шк. / Л.А. Введенская, Н.П. Колесников. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1989. – 143 с.

16. Верещагин, Е.М. Язык и культура. /Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1990. – 269 с.

17. Верещагин, Е.М. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. Под редакцией и с послесловием академика Ю.С. Степанова. – М.: «Индрик», 2005. – 1040 с.

18. Вестфальская, А.В. Оценка и коннотация: современные подходы / А.В. Вестфальская // Язык и текст. – 2015. – Т. 2. – № 3. – С. 3–11.

19. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки. / Е.М. Вольф. – М.: Наука, 1985. – 228 с.

20. Воробьев, В.В. Лингвокультурема как единица поля / В.В. Воробьев // Русский язык за рубежом. – 1994. – № 4 (150). – С. 75-81.

21. Воробьев, В.В. Лингвокультурология / В.В. Воробьев. – М.: Российский ун-

т дружбы народов, 2008. – 336 с.

22. Воропаев, Н.Н. Китай; имена на все времена. Процентные персонажи. Лингвокультурологический словарь-справочник для изучающих китайский язык, культуру, историю, литературу Китая / Н.Н. Воропаев. – 2-е изд., испр. – М.: Издательство ВКН, 2018. – 384 с.

23. Врублевская, О.В. Коннотативные антропонимы политического дискурса в восприятии носителей русского языка: экспериментальное исследование / О.В. Врублевская // Вопросы психолингвистики. – 2019. – № 3 (41). – С. 93–106

24. Врублевская, О.В. Коннотативные топонимы в восприятии современного носителя русского языка: экспериментальное исследование / О.В. Врублевская // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – № 6 (149). – С. 134–140.

25. Галиуллина, Г.Р. Диалог культур в ономастическом пространстве современного полиэтничного города / Г.Р. Галиуллина // Филология и культура. – 2012. – № 2 (28). – С. 32–35.

26. Галиуллина, Г.Р. Татарская антропонимия в лингвокультурологическом аспекте: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.02 / Галиуллина Гульшат Раисовна; Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина. – Казань, 2009. – 43 с.

27. Галиуллина, Г.Р. Функционирование антропонимов в качестве эргонимов в татарском лингвокультурном пространстве / Г.Р. Галиуллина, Р.Б. Бадертдинов // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – Т. 150. – № 8. – С. 101–105.

28. Герасименко, И.А. Основы русской ономастики: учебное пособие / И.А. Герасименко, А.С. Наден. – Горловка: Изд-во ГОУ ВПО «ГИИЯ», 2020. – 137 с.

29. Герасименко, И.Е. Коннотация и динамизм языкового знака / И.Е. Герасименко // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2008. – Т. 59. – № 16. – С. 153–159.

30. Говердовский, В.И. Диалектика коннотации и денотации Текст / В.И. Говердовский // Вопросы языкознания. – 1985. – №3. – С. 71–79.

31. Говердовский, В.И. Динамика коннотации Текст. / В.И. Говердовский //

Эволюция системных характеристик языковых единиц: межвуз. сб. науч. тр. – Самара, 1992. – С. 58–69.

32. Говердовский, В.И. Идеологическая коннотация, речевая практика и лексикография Текст. / В.И. Говердовский // Язык и общество. Отражение социальных процессов в лексике: межвуз. науч. сб. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1986. С. 58–69.

33. Говердовский, В.И. История понятия коннотации Текст. / В.И. Говердовский // Филологические науки. – 1979. – №2. – С. 83–86.

34. Голомидова, М.В. Искусственная номинация в русской ономастике: Монография / М.В. Голомидова. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 1998. – 232 с.

35. Гончарова, Е.А. Коннотация как стилистический феномен языка и текста / Е.А. Гончарова // Известия Смоленского государственного университета. – 2012. – № 3(19). – С. 88–97.

36. Гоюшова, Л.М. Структурные и лексико-семантические особенности систем личных имён в английском, русском и азербайджанском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10:02:20 / Гоюшова Лейла Мазахировна; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2017. – 206 с.

37. Гранкина, М.А. Русские антропонимы как способ приобщения к русской культуре китайских студентов / М.А. Гранкина // В сборнике: Русский язык и ономастика в поликультурном образовательном пространстве Юга России и Северного Кавказа: проблемы и перспективы. Сборник материалов XI Международной научной конференции, посвященной памяти Заслуженного деятеля науки Адыгеи и Кубани, профессора Розы Юсуфовны Намитоковой. – Майкоп, 2017. – С. 157–160.

38. Ахметжанова, Г.А. Антропонимы как хранители культурной информации / Г.А. Ахметжанова, Б.Ш. Баймусаева, К.А. Ниетбайтеги // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 7-2 (18). – С. 30–33.

39. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры: перевод с немецкого языка / Вильгельм фон Гумбольдт / сост., общ. ред. и вступ. статьи А.В. Гулыш, Г.В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.

40. Дмитриев, В.Г. Скрывшие свое имя (из истории анонимов и псевдонимов). / В.Г. Дмитриев. – М.: Наука, 1978. – 312 с.
41. Дмитриева, А.В. Роль прецедентных имен в трансляции антиценностей в текстах российской политической рекламы / А.В. Дмитриева // Политическая лингвистика. – 2021. – № 3 (87). – С. 74-86.
42. Екеева, Э.В. Этническая ономастика как образно-знаковая система национальной культуры / Э.В. Екеева // Сибирский педагогический журнал. – 2008. – № 1. – С. 298–308.
43. Ермолович, Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. / Д.И. Ермолович. – М.: Р. Валент, 2001. – 200 с.
44. Ерофеева, Е.В. Идиомный компонент коннотативного значения слова / Е.В. Ерофеева, Е.М. Сторожева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2009. – № 4. – С. 5–13.
45. Жиленкова, И.И., Левина, Э.М. Теория и практика региональной ономастики: учебное пособие по спецкурсу: в 2 ч. Часть 1. Семантико-словообразовательный анализ антропонимикона Белгородской области / И.И. Жиленкова, Э.М. Левина. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2020. – 87 с.
46. Жиленкова, И.И., Левина, Э.М. Теория и практика региональной ономастики: учебное пособие по спецкурсу: в 2 ч. Часть II. Прецедентные имена в художественно-поэтическом дискурсе / И.И. Жиленкова, Э.М. Левина. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2020. – 84 с.
47. Журавлев, А.Ф. К статистике русских фамилий. I / А.Ф. Журавлев // Вопросы ономастики. – 2005. – № 2. – С. 126-146.
48. Захаренко, И.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И.В. Захаренко, В.В. Красных., Д.Б. Гудков, Д.В. Багаева // В сборнике: ЯЗЫК, СОЗНАНИЕ, КОММУНИКАЦИЯ. / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М., 1997. – С. 82–103.
49. Зинин, С.И. Русская антропонимия XVII–XVIII вв.: (На материале переписных книг городов России): Автореф. дис. ... канд. филол. Наук: 10.660 / Зинин Сергей Иванович; Ташк. гос. ун-т им. В.И. Ленина. – Ташкент: [б. и.], 1969.

– 22 с.

50. Зубкова, Л.И. Классификация антропонимической коннотации: сб. науч. ст. по итогам XIII международной науч. конф. «Ономастика Поволжья»: Ярославль, 13–14 сентября 2012 года / Л.И. Зубкова / под отв. ред. Р.В. Разумова, В.И. Супруна. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. – 423 с.

51. Зубкова, Л.И. Коннотация диалектности у антропонимов и ее национально-культурное своеобразие (по произведениям писателей-"деревенщиков") / Л.И. Зубкова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – № 5 (39). – С. 97–100.

52. Зубкова, Л.И. Культурная обусловленность антропонимической коннотации / Л.И. Зубкова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – № 8 (64). – С. 146-152.

53. Зубкова, Л.И. Русское имя второй половины XX века в лингвокультурологическом аспекте: по произведениям Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Распутина и В. Шукшина: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.01 / Зубкова Людмила Ивановна; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2009. – 40 с.

54. Караулов, Ю.Н. Общая и русская идеография / Ю.Н. Караулов / отв. ред. С.Г. Бархударов. – Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 360 с

55. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 261 с.

56. Карнович, Е.П. Русские имена и фамилии: их необычное происхождение / Е.П. Карнович. – М.: Центрполиграф, 2019. – 225 с

57. Катаков, Л. Занимательная ономастика: О русских фамилиях / Л. Катаков. – М.: ФЛИНТА, 2020. – 240 с.

58. Катермина, В.В. Номинации человека: национально-культурный аспект (на материале русского и английского языков) [Электронный ресурс]: монография / В.В. Катермина. – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2016. – 224 с.

59. Каширина, Н.М. Коннотация как сопутствующее значение языковой единицы / Н.М. Каширина // В сборнике: Университетские чтения – 2015. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. Том Часть 3. – Пятигорск, 2015. –

С. 83–88.

60. Кисель, О.В. Коннотативные аспекты семантики личных имен / О.В. Кисель // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2008. – № 19. – С. 356–362.

61. Кисель, О.В. Коннотативные аспекты семантики личных имен: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Кисель Олеся Владимировна; Челяб. гос. ун-т. – Челябинск, 2009. – 183 с.

62. Кисель, О.В. Коннотативный потенциал терминов-эпонимов / О.В. Кисель, А.И. Дубских, Е.А. Ломакина, Г.А. Босик // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. – № 4 (137). – С. 148–151.

63. Кисель, О.В. Межъязыковая передача личного имени через призму коннотативного аспекта семантики онимов / О.В. Кисель, Ж.Н. Заруцкая // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2015. – № 3 (49). – С. 393–399.

64. Кислицына, Н.Н. Аспекты рассмотрения феномена коннотации: лакунарность и эмоциональная валентность / Н.Н. Кислицына, С.Г. Агапова // Научный диалог. – 2020. – № 3. – С. 96–112.

65. Кислицына, Н.Н. Коннотация в свете гипотезы об “энергейтичности” языка / Н.Н. Кислицына // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2018. – № 4. – С. 155–160.

66. Кислицына, Н.Н. Коннотация в свете общей теории дискурса / Н.Н. Кислицына // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2016. – № 5 (109). – С. 85–89.

67. Кислицына, Н.Н. О коннотации в свете концепции речевых жанров / Н.Н. Кислицына, М.Г. Дещенко // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2018. – № 1 (29). – С. 121–128.

68. Кислицына, Н.Н. О месте коннотативного значения в семантической структуре слова / Н.Н. Кислицына // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. – 2011. – Т. 24 (63). – № 4-2. – С.129–136.

69. Кислицына, Н.Н. Особенности передачи коннотации при переводе

экспрессивно-оценочных метафор в публицистических текстах / Н.Н. Кислицына, Т.В. Мельниченко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 3–1 (81). – С. 108–111.

70. Козлова, Т.В. Семантика фразеологизмов с названиями животных в современном русском языке / Т.В. Козлова. – М.: Изд-во МГУ, 2003 (Тип. изд-ва). – 191 с.

71. Колосова, Е.И. Этнокультурная специфика паремий с компонентом-антропонимом (на материале русского и польского языков) / Е.И. Колосова // В сборнике: Славянские языки и культуры в современном мире: III Международный научный симпозиум: Труды и материалы (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 23–26 мая 2016 г.). – М.: МАКС Пресс, 2016. – С. 309–311.

72. Концевич, Л.Р. Китайские имена собственные и термины в русском тексте (Пособие по транскрипции). / Л.Р. Концевич. – М.: Муравей, 2002. – 263 с.

73. Копыльских, О.В. Лингвокультурологический аспект изучения русских антропонимов / О.В. Копыльских // В сборнике: Гуманитарные проблемы современности. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Тюмень, 2009. – С. 394–398.

74. Королева, И.А. Проблематика прозвищной номинации в русской антропонимике / И.А. Королева // Известия смоленского государственного университета. – 2018. – № 4(44) – С. 98-108

75. Королева, И.А. Становление русской антропонимической системы: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.01 / Королева Инна Александровна; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2000. – 387 с.

76. Косиченко, Е.Ф. Имя-символ в семиологическом и лингвокультурологическом рассмотрении / Е.Ф. Косиченко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 652. – С. 124–134.

77. Косиченко, Е.Ф. Концептуальность культурно значимых антропонимов как причина языковой интерференции / Е.Ф. Косиченко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2011. – № 626. – С. 54–67.

78. Косиченко, Е.Ф. Особенности функционирования культурно значимых антропонимов в художественном тексте / Е.Ф. Косиченко // Функциональные проявления современных языков. – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. – 292 с. – Вестник МГЛУ. – Вып. 19 (652) ч.1.). Серия «Языкознание». – С. 94–103.

79. Костомаров, В.Г., Логосистема как категория лингвокультурологического поиска / В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова // В сборнике: Лингводидактический поиск на рубеже веков. Юбилейный сборник. Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. – М., 2000. – С. 88-96.

80. Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 282 с.

81. Кропотова, Л.В. История развития лексической коннотации / Л.В. Кропотова // Язык и культура. – 2010. – № 1 (9). – С. 33–47.

82. Крюкова, И.В. Коннотативная эргонимия / И.В. Крюкова // В сборнике: Ономастика Поволжья. Материалы XVII Международной научной конференции. / Составитель и редактор В.Л. Васильев. – Великий Новгород, 2019. – С. 68–72.

83. Крюкова, И.В. Аксиологическая коннотация имени собственного: динамический аспект / И.В. Крюкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12. – № 10. – С. 261–266.

84. Крюкова, И.В. Коннотативные имена собственные постсоветского периода как объект сравнения / И.В. Крюкова // В сборнике: Ономастика Поволжья. материалы XVIII Международной научной конференции. В 2 томах. Том 1. – Кострома, 2020. – С. 83–88.

85. Крюкова, И.В. Пограничные разряды ономастики в современном русском языке: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Крюкова Ирина Васильевна; ВГПУ. – Волгоград, 1993. – 21 с.

86. Курилович, Е. Положение имени собственного в языке / Е. Курилович // Очерки по лингвистике. – М.: Изд-во иностр. литры, 1962. – С. 251–266.

87. Кучешева, И.Л. Анализ топонимов и антропонимов в составе мифонимов библейского происхождения через призму лингвокультурологии (на материале английского и немецкого языков) / И.Л. Кучешева // Вестник Северного

(Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2017. – № 3. – С. 118–125.

88. Лебедев, А.В. Личность и ее свойства: Учеб. пособие. / А.В. Лебедев; М-во образования Рос. Федерации. Санкт.-Петербург. гос. ун-т низкотемператур. и пищевых технологий. – СПб. :С Пб.: СПбГУНиПТ, 2001. – 212 с.

89. Леви-Стросс, К. Первобытное мышление. /К. Леви-Стросс. – М.: Республика, 1994. – 180 с.

90. Ленинцева, В.А. Прецедентные имена китайской национальной культуры / В.А. Ленинцева, Т.Н. Бурукина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2015. – № 2. – С. 70–89.

91. Леонович, О.А. В мире английских имен: Учеб. Пособие по лексикоологии / О.А. Леонович. – 2-е изд., испр. и дол. –М.: ООО «Издательство Астрель», 2002. – 160 с.

92. Литвина, А.Ф. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. / А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успекский. – М.: «Индрик», 2006. – 904 с.

93. Литвина, А.Ф. Русские имена половецких князей: Междинастические контакты сквозь призму антропонимики / А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успекский / Отв. ред. Ю.В. Кагарлицкий. – М.: ПОЛИМЕДИА, 2013. – 280 с.

94. Лукаш, Г.П. Концептуальное соотношение общих коннотонимов в русском и украинском языках / Г.П. Лукаш // В сборнике: Русский язык: система и функционирование (к 80-летию профессора П.П. Шубы): материалы III Междунар. науч. конф., Минск, 6–7 апр. 2006 г.: в 2 ч. / редкол.: И.С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2006. – Ч. 2. – С. 262–265.

95. Мадиева, Г.Б. Антропонимы как средство выражения национальной культуры / Г.Б. Мадиева, В.И. Супрун // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2010. – № 6 (50). – С. 96–102.

96. Мадиева, Г.Б. Общие проблемы ономастики / Г.Б. Мадиева, В.И. Супрун // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований. Коллективная монография. Памяти заслуженного деятеля науки Республики

Адыгея и Кубани, профессора Розы Юсуфовны Намитоковой. Научные редакторы В.И. Супрун, С.В. Ильясова. – Майкоп, 2017. С. 11– 51.

97. Мадиева, Г.Б. Теория и практика ономастики. Учебное пособие / Г.Б. Мадиева, В.И. Супрун. – Алматы: Қазақ университеті; Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2015. – 199 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/1938?mode=full> (дата обращения: 05.08.2019).

98. Мадиева, Г.Б., Антропонимы как средство выражения национальной культуры / Г.Б. Мадиева, В.И. Супрун // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2010. – № 6 (50). – С. 96–102.

99. Мамонтов, А.С. Язык и культура: Основы сопоставительного лингвострановедения: диссертация соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.19. / Мамонтов Александр Степанович; Российская академия наук институт языкознания РАН. – М., 2000. – 326 с.

100. Манликова, М.Х. Национально-культурная специфика русской антропонимики / М.Х. Манликова // Вестник физической культуры и спорта. – 2016. – № 1 (13). – С. 233–243.

101. Маркевич, В.И. Национально-культурная специфика фразеологизмов с компонентом-антропонимом в русском, белорусском и немецком языках / В.И. Маркевич // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 7-2 (37). – С. 136–139.

102. Маслова, В.А. Ономастика сквозь призму лингвокультурологии / В.А. Маслова // В сборнике: Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования. Сборник научных статей. – Витебск, 2018. – С. 27– 31.

103. Маслова, В.А. Homo lingualis в культуре: Монография. / В.А. Маслова. – М.: Гнозис, 2007. – 318 с.

104. Маслова, В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с

105. Матвеев, А.К. Ономастика и ономатология: терминологический этюд / А.К. Матвеев // Вопросы ономастики. – 2005. – № 2. – С. 5– 10.

106. Матвеев, А.К. Ономатология: монография / А.К. Матвеев; Российская

академия наук, Отделение историко-филологических наук. – М.: Наука, 2006. – 290 с.

107. Мезенко, А.М., Антропонимное пространство витебщины / А.М. Мезенко, Т.В. Скребнева. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2013. – 148 с.

108. Мезенко, А.М., Белорусское поозерье: культура – ономастика – социум: монография / А.М. Мезенко, Т.Ю. Васильева, Ю.М. Галковская, М.Л. Дорофеенко / под науч. ред. А.М. Мезенко. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2017. – 180 с.

109. Мелехова, Л.А. Коннотация императива: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Мелехова Любовь Александровна; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2012. – 19 с.

110. Михайлова, Ю.Л. Коннотативная окраска топонимов и особенности их функционирования в лексическом составе английского языка / Ю.Л. Михайлова, М.Р. Михайлов // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2017. – № 3 (16). – С. 69–71.

111. Морковкин, В.В. Идеографические словари / В.В. Морковкин; Моск. гос. унт им. Ломоносова. Науч.-метод. центр. рус. яз. Сектор лексикологии и словарей. – М.: [б. и.], 1970. – 69 с.

112. Морковкин, В.В. Опыт идеографического описания лексики: (Анализ слов со значением времени в рус. яз.) / В.В. Морковкин / Под ред. Л.А. Новикова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 166 с.

113. Нахимова, Е.А. Дискуссия о статусе и семантике имени собственного / Е.А. Нахимова // Политическая лингвистика. – 2010. – № 1 (31). – С. 171–174.

114. Нахимова, Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации / Е.А. Нахимова; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т»; Ин-т социального образования. – Екатеринбург: ГОУ ВПО «Уральский гос. пед. ун-т», 2007. – 207 с.

115. Ненашева, Т.А. Коннотативная семантика референтно однозначного имени: монография / Т.А. Ненашева. – Нижний Новгород: Нижегородский технический ун-т, 2012. – 153 с.

116. Ненашева, Т.А. Специфика коннотативного значения американских антропонимов: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04 /

Ненашева Татьяна Александровна; Нижегородского государственного педагогического института иностранных языков им. Н.А. Добролюбова. – Нижний Новгород, 1993. – 16 с.

117. Никитина, О.А. О становлении понятия "коннотация" в лингвистике /О.А. Никитина// Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2017. – Т.1. – № 2. – С. 93–102.

118. Никонов, В.А. Введение в топонимику. Изд. 2-е. / В.А. Никонов. –М.: Издательство ЛКИ, 2011. – 184 с.

119. Никонов, В.А. География фамилий / В.А. Никонов. / Отв. ред. С.И. Брук; АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 1988. – 189 с.

120. Никонов, В.А. Имя и общество / В.А. Никонов. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974. – 278 с

121. Никонов, В.А. Ищем имя / В.А. Никонов. – М.: Сов. Россия, 1988. – 128 с

122. Никонов, В.А. Словарь русских фамилий / В.А. Никонов / Сост. Е.Л. Крушельницкий. – М.: Школа-Пресс, 1993. – 224 с.

123. Никонов, В.М. Единицы языка, способы их коннотирования в словарях XXI века / В.М. Никонов // В сборнике: Вторые Щеулинские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Василия Васильевича Щеулина. – Липецк, 2018. – С. 68–71.

124. Никонов, В.М. Коннотативный аспект языковых единиц в их многомерном традиционном и новом изучении / В.М. Никонов // В сборнике: Язык как система и деятельность – 5. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию Южного федерального университета и 90-летию со дня рождения профессора Ю.А. Гвоздарева. – Ростов-на-Дону, 2015. – С. 42–44.

125. Никонов, В.М. Коннотативный потенциал и его реализация в триаде понятие – значение – концепт (спорные проблемы) / В.М. Никонов // Филологos. – 2012. – № 13. – С. 67–73.

126. Никонов, В.М. Коннотативный потенциал синтаксических конструкций и его реализация в текстовом дискурсе: традиционные и новые аспекты исследования

/ В.М. Никонов // В сборнике: Первые Щеулинские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора В.В. Щеулина. Е.А. Попова (отв. редактор). – Липецк, 2016. – С. 64–67.

127. Никонов, В.М. Коннотация и терминологические знания о ней: к вопросу об уточнении и стратификации терминологии / В.М. Никонов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 1. – С. 17–23.

128. Никонов, В.М. Коннотация как смысл / В.М. Никонов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2011. – № 4 – С. 119–122.

129. Никонов, В.М. Микро- и макрокомпоненты языковой/речевой коннотации в синхронии и диахронии / В.М. Никонов // ФИЛОЛОГОС. – 2013. – № 1. – С. 50–56

130. Никонов, В.М. Общетеоретические и прикладные проблемы коннотации / В.М. Никонов // Вестник РУДН. Сер.: Лингвистика. – 2008. – № 1. – С. 5–13.

131. Никонов, В.М. Проблемы динамики коннотации и ее микрокомпонентов в триаде текст-дискурс-картина мира / В.М. Никонов // Вестник ВГУ, Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – №1. – С. 95–100.

132. Никонов, В.М. Теоретические и прикладные аспекты динамики коннотаций в русском языке на рубеже XX–XXI вв. / В.М. Никонов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. № 2. – С. 51–54.

133. Новикова, Ю.Н. Антропонимия Донетчины: Монография / Ю.Н. Новикова. – Макеевка: ПЦ ДонНАСА, 2017. – 80 с.

134. Пак, С.М. Ономастикон как объект филологического исследования: На материале американского дискурса XIX – XX вв.: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.04. / Пак Светлана Михайловна; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М.: 2005. – 366 с.

135. Панькин, А.Б. Этнокультурные коннотации содержания образования:

проект и принципы его реализации / А.Б. Панькин // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2013. – Т. 6. – № 1. – С. 81–86.

136. Пахомова, И.Н. Коннотация и лексическая семантика слова: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Пахомова Ирина Николаевна; Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Тамбов, 2009. – 24 с.

137. Полякова, Е.Н. Из истории русских имен и фамилий. Книга для учащихся / Е.Н. Полякова. – М.: «Просвещение», 1975. – 160 с.

138. Полякова, Е.Н. культура питания в прикамье XVI– XVIII веков (по данным лексики и ономастики пермских памятников письменности). статья вторая / Е.Н. Полякова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2009. – № 5. – С. 5–15.

139. Полякова, Е.Н. О связи языка и культуры по данным лексики и ономастики (фамилия Коноплёв и слово Конопля) / Е.Н. Полякова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2010. – № 5 (11). – С. 7–17.

140. Попова, З.Д., Лексическая система языка: внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: URSS, 2010. – 171 с.

141. Продолжительность жизни по данным Росстат [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosinfostat.ru/prodolzhitelnost-zhizni/> (дата обращения: 25.05.2022)

142. Псеунова, Б.Х. Антропонимы в современном американском молодежном сленге: психолингвистический анализ: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Псеунова Бэла Халидовна; Ин-т языкознания РАН. – М., 2011. – 24 с.

143. Псеунова, Б.Х. Антропоним как отражение национально-культурной специфики языкового сознания носителя сленга / Б.Х. Псеунова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2011. – № 1. – С. 140–143.

144. Пуцилева, Л.Ф. Культурно детерминированные коннотации русских

зоонимов и фитонимов: на фоне итальянского языка: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Пуцилева Лариса Филипповна; С.–Петербург. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2009. – 17 с.

145. Ражина, В.А. Ономастические реалии: лингвокультурологический и прагматический аспекты: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Ражина Виктория Александровна; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2007. – 156 с.

146. Ракитина, О.Н. Национально-культурная коннотация как семантическая категория (на материале русских и немецких слов, обозначающих участки рельефа в фольклорных текстах): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ракитина, Ольга Николаевна; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2005. – 229 с.

147. Ревзина, О.Г. Лингвистика XXI века: на путях к целостности теории языка / О.Г. Ревзина // Критика и семиотика. – Вып. 7. – Новосибирск, 2004. – С. 11–20.

148. Реформатский, А.А. Введение в языковедение / А.А. Реформатский, Под ред. В.А. Виноградова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 536 с.

149. Розенталь, Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.

150. Рут, М.Э. Образная номинация в русской ономастике / М.Э. Рут. – М.: URSS: Изд-во ЛКИ, 2008. – 188 с.

151. Рыгалина, М.Г. Русские фамилии как объект лингвокультурологии / М.Г. Рыгалина // Вопросы лексикографии. – 2014. – № 1 (5). – С. 92–107.

152. Рылов, Ю.А. Имена собственные в европейских языках. Романская и русская антропонимика. Курс лекций по межкультурной коммуникации / Ю.А. Рылов. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2006. – 311 с.

153. Сабитова, З.К. Лингвокультурология Лингвокультурология: учебник / З.К. Сабитова. – 2-е изд., стер. – М.: Флинта: Наука, 2015. – 521 с.

154. Скуридина, С.А. Мать-сыра-земля как мифопоэтическая константа творчества Ф.М. Достоевского: ономастический аспект / С.А. Скуридина // Вестник славянских культур. – 2016. – № 4 (42). – С. 143–150.

155. Смилевец, О.Д. Псевдонимы саратовских писателей и журналистов /

О.Д. Смилевец. – Саратов: Изд-во Саратов.ун-та, 2003. – 108 с.

156. Соболевский, А.И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии / А.И. Соболевский, заслуж. проф. Имп. Акад. наук, академика. – Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1910. – 228 с.

157. Соболевский, А.И. Заметки о собственных именах в великорусских былинах // Живая старина. – 1890. – № 4. – С. 93–107.

158. Соколова, Г.Г. Составляющие коннотативного значения фразеологических единиц // Лингвистические проблемы перевода. – М., 1981. – С. 54–62.

159. Степанов, М.С. Знак, коннотация, стиль: взаиморазвитие / М.С. Степанов // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2012. – № 4 (104). – С. 90–92.

160. Степанова, Ф.В. Русский женский антропонимикон в культурно-генетическом аспекте: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01 / Степанова Фаина Вячеславовна; Красноярский государственный университет. – Лесосибирск, 2006. – 191 с.

161. Стернин, И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. / И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1979. – 156 с.

162. Сторожева, Е.М. Коннотация и ее структура / Е.М. Сторожева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 13. – С. 113–118.

163. Сторожева, Е.М. Оценка идиомной коннотации слова представителями разных социальных групп / Е.М. Сторожева // Проблемы социо- и психолингвистики. – 2011. – № 15. – С. 300–308.

164. Сторожева Е.М. Социальная обусловленность идиомного компонента лексической коннотации: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Сторожева Екатерина Михайловна; Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2009. – 19 с.

165. Суперанская, А.В., Сулова, А.В. О русских фамилиях / А.В. Суперанская, А.В. Сулова. – СПб.: «Авалонь», Издательский дом «Азбука-классика», 2008. – 288 с.

166. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного. / А.В. Суперанская.

– М.: Наука, 1973. – 366 с.;

167. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного. / А.В. Суперанская. – Изд. 2-е, испр. – М.: URSS, 2007. – 366 с.

168. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного. / А.В. Суперанская. – Изд. стереотип. – М.: URSS, 2019. – 368 с.

169. Суперанская, А.В. Современные русские фамилии / А.В. Суперанская, А.В. Суслова / Отв. Ред. Ф.П. Филин. Изд. 2-е. – М.: ЛЕНАНД, 2019. – 176 с.

170. Суперанская, А.В. Теория и методика ономастических исследований / А.В. Суперанская В.Э. Сталтмане, Н.В. Подольская, А.Х. Султанов / Отв. Ред. А.П. Непокупный. – Изд. Стереотип. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019. – 256 с.

171. Суперанская, А.В. Имя – через века и страны / А.В. Суперанская / отв. ред. Э.М. Мурзаев. – 2-е изд., испр. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 192 с.

172. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская / Отв. Ред. А.А. Реформатский, Изд. Стереотип. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019. – 366 с.

173. Суперанская, А.В. Ономастика начала XXI века / А.В. Суперанская / отв. ред. Н.В. Васильева. – М.: Институт языкознания РАН, 2008. – 80 с.

174. Супрун, В.И. Лингвокультурологические и лингводидактические аспекты русской ономастики / В.И. Супрун // В сборнике: Ценности в лингвокультурном аспекте: языковое сознание, коммуникация, текст. материалы международной научной конференции. Тяньцзиньский университет иностранных языков. – 2017. – С. 164–171.

175. Супрун, В.И. Обращение как отражение русской коммуникативной культуры / В.И. Супрун // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. – 2015. – Т. 5. – № 11. – С. 90–93.

176. Супрун, В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: Монография / В.И. Супрун; М-во образования Рос. Федерации. Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград: Перемена, 2000. – 171 с.

177. Супрун, В.И. Русский антропоним: структура, взаимосвязь компонентов,

денотативные и коннотативные аспекты ономастической семантики / В.И. Супрун // В сборнике: Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы междунар. конф., Екатеринбург, 8–12 сент. 2009 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. – С. 254–257.

178. Супрун, В.И. Становление русского антропонимикона: этапы христианизации / В.И. Супрун // В сборнике: Хрестоматия теолингвистики. сборник статей. ООО "Мастер Студия"; Instytut Slawistyki Uniwersytetu Opolskiego (Polska); ФГБОУ ВО Казанский ГМУ Минздрава России. –Ульяновск, 2019. – С. 156-175.

179. Суслова, А.В., Суперанская, А.В. О русских именах / А.В. Суслова, А.В. Суперанская . – 3 –е изд., испр. и доп. –Л.: Лениздат, 1991. – 219 с.

180. Сызранова, Г.Ю. Ономастика: учеб. пособие / Г.Ю. Сызранова. – Тольятти: Изд-во ТГУ, 2013. – 248 с.

181. Телия, В.Н. Идеографический анализ фразеологизмов: предпосылки и процедуры / В.Н. Телия / Идеографический и историко-этимологический анализ славянской фразеологии: [Тез. докл. междунар. симпоз., сент. 1994 г. / Редкол.: Л. Я. Костючук (отв. ред.) и др.]. – Псков: ПГПИ, 1994. – С. 92-94.

182. Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия / отв. ред. А.А. Уфимцева; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1986. – 141 с.

183. Телия, В.Н. Коннотация. Большая российская энциклопедия. / В.Н. Телия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/linguistics/text/2090746> (дата обращения 23.12.2021)

184. Телия, В.Н. Культурная коннотация как способ воплощения культуры в языковой знак / В.Н. Телия, Е.О. Опарина // Культурология. – 2011. – № 1 (56). – С. 145–148.

185. Телия, В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 284 с.

186. Телия, В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке:

диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.19 / Телия Вероника Николаевна. – Москва: Наука, 1981. – 272 с.

187. Терновая, Л.О. Ономастика – путеводитель по международным связям / Л.О. Терновая // Обозреватель–Observer. – 2013. – № 11 (286). – С. 081–094.

188. Токарев, Г.В. Лингвокультурология: Учеб. пособие / Г.В. Токарев. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2009. – 135 с.

189. Токвиль, А. Старый порядок и революция / Алексис Токвиль / пер. с фр. Л.Н. Ефимова. – СПб.: Алетейя, 2008. – 248 с.

190. Толстой, Н.И., Толстая, С.М. Имя в контексте народной культуры / Проблемы славянского языкознания. Три доклада к XII Международному съезду славистов / РАН, Ин-т славяноведения, Национальный комитет славистов РФ. – М., 1998. – С. 88–125.

191. Тэйлор, Э. Первобытная культура / Э. Тэйлор / пер. Д.А. Коропчевский, А. Ивин; под ред. В.К. Никольского. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 742 с. –

192. Фильцова, М.С. От понятия к номинации: идеографическое описание единиц с зависимым инфинитивом в русском языке / М.С. Фильцова // Молодой ученый. – 2015. – № 14 (94). – С. 603–607.

193. Хамаева, Е.А. Китайские антропонимы: монография / Е.А. Хамаева. – Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2015. – 308 с.

194. Цепкова, А.В. Лингвокультурологический потенциал прозвищ различных мотивационных типов (на материале английского языка) / А.В. Цепкова // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2012. – № 5 (9). – С. 105–114.

195. Чигашева, М.А. Ассоциативный потенциал антропонимов в немецком и русском языке / М.А. Чигашева // Вестник Брянского государственного университета. – 2015. – № 2. – С. 319–323.

196. Чичагов, В.К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий: Вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв. / В.К. Чичагов / Предисл. О.Г. Гецовой. – Изд. 2-е. – М.: ЛЕНАНД, 2018. – 128 с.

197. Шмелев, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики: (На материале

рус. яз.). / Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1973. – 280 с.

198. Шмелева, Т.В. Ономастика: учеб. пособие / Т.В. Шмелева; – Славянск-на-Кубани: Издательский центр филиала ФГБОУ ВПО «КубГУ» в г. Славянске-на-Кубани, 2013. – 161 с.

199. Якименко, Е.В. Все о твоём имени. Наташа / Е.В. Якименко. – Минск: Харвест, 2007. – 64 с.

200. Ян Хуэй. Национально-культурная семантика русских и китайских антропонимов / Ян Хуэй, Чжан Юй, СМ. Соловьева // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2017. – № 1 (57). – С. 135–146.

201. Ян Хуэй. Национально-культурные особенности антропонимов в китайском и русском языках / Ян Хуэй // Веснік БДУ. – 2004. – Сер. 4. – № 2. – С. 69–74

202. 《二〇二〇年全国姓名报告》发布.[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mps.gov.cn/n2254314/n6409334/c7726021/content.html> (дата обращения: 12.04.2022) («Национальный отчет о фамилиях и именах за 2020 год» опубликован)

203. 《二〇二一年全国姓名报告》发布. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mps.gov.cn/n2254314/n6409334/c8349265/content.html> (дата обращения: 12.04.2022) («Национальный отчет о фамилиях и именах за 2021 год» опубликован)

204. 郭让舜. 中国人的姓名: 姓名的由来和名字取法/郭让舜. –合肥: 安徽人民出版社 –10.2000. –195 с. (Го Жаншунь. Антропонимы китайцев: происхождения и наречение имени китайских антропонимов / Го Жаншунь. – г. Хэфэй: Аньхойское народное издательство, 10.2000. –195 с.)

205. 李浩. 流声/李浩. –北京: 生活·读书·新知三联书店, 01.09.2017. –310 с. (Ли Хао. Широкая известность / Ли Хао. – г. Пекин: Издательства Саньянь «Жизнь-Чтение-Новое знание», 01.09.2017. –310 с.)

206. 李易明. 中国古代名人姓名探源/李易明. –北京: 中国华侨, 01.12.2015. – 269 с. (Ли Имин. Происхождение антропонимов древних китайцев / Ли Имин. –

г. Пекин: Издательство «Китайские Хуацяо», 01.12.2015. – 269 с.)

207. 石磊. 中国人的姓名文化与命名艺术/石磊编著. – 北京: 经济科学出版社, 06.2013. – 166 с. (Ши Лэй. Антропонимическая культура и культура наречения имен китайцев. / Ши Лэй. – г. Пекин: Издательство «Экономические науки», 06.2013. – 166 с.)

208. 孙绪武. 汉字中国: 汉字与姓名/孙绪武著, 张玉金编. –广州: 暨南大学出版社, 01.02.2015. – 260 с. (Сунь Сюйу. Китайские иероглифы: иероглифы и антропонимы / Сунь Сюйу; под ред. Чжан Юйцзинь. – г. Гуанчжоу: Издательство «Университет Цзинань», 01.02.2015. – 260 с.)

209. 谭汝为. 人名春秋/谭汝为. –上海: 商务印书馆, 01.10.2016. –349 с. (Тань Хувэй. История антропонимов / Тань Хувэй. – г. Шанхай: Коммерческое издательство, 01.10.2016. –349 с.)

210. 王宝明. 中国姓氏与人名/王宝明. –太原: 山西人民出版社, 03.1994. – 317 с. (Ван Баомин. Китайские фамилии и личные имена / Ван Баомин. – г. Тайюань: Шаньсийское народное издательство, 03.1994. – 317 с.)

211. 王泉根. 中国人名文化/王泉根. – 北京: 团结出版社, 2000. – 352 с. (Ван Цюаньгэнь. Антропонимическая культура китайцев / Ван Цюаньгэнь. – г. Пекин: Издательство «Солидарность», 2000. – 352 с.)

212. 王泉根. 中国人姓名的奥秘(一): 王泉根教授谈姓氏/王泉根著. – 北京: 当代中国出版社, 04.2010. – 282 с. (Ван Цюаньгэнь. Тайна китайских антропонимов (I): профессор Ван Цюаньгэнь рассказывает о фамилиях / Ван Цюаньгэнь. – г. Пекин: Издательство «Современный Китай», 04.2010. – 282 с.)

213. 王树和. 闲话人名/王树和. – 天津: 百花文艺出版社, 05.1993. – 168 с. (Ван Шухэ. Разговоры об антропонимах / Ван Шухэ. – г. Тяньцзинь: Издательство «Сотня цветов литературы и искусства», 05.1993. – 168 с.)

214. 王岩. 汉语熟语的文化认知. / 王岩. – 郑州: 大象出版社. 2012 – 205 с. (Ван Янь. Китайские фразеологизмы в культурном когнитивном аспекте / Ван Янь. – г. Чжэнчжоу: Издательство «Слон», 2012 – 205 с.)

215. 王艳军. 国学经典文库: 中华姓氏文化/王艳军. – 广州: 线装书局, 01.01.2013. –1756 с. (Ван Яньцзюнь. Сборники классики китайской отечественной науки: Культура китайских фамилий / Ван Яньцзюнь. – г. Гуанчжоу: Книгоиздательства «Прошивная брошюровка», 01.01.2013. –1756 с.)
216. 肖遥天. 中国人名的研究/肖遥天. –北京: 国际文化出版公司, 1987. –281 с. (Сяо Яотянь. Исследование китайских антропонимов / Сяо Яотянь. – г. Пекин: Издательская компания «Международная культура», 1987. – 281 с.)
217. 杨扬. 汉语人名文化放谈/杨扬著. – 北京: 新华出版社, 2004. –451 с. (Ян Ян. Разговоры об антропонимической культуре в китайском языке / Ян Ян. – г. Пекин: Издательство «Синьхуа», 2004 – 451 с.)
218. 赵瑞民. 姓名与中国文化/赵瑞民. –北京: 中央编译出版社, 01.03.2016. –245 с. (Чжао Жуйминь. Антропоним и китайская культура / Чжао Жуйминь. – г. Пекин: Центральное издательство «Перевод», 01.03.2016. –245 с.)
219. Gardiner A. The theory of proper names: A controversial essay /A. Gardiner. – London. New York: Oxford University Press, 1957. – 76 с.

Словари

220. Азимов, Э.Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. – М.: Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.
221. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М.: Сов. энциклопедия, 1969. – 608 с.
222. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М.: УРСС, 2004 (Калуга: ГУП Облиздат). – 569 с.
223. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов: [Около 7000 терминов] / О.С. Ахманова. – М.: Сов. энциклопедия, 1966. – 607 с.
224. Ахманова, О.С. Словарь омонимов русского языка / О.С. Ахманова. – М.: Сов. энциклопедия, 1974. – 448 с.
225. Большой Энциклопедический словарь. 2000. [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/161934> (дата обращения: 12.04.2022)

226. Большой энциклопедический словарь: [А-Я] / Гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия. энцикл.; СПб.: Норинт, 1993. – 1632 с.

227. Елистратов, В.С. Словарь московского арго: (Материалы 1980-1994 гг.): Ок. 8000 слов, 3000 идиомат. выражений / В.С. Елистратов; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М.: АО "Рус. словари", 1994. – 699 с.

228. Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с

229. Козлова, Т.В. Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных: В помощь политикам, менеджерам, лингвистам / Т.В. Козлова; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова –М.: Дело и Сервис, 2001 – 207 с.

230. Марузо, Ж. Словарь лингвистических терминов / пер. с фр. Н.Д. Андреева; под ред. А.А. Реформатского; предисл. В.А. Звегинцева. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – 436 с.

231. Матвеева, Т.В. Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 562 с.

232. Никонов, В.А. Словарь русских фамилий / В.А. Никонов; Сост. Е.Л. Крушельницкий. – М.: Школа-Пресс, 1993. – 224 с

233. Петровский, Н.А. Словарь русских личных имен: Ок. 2600 имен / Н.А. Петровский. – 3-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1984. – 384 с.

234. Подольская Н.В. Антропонимика / Лингвистический энциклопедический словарь / [Науч.-ред. совет изд-ва "Сов. энцикл.", Ин-т языкознания АН СССР]; Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 682 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/036b.html> (дата обращения: 06.05.2022)

235. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – М.: Наука, 1978. – 198 с.

236. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская / Отв. ред. А.В. Суперанская; АН СССР, Ин-т языкознания. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 187 с.

237. Соколова, Е.Е. Ассоциация. Большая российская энциклопедия. / Е.Е. Соколова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/psychology/text/1835213> (дата обращения 23.12.2021)

238. Суперанская, А.В. Словарь народных форм русских имен. Изд. стереоти. / А.В. Суперанская. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2017. – 368 с.

239. Тихонов, А.Н. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык [Электронный ресурс]: в 2 т. / А.Н. Тихонов, Р.И. Хашимов, Г.С. Журавлева и др. / под общ. ред. А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова. – Т. 1. – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2014. – 840 с.

240. Толковый словарь Ожегова. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 1949-1992. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/193906> (дата обращения 23.12.2021)

241. Толковый словарь Ушакова. Д.Н. Ушаков. 1935–1940. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/990674> (Дата обращения: 01.07.2020.)

Источники языкового материала

242. Отин, Е.С. Словарь коннотативных собственных имен / Е.С. Отин. – М.; Донецк: А Темп; 2006. – 435 с.

243. Россия. Большой лингвострановедческий словарь / Под общ. ред. Ю.Е. Прохорова. – М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. АСТ-Пресс. 2007, с. 736

244. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/>